
ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Москва. У Бородинского моста. Фото Г. Петрусова.

На первой странице обложки: Въезд в Каир.

На последней странице обложки: Египет. Сфинкс. Фото А. Софронова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 2 (1595)

36-й год издания

5 ЯНВАРЯ 1958

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЛЕНИНСКИЕ ПРЕМИИ ВЫДАЮЩИМСЯ БОРЦАМ ЗА МИР

Комитет по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами» присудил премии за 1956 год новой плеяде выдающихся борцов за сохранение и укрепление мира. Прогрессивное человечество благодарно этим людям за их самоотверженную деятельность на благо народов всего мира.

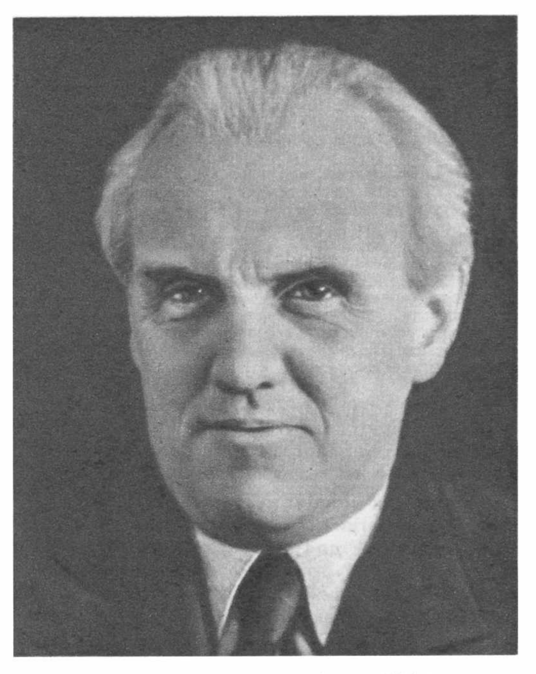
ЧАНДРАСЕКХАРА ВЕНКАТА РАМАН — ученый-физик, президент Индийской Академии наук.

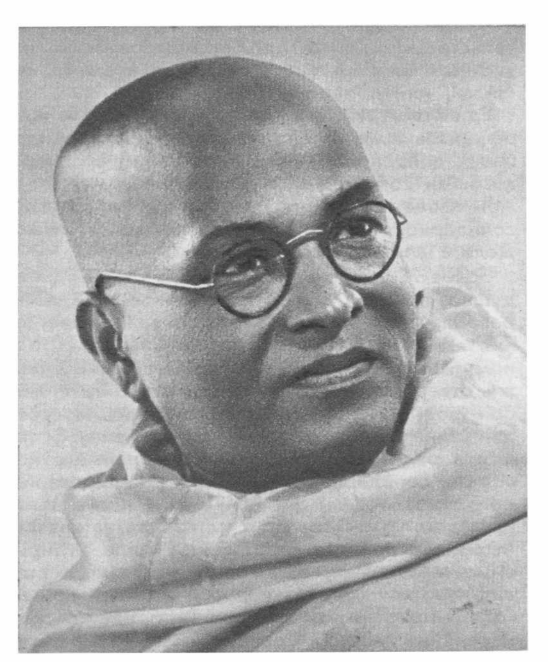
ЭММАНЮЭЛЬ д'АСТЬЕ ДЕ ЛА ВИЖЕРИ — общественный деятель, вице-председатель Всемирного Совета Мира (Франция).

МАРИЯ РОСА ОЛИВЕР — писательница и общественный деятель, член Всемирного Совета Мира (Аргентина).

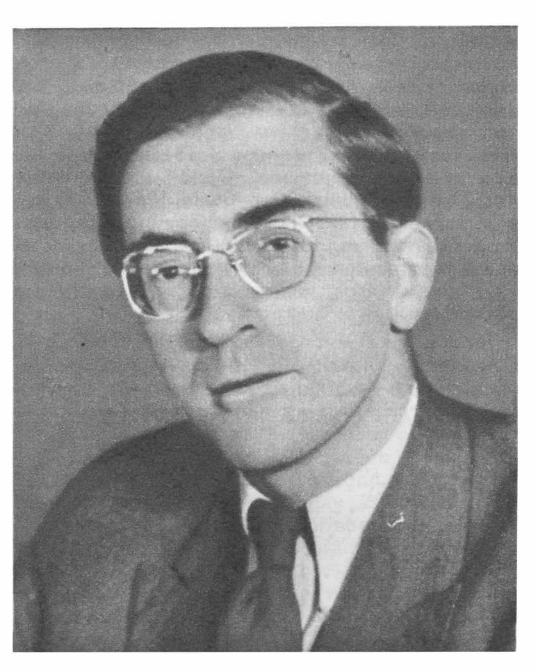
НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ТИХОНОВ — писатель, председатель Советского Комитета Защиты Мира (СССР).

УДАКЕНДАВАЛА САРАНАНКАРА ТХЕРО — буддийский священник (Цейлон).

ДАНИЛО ДОЛЬЧИ — писатель и общественный деятель (Италия).

ГЕНРИХ БРАНДВАЙНЕР — профессор международного и церковного права университета города Граца (Австрия).

Члены советской делегации в зале заседания Конференции солидарности стран Азии и Африки.

Снимки приняты по телеграфу.

Это было в Каире

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Когда пишутся эти строки, заседания Конференции солидарности народов Азии и Африки в Каире подходят к концу.

Подходит к концу и старый 1957 год. Это был год нелегкий, но вместе с тем во многом радостный для тех, кто смотрит на мир не через жерла орудий, а разглядывает Землю и ее население с высоты проносящихся вокруг нашей планеты спутников.

Сверху видится дальше. Многих монбланов мира и дружбы достигло человечество в последние годы, несмотря на трудное восхождение на их вершины, минуя разверзшиеся под ногами бездны, снежные лавины, сбивающие подчас отважных путников. Но как и в смелом труде альпинистов, где безопасность достигается тем, что люди держатся за одну веревку, связывающую их друг с другом, так и в деле укрепления дружбы народов: чем прочнее веревка, чем крепче руки, тем выше взбираются путники, завоевывая все новые и новые вершины. Одной из таких белоснежных вершин на рубеже 1957—1958 годов является Каирская конференция народов Азии и Африки, которая, несомненно, останется крупной вехой в истории не только двух континентов, но и в истории всего человечества.

Теперь уже многое позади. Вспоминается Конференция солидарности стран Азии в столице Индии — Дели. Седая женщина со спокойными глазами в неярком одеянии — сари — открыла конференцию, сказав, что у народов Азии есть общие интересы, общность культуры и что колонизаторы веками рвали живое тело азиатских народов и ввергли в нищету сотни миллионов людей великого азиатского континента. Женщина, открывшая конференцию в Дели, была Рамешвари Неру, славная дочь талантливого и мудрого индийского народа. Еще до этого на пресс-конференции на вопрос какого-то американского корреспондента, «на чьи деньги собран Конгресс?», Рамешвари Неру, так же не повышая голоса, ответила: «Я понимаю ваш вопрос, молодой человек. Вы хотите, чтобы я сказала, что средства, которые понадобились для расходов на конференцию, даны коммунистическими странами. Вы ошибаетесь. Все страны внесли равные взносы за своих делегатов, а жители Дели радушно предоставили свои жилища для тех, кто не мог поместиться в гостиницах. И я убеждена, что дети и матери Азии будут нам благодарны за еще одну попытку сблизить людей друг с другом и установить на земле мир».

Все это уже позади и уже становится историей. А сейчас здесь, в Египте, открывается новая страница в истории Африки и Азии. Совсем недавно египтяне заставили последнего английского солдата покинуть пределы их родины. Еще меньше отделяет нас времени от того дня, когда президент Насер объявил о национализации Суэцкого канала. А уже первую годовщину победы над англо-франко-израильскими агрессорами египтяне отпраздновали вместе с делегатами конференции народов, собравшихся на берегу Средиземного моря — в Порт-Саиде.

В начале 1957 года мне пришлось быть в Порт-Саиде и стоять у могил его защитников. Здесь лежали пробитые пулями каски египетских солдат и чуть привядшие, словно опаленные порохом розы. Кладбищенский сторож, указывая на развороченные бомбами и снарядами могилы, говорил:

— В этом месте был высажен десант сенегальских солдат. Они были во французской форме. Нашими солдатами десант был уничтожен.

Вот оно, страшное лицо колониализма: брат на брата, народ на народ.

В Каире на конференции мы слушали делегата Западной Африки и Сенегала. Он говорил:

— Колонизаторы почему-то считают, что наша кровь совершенно не имеет цены и что ее можно проливать сколько угодно. Я хочу сказать, — продолжал он, — что африканцы только под угрозой оружия идут служить в армию колонизаторов, идут служить, не имея выбора. Если кто откажется — расстрел...

Я слушал эти слова и вспоминал рассказ сторожа кладбища о сенегальских стрелках, высаженных империалистами на землю Порт-Саида. Прошло совсем немного времени с тех пор, а представитель Сенегала, стоя на трибуне конференции, сказал:

— Судьба империализма уже решена, будущее принадлежит нам!

Он произнес эти слова просто и даже не посмотрел на сидящих в зале делегатов, ему не надо было видеть их лица. Он слышал биение их сердец.

НОВАЯ ЗАРЯ

Доктор Ануп СИНГХ,
член индийского парламента

Мы присутствуем при восходе новой зари. Азиаты и африканцы вновь пробуждаются к жизни, к великим историческим делам.

Как символ нового и радостного чувства свободы, новых совместных стремлений и надежд, собралась в Нью-Дели в 1947 году первая большая конференция народов Азии. Ее цель состояла в том, чтобы восстановить и оживить старинные связи между народами великого континента. Видные представители множества азиатских стран собрались в древнем историческом городе и вместе заложили фундамент нового единства азиатских народов. Затем официальные представители пяти азиатских государств встретились в Коломбо, на Цейлоне. После этого последовали многочисленные встречи делегаций, которые все больше закрепляли возрожденные связи.

И затем пришла конференция в Бандунге в 1955 году, конференция, само имя которой теперь обозначает целую эпоху. Официальные представители государств с удивительным единодушием приняли здесь совместные решения. Они подтвердили от имени своих правительств знаменитые пять принципов, ныне известные во всем мире под названием «панча шила», или принципы Бандунга.

Единство, достигнутое в Бандунге между официальными представителями правительств, было дополнено многочисленными неофициальными собраниями и конференциями, и самой известной среди них стала Конференция солидарности стран Азии, собравшаяся в Нью-Дели в апреле 1955 года.

Более 200 делегатов из многих стран единодушно приняли цель ряд резолюций. Они разоблачали колониализм, требовали запрещения ядерного оружия, предоставления народному Китаю его законного места в ООН, а также отвергали расовую дискриминацию в любой форме. Там, в Дели, оформилось могучее движение солидарности народов Азии. С тех пор в ряде стран возникли национальные комитеты солидарности. Они пропагандировали и популяризировали дух Бандунга. Многие делегаты этих комитетов присутствовали на известных конференциях сторонников мира в Хиросиме и Нагасаки, созванных, чтобы протестовать против подготовки новой атомной войны.

Год тому назад произошло предательское нападение Англии, Франции и Израиля на Египет. Оно вызвало бурю негодования во всем мире, и в особенности в странах Азии. Наро-

Может быть, никогда еще так обнаженно и открыто не рассказывали люди Африки и Азии о той боли, которую каждый из них носит в своей душе. Делегат Кувейта говорил:

— Наш народ совершенно бесправен. Мы знаем, что в руках английских колонизаторов находятся огромные денежные фонды, добытые ценой безмерной эксплуатации моих соотечественников, но фонды эти находятся в Лондоне, а мой народ не имеет ничего. У нас нет больниц, у нас нет прессы. Жителям Кувейта запрещено обращаться к адвокатам. Тысячи людей находятся в ссылках и тюрьмах. И вместе с тем идет и идет строительство военных баз.

Да, да, это не оговорка,— идет строительство американских и английских военных баз.

Делегат Судана говорил:

— Нас волнует вопрос о пустыне Сахаре. В Сахаре создаются стартовые площадки для запуска ракетных снарядов.

Это, так сказать, из области освоения пустынных земель по американским стандартам...

— Шестнадцать миллионов фунтов стерлингов затратили мы на военные нужды. Два миллиона фунтов — на покупку оружия. Это цена нашего участия в Багдадском пакте, цена жизни нашего народа, обреченного на голод и нищету,— говорит делегат Ирака.

— Иордания оказалась первой жертвой «доктрины Эйзенхауэра». Победы иорданского народа нанесли тяжелый удар по американской дипломатии, и мы были наказаны за строптивость. Мы освободились от гнета Англии и попали в колониальное рабство Соединенных Штатов Америки,— говорил делегат Иордании.

— Председатель сообщил,— заявил следующий оратор,— что я представляю Французское Сомали. Это не точно, я представляю всё Сомали. У нас есть еще Британское, Итальянское Сомали, но разве сердце можно разделить на части!

Да, будущее принадлежит народам, судьба империализма решена! Но как справедливо сказал делегат Камеруна: «Не следует думать, что колониальные державы преподнесут свободу на серебряном блюде, помните кровь Конго, кровь Алжира!..»

Дыханием борьбы и единства была овеяна вся конференция. Каждый ее день сближал два великих континента, сближал народы Африки и Азии. Более четырех десятков стран было представлено на этой исторической ассамблее народов, и среди них достойное место заняли делегаты Советского Союза. Незабываемой была встреча, когда мы вместе с делегатами Китая, Монголии, Демократической Республики Вьетнам, Корейской Народно-Демократической Республики вышли из «ТУ-104», домчавшего нас за шесть часов из Москвы в Каир, ступили на землю Египта.

До слез тронул всех нас горячий прием, какой оказали делегаты и жители столицы Египта, собравшиеся в огромном зале Каирского университета, руководителю советской делегации, заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР, председателю Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Шарафу Рашидову, направлявшемуся на сцену по приглашению пламенного сына египетского народа Анвара Садата.

Мы знали, это народ Египта приветствовал народы Советского Союза.

А встречи с жителями на улицах, а объятия каирских студентов, а взоры египетских матерей, обращенные к советским делегатам, а рукопожатия защитников Порт-Саида! Разве это забудется, разве это изгладится из памяти?!

...Когда пишутся эти строки, идут уже последние часы старого года. Он был замечательным спутником в движении народа к миру, дружбе и справедливости. Много было ярких событий в прошедшем году и одно из них — Каирская конференция солидарности народов Африки и Азии.

Запомните, друзья, имена государств: Алжир, Марокко, Тунис, Камерун, Кувейт, Ливия, Нигерия, Кения, Мадагаскар, Занзибар, Бельгийское (еще бельгийское!) Конго, Французское (еще французское!) Сомали, Сенегал, Малайя, Сирия, Гана, многие другие. Это не географические понятия, это миллионы людей, борющихся, сражающихся с колониализмом — «дряхлым, архаичным», как сказал о нем представитель из Эфиопии, но еще не сдавшимся, еще оснащенным смертоносным оружием, еще пытающимся задержаться кое-где и вернуться на старые позиции.

Мы знаем это, мы помним об этом, мы вместе с нашими братьями великих континентов Африки и Азии. А когда окончательно рухнет сраженный колониализм, мы вспомним одну из исторических вех, приведших к его поражению, и скажем: «Это было в Каире».

Каир, 31 декабря 1957 года.
По телеграфу.

«МЫ ВСТРЕТИМСЯ КАК ДРУЗЬЯ»

В редакцию «Огонька» пришло письмо из Чикаго. Вместе с теплыми новогодними поздравлениями Джозеф Половский, секретарь организации «Американские ветераны встречи на Эльбе», прислал нам копию своего обращения к американскому народу. Обращение посвящено предстоящей тринадцатой годовщине встречи американских и советских солдат во время минувшей войны. Эту годовщину американские ветераны будут отмечать 25 апреля 1958 года.

В мае 1955 года американские и советские ветераны встречи на Эльбе впервые после войны собрались вместе. Это было в Москве. Нашу столицу посетила группа американских ветеранов встречи на Эльбе, среди которых был и Джозеф Половский. К сожалению, советские ветераны не смогли тогда принять приглашение своих американских товарищей и поехать в США, так как для получения виз Государственный департамент США требовал выполнения таких процедур, как снятие отпечатков пальцев и т. д.

Во время встречи в Москве советские и американские ветераны заявили о решимости бороться за дружбу между американским и советским народами. Они выразили надежду, что в будущем американские и советские ветераны будут обмениваться посланиями и встречаться как друзья.

Но советские ветераны до сих пор не имели возможности посетить своих друзей в США. Этому по-прежнему мешали американские правила получения виз.

В обращении, присланном в «Огонек», Джозеф Половский пишет:

«К огромной радости всех ветеранов встречи на Эльбе Конгресс Соединенных Штатов летом 1957 года внес поправки в правило о выдаче виз... 10 октября 1957 года Государственный департамент заявил, что для таких категорий лиц, как советские ветераны Эльбы, правила о снятии отпечатков пальцев отменены». В связи с этим Джозеф Половский выражает надежду, что советские ветераны смогут приехать в США. В его обращении говорится, что в начале 1958 года американские ветераны встречи на Эльбе пригласят группу советских ветеранов приехать к 25 апреля 1958 года в Вашингтон.

«Американские и советские участники второй мировой войны — ветераны встречи на Эльбе — могут теперь снова встретиться как друзья, как они встречались на реке Эльбе в 1945 году — с той же радостью и с теми же большими надеждами»,— говорится в обращении Джозефа Половского.

ды Азии увидели в этом акте агрессии многое, напоминающее их собственное трагическое прошлое. Агрессия против Египта подтвердила их опасения, что империализм отнюдь не сошел еще со своих преступных путей, а, наоборот, готов в любую удобную минуту вновь наброситься на свои старые жертвы.

Чтобы выразить чувство братской дружбы к египтянам и воздать должное их героическому сопротивлению, комитеты азиатской солидарности направили в Египет миссию доброй воли. Во главе этой миссии находился пишущий эти строки, представитель Индии. Другими членами делегаций были представители Советского Союза, Китая и Японии. Мы засвидетельствовали египетскому народу нашу веру в успех его правого дела и нашли в Египте атмосферу полной уверенности в свои силы, единства и солидарности со всеми свободолюбивыми народами.

Президент Насер с большим удовлетворением принял идею созыва новой конференции стран Азии и Африки в столице Египта Каире. Он несколько раз подчеркнул, что народы Азии и Африки должны работать совместно, что у них давние исторические культурные связи, общие проблемы, вытекающие из экономической и культурной отсталости. Он выразил также ту точку зрения, что было бы желательно созвать эту конференцию народов Азии и Африки как неофициальную. Эта конференция сосредоточила бы на себе пристальное внимание всего мира.

И вот сейчас в Каире созвана такая конференция, в которой участвуют представители более сорока стран.

Нынешняя конференция народов Азии и Африки не находится под покровительством того или иного правительства или правительств. Главная задача конференции — обсудить и выработать общий взгляд народов Азии и Африки на основные острейшие проблемы, которые встают перед человечеством сегодня, и в особенности на те из них, которые близко и прямо касаются Азии и Африки. Делегаты конференции, представляющие народы соответствующих стран, посланы национальными комитетами солидарности либо же общественными организациями, выражающими широкое общественное мнение.

Народы Азии имели в своей истории прочные взаимные связи. Каждый из этих народов вписал в историю человечества славные страницы. Это остается нашим общим бесценным наследством, и память об этом великом прошлом навсегда запечатлена в наших сердцах. Вместе с тем наша память сохранила периоды упадка и иноземной эксплуатации, периоды национального унижения. Теперь мы поднялись к новой жизни, и новые требования бьются в сердцах миллионов людей Азии и Африки. Мы на пути к тому, чтобы закрепить национальную свободу, чтобы никогда эту свободу, завоеванную в борьбе, не выпустить больше из своих рук. Мы служим делу мира.

Нам придется встретить еще много трудных задач, перед нами неизбежный и нелегкий переходный период. Но не будем терять энергии, воли и надежды, эти трудные задачи мы разрешим совместными усилиями. Мы пойдем вперед рука об руку с другими народами и откроем широкое будущее для всех народов Азии и Африки.

Мы, люди Азии и Африки, стоим за свободу, независимость и равенство всех народов. Мы стоим за разрешение всех международных вопросов путем мирных переговоров, в соответствии с духом устава Объединенных Наций. Мы полностью стоим на почве принципов Бандунгской конференции, мы отвергаем путь войны и насилия и целиком отдаем себя делу международного мира.

В этом смысле Конференция солидарности народов Азии и Африки в Каире может быть названа Бандунгом народов.

Выступает глава египетской делегации Анвар Садат. Слева — глава индийской делегации, председатель Комитета солидарности стран Азии г-жа Рамешвари Неру.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ

Беседа с Чрезвычайным и Полномочным Послом Бирмы в СССР У ЧИНОМ

Накануне десятой годовщины Бирманского Союза корреспондент «Огонька» обратился к Чрезвычайному и Полномочному Послу Бирмы в СССР У Чину с просьбой рассказать об основных достижениях Бирмы за десять лет независимости.

— Невозможно в коротком интервью подробно ответить на ваш вопрос. Я перечислю только, на мой взгляд, самое основное.

На первое место я ставлю такое мероприятие, проведенное правительством, как национализация земли. Коротко объясню, что это такое. Благодаря постепенному разорению крестьян в Бирме образовался класс помещиков, владевших тысячами и тысячами акров земли, которую они сдавали в аренду, эксплуатируя крестьян.

Правительство Бирмы решило за выкуп национализировать землю у помещиков, раздав ее малоземельным крестьянам. Помещикам оставлена земля, которая достаточна для обеспечения жизни при условии, если сам помещик или члены его семьи будут работать. Минимальный надел установлен в десять акров. Если же у помещика в семье есть неженатые трудоспособные сыновья, то на каждого прибавляется еще по десять акров. Однако площадь, принадлежащая одной семье, не должна превышать пятидесяти акров, чтобы вновь не повторился процесс обезземеливания одних и обогащения других.

Мне кажется, что для Бирмы это самое большое достижение.

На второе место я поставил бы национализацию собственности иностранных компаний на территории Бирмы. В результате этой национализации бирманское правительство, а не знаменитая «Иравади флотилла компани» распоряжается своим речным флотом. Бирманский народ теперь хозяин своих недр, своего леса.

Есть иностранные компании, которые взяты под контроль правительства. Их капитал принадлежит ныне поровну бывшим владельцам и бирманскому правительству.

Рангун. Памятник генералу Аунг Сану — борцу за независимость Бирмы.
Фото М. Савина.

Только очень небольшое число иностранных компаний осталось нетронутым, например, крупнейшая английская компания «Стил Бразерс», которой в Бирме принадлежат многочисленные небольшие предприятия. Мы не национализируем пока такие компании потому, что не можем еще обеспечить своими кадрами все их предприятия. Но нехватка квалифицированных людей — дело временное. Как только мы почувствуем себя достаточно сильными, все без исключения иностранные компании будут национализированы.

Теперь следует сказать об индустриализации. За десять лет мы кое-что сделали в этом отношении: построили металлургический завод, текстильные фабрики, джутовую фабрику, сахарный завод. Политика индустриализации означает строительство независимой экономики на социалистических основах.

Я только что говорил о нехватке кадров, поэтому на одно из важных мест я бы поставил успех Бирмы в социальном и культурном развитии. В этом смысле мы за десять лет сделали гораздо больше, чем было сделано за сто лет английского владычества. Прежде всего я имею в виду бесплатное образование вплоть до университетского.

Я думаю, что через несколько лет мы сможем уже пожинать плоды новой системы образования.

Десять лет назад мы посылали свою молодежь учиться за границу — в США, Англию. Теперь мы посылаем своих студентов и в Советский Союз, в Чехословакию. В МГУ, например, учится сейчас три бирманских студента. Я надеюсь, что это число будет увеличиваться. Когда они вернутся на родину, они, несомненно, принесут много пользы своему отечеству.

Мы очень благодарны Советскому Союзу за согласие построить технологический институт в Рангуне. Институт этот будет новым центром образования бирманской молодежи.

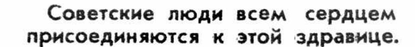
Наша дружба с СССР развивается очень быстро на радость нашим обеим странам. Эта дружба находит чисто практическое выражение в тех соглашениях, которые заключены между нашими странами, в визитах политических деятелей, обмене делегациями.

На днях в Бирму в ответ на визит бирманской парламентской делегации отправляется делегация Верховного Совета СССР. Советские люди встретят в моей стране самый радушный прием, точно так же, как бирманцы встречают прекрасный, дружеский прием здесь, в Советском Союзе. А как относятся к бирманцам советские люди, я очень хорошо знаю.

Все время я говорю о бирмано-советской дружбе, но надо иметь в виду, что Бирма готова дружить со всеми, кто проявит к этому добрую волю и искреннюю заинтересованность. Бирма, как вы знаете, одна из первых поддержала пять принципов сосуществования. И она всегда придерживается их в своей внешней политике. Мы стоим за мир и дружбу во всем мире...

Свое короткое интервью посол У Чин закончил словами, которые по нашей просьбе он написал по-русски:

Даздравствует Независимость Бирмы
Маунг Чин

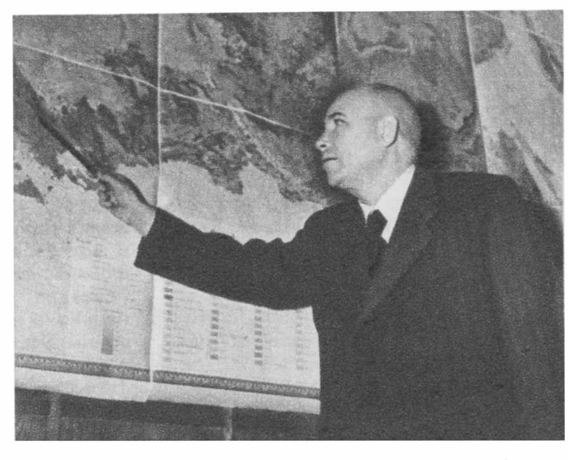
Советские люди всем сердцем присоединяются к этой здравице.

На новой текстильной фабрике в Рангуне.

Интервью «Огонька»

У ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ СТРАНЫ

П. Я. АНТРОПОВ,
министр геологии и охраны недр СССР

Вопрос. Какими геологическими открытиями ознаменовался минувший год? Ваши прогнозы на 1958 год?

Ответ. 1957 год принес добрые вести от геологических партий и экспедиций.

Во многих районах Советского Союза открыты новые месторождения различных полезных ископаемых. Даже по предварительным данным, они имеют большое народнохозяйственное значение. Миллиардные запасы бурых железняков обнаружены на юго-восточной окраине Западно-Сибирской низменности, и сейчас можно уже уверенно говорить об этом районе как о крупнейшем бассейне. В Кемеровской области открыто громадное месторождение чрезвычайно ценного вида минерального сырья, которое используется для производства алюминия, цемента, соды. Это нефелиновый сиенит с очень богатым содержанием нефелина — свыше 80 процентов.

Усилиями советских геологов в разных районах страны выявлено и разведано значительное количество месторождений титана, меди, урана, вольфрама, молибдена, олова и других, когда-то дефицитных металлов.

Северный Урал, щедро одарив нас в ушедшем году, значительно пополнил запасы природнолегированных железных руд, которые могут служить теперь долгой и надежной сырьевой базой для Серовского металлургического завода. Уточнены и перспективы Белгородского района, где запасы железных руд практически неисчерпаемы.

В Якутии открыт еще один, новый алмазоносный район. Месторождения цветных металлов и рассеянных элементов обнаружены в различных районах Иркутской и Читинской областей, Бурят-Монгольской АССР, в Хабаровском, Приморском краях. Горючие газы открыты в Якутской АССР, в Средней Азии, первая нефть обнаружена в Молдавии, установлена газоносность нижнекембрийских отложений в Иркутской области. Перспективные ртутные месторождения и богатые золотоносные россыпи выявлены на северо-востоке страны.

Невозможно перечислить все находки 1957 года в сказочно богатом подземном мире нашей Родины.

Сейчас наша страна располагает всеми необходимыми видами минерального сырья в количествах, достаточных для нужд из года в год растущего народного хозяйства.

Новый, 1958 год, безусловно, принесет новые находки. Недра всегда откликаются тем, кто страстно ищет. А мы научились заглядывать не только глубоко в недра, но и смотреть в даль времени. Нам необходимы запасы, опережающие потребность промышленности на добрых 40—50 лет.

Вопрос. В Директивах XX съезда КПСС намечен значительный прирост разведанных запасов минерального сырья по сравнению с выявленным к началу шестой пятилетки. Как осуществляется эта задача?

Ответ. Результаты геологических работ за первые два года шестой пятилетки уже дают полную уверенность в том, что задания по приросту запасов будут значительно перевыполнены. Мы накапливаем разведанные запасы минерального сырья гораздо быстрее, чем это могут сделать капиталистические страны. Уже сейчас мы в состоянии не только удовлетворить спрос на любое количество и любой вид сырья, необходимого советской промышленности, но и помочь нашим друзьям.

Советский Союз является самой богатой страной мира по разведанным запасам угля и железных руд.

Вот, например, уголь. Мы не часто оперируем триллионами, но когда речь идет о новых каменноугольных бассейнах на востоке страны, невозможно обойтись без этих астрономических чисел. Колоссальные и пока еще сравнительно малоизученные бассейны — Тунгусский и Ленский — таят в своих недрах свыше 4 триллионов тонн угля. В этой цифре уже можно не сомневаться.

Вопрос. Мы называем не без основания новые месторождения: «Второе Баку», «Новый Кривой Рог», «Заполярный Донбасс» и т. д. Не расскажете ли вы о разведанном за последнее время районе, который по своим богатствам, запасам и комплексу можно было бы назвать «Вторым Уралом»?

Ответ. По богатству недр и разведанным запасам минерального сырья со старым, «седым» Уралом может конкурировать уже не один район страны. Исключительным разнообразием своих богатств отличается Казахская ССР. По многим видам полезных ископаемых эта республика занимает ведущее место в Советском Союзе. Все есть в ее недрах: медь, свинец, цинк, вольфрам, молибден, ниобий, бокситы, каменный уголь, нефть, железные, марганцевые и хромитовые руды, золото... Полный перечень богатств Казахстана занял бы много строк.

Большой практический интерес представляют открытые в Кустанайской области крупные месторождения железных руд и бокситов, на базе которых создаются мощные горнорудные предприятия. Здесь вскрыты также большие запасы угля с мощностью пластов, достигающей 100 метров. Они позволят в ближайшем будущем ликвидировать дефицит энергетического угля для Урала.

Очень удачным является комплексный характер месторождений цветных и редких металлов Казахстана. Этим значительно повышается ценность руд: попутно с основным металлом здесь можно получить целую серию дополнительных полезных компонентов, в том числе германий, таллий, скандий, селен, индий и другие редкие и рассеянные элементы.

Казахстану принадлежит исключительное будущее в развитии любой горнорудной отрасли.

Разнообразным богатством отличаются и недра Украинской ССР. По количеству разведанных запасов железных и марганцевых руд и по их добыче Украина занимает первое место в СССР. Здесь находятся крупнейшие в стране Криворожский и Керченский железорудные бассейны, Никопольский марганцевый бассейн, Донецкий, Днепровский и Львовско-Волынский угольные бассейны. Из цветных и редких металлов в республике, кроме издавна известной никитовской ртути, в последнее время открыты крупные россыпи титана и циркония.

Своеобразным Уралом может стать Красноярский край, богатый различными минеральными ресурсами.

Сказочные богатства таят в себе недра Якутской АССР. В них сосредоточены миллиардные запасы коксующихся углей лучших марок, месторождения богатых железных руд, крупные запасы высококачественного флогопита и весьма значительные месторождения олова, золота и полиметаллов. Почти вся огромная территория Якутии перспективна для поисков редких металлов. В последнее время с открытием горючего газа установлены благоприятные предпосылки и для нефтяников.

Всем ли известно, что Читинская область по разнообразию полезных ископаемых занимает одно из первых мест в стране? Ведь здесь сосредоточены значительные месторождения цветных и благородных металлов. Тут разведаны крупные запасы железных руд, титана. Неисчерпаемо богата эта часть Забайкалья.

Как видите, конкурентов на заслуженное звание «Второго Урала» в нашей стране найдется немало.

Вопрос. Для проникновения в космос необходимо сырье, которое дает возможность создавать жаропрочные сплавы, стойкие в условиях сверхвысоких температур, невиданных скоростей и атмосферных явлений. Просим осветить работу геологов в выполнении этой ответственной задачи.

Ответ. Наши геологи должны были исследовать огромные площади и найти большой и сложный перечень новых видов минерального сырья, прежде чем сумели удовлетворить спрос промышленности в необходимых материалах.

Сейчас советские геологи испытывают законное чувство удовлетворения, выполнив в короткие сроки поставленные перед нами задачи. Развитие сырьевой базы, которая обеспечила бы и дальше потребности промышленности в этих ценных материалах, уже достаточно хорошо зарекомендовавших себя на Земле и вокруг нее, идет успешно. В различных районах Советского Союза открыты весьма перспективные месторождения редких металлов и рассеянных элементов.

Вопрос. Назовите, пожалуйста, главное направление поисков, которые ведут советские геологи.

Ответ. В ближайшие годы должны быть открыты и разведаны крупные месторождения богатых руд — черных, цветных и редких металлов, нефти, коксующихся углей, разнообразного комплекса нерудных полезных ископаемых, сырья для производства минеральных удобрений, в особенности в восточных районах страны. Советские геологи обязаны подготовить сырьевую базу, которая не только полностью удовлетворила бы всю потребность промышленности, но и улучшила бы географическое размещение запасов. Искать и находить сырье там, где оно наиболее необходимо,— вот наша задача.

Вопрос. Как местное население помогает советским геологам раскрывать богатства недр?

Ответ. Много известных в стране месторождений полезных ископаемых, переданных промышленности, открыто по заявкам рабочих, служащих, колхозников, школьников. Самые крупные в Советском Союзе месторождения слюды — флогопита — названы именем оленевода якута Николая Федорова, открывшего эти богатейшие запасы ценного сырья во время своего кочевья на оленях. Колхозники, охотники присылают и приносят в геологические управления немало ценных находок, которые нередко приводят к открытиям промышленных месторождений. Более ста заявок поступило от Федора Силина за долгие годы его содружества с геологами Приморья. По заявке этого рудознатца открыто знаменитое на Дальнем Востоке Щербаковское полиметаллическое месторождение. Как известно, первооткрывателем Печорского бассейна был также местный житель — охотник коми Виктор Попов. Еще в 1919 году на нехоженых местах он обнаружил кусок «черной скалы» у реки Воркуты и послал образец угля Владимиру Ильичу Ленину.

Можно быть уверенным в том, что наши геологи с помощью многих своих друзей помогут советскому народу еще лучше использовать неисчерпаемые богатства недр земли.

ЗА ТЕХ, КТО

Г. РАДОВ

Фото Б. Уткина.

Заговорил я со знакомым электросиловцем об изобретателях и их судьбах: он и сам слыл выдумщиком и горой стоял за смелых людей.

— Д-да, — поморщился он. — Значит, опять об изобретателях! Когда же о внедренцах?

— А разве о них не пишут?

— Пишут! Фельетоны. «Новаторы и консерваторы». В таком роде... Ты про нашего Данилова слыхал?

Да, история с изобретателем Даниловым мне была известна, хотя и не совсем ясна. Года полтора назад он показывал в Доме техники строгальный станок без холостого хода. Увенчанный специальной головкой, обычный станок строгал и «туда» и «обратно». Тогда об этом много писали, но вот на днях я обошел десятки цехов, побывал и на Кировском, и на Невском, и на «Электросиле» — и нигде, решительно нигде не увидел станков с даниловской головкой. «Не дает эффекта!» — говорили на заводах. О самом же изобретателе в Доме техники посоветовали не писать, а на «Электросиле» сказали кратко: «Уволился».

— Вот тебе и готовый сюжет! — с горечью сказал мой собеседник. — Новатор Данилов — жертва консерваторов. Чем не тема? Точь-в-точь как в «модной» книжке: изобретатель, одиночка, подвижник, мученик, бьется за идею, терзается, а кругом лес рутинеров! И не пробьешь их... Каков сюжет?

— Но погоди, — перебил я. — На самом же деле угробили даниловскую затею...

— Вот, вот! Затею угробили, затейщика загубили! Эх, вы! Да он же единоличник, этот Данилов. Еди-но-лич-ник! Заводской народ ему от души желал удачи, подсказывал, условия ему создал, а он как с нами обошелся! Прислушивался?..

— Но зачем же на него ополчаться? Он все-таки изобретал...

— А я не на него ополчаюсь! Такой характер у мужика — что с него взять! Я на его поклонников ополчаюсь! Им бы его одернуть, приучить к коллективу, а его предложения трезвенько, дельно обсудить, взвесить все «за» и «против», довести до ума... А что вышло? Раздули кадило! В газетах, по радио, в листке новатора — он один! Да что в листке, книжку выпустили! Веришь, о нашем Еремееве, герое, конструкторе мирового масштаба, было меньше написано, чем о Данилове! А потом? Вместо того, чтобы станком заниматься, начали Данилова оборонять. От кого? От тех, кто на его предложение смотрел трезво — видел и плюсы и минусы. Понимаешь, исходили из той дурацкой предпосылки, что все, кто с Даниловым не согласен либо спорит, сплошь консерваторы и рутинеры! А если б послушали этих «рутинеров» — может, и дело бы выиграло.

Мой собеседник вздохнул, покачал головой:

— Оч-чень поучительная история! И не только в том смысле, что надо рекламу, как говорится, уравновешивать с истиной, но и в том смысле, что нельзя же на изобретателя смотреть по старинке, как на единоличника! Уходит же в прошлое тип кустаря-одиночки... Ты заметил, как наши лучшие изобретатели работают? Карасев с Кировского как работает? С бригадой! Это что, случайно? Да нет, пора такая пришла: возьми-ка любое дело в технике. Да разве оно вершится единолично?! Кто-то мысль подал, кто-то свою добавил, кто-то разработал, кто-то внедрил, а в целом-то коллектив! А тут как получилось? Вырвали из коллектива одну фигуру, изобретателя, и расшумелись. А внедренцев всех чохом в рутинеры! А если хочешь знать, внедренец, как фигура, теперь весит не меньше изобретателя! А кое-когда и побольше...

— Ты не перегибаешь?

— Я перегибаю? А сходи-ка в наш цех внедренцев.

— Это еще что за цех?

— А во-он за воротами закопченный корпус...

...В корпусе, который и впрямь был закопчен до последней крайности, помещался не «цех внедренцев», как выразился мой знакомый, а цех механизации. Руководил цехом со дня его рождения Иван Львович Устименко, крупный, грузный, большерукий мужчина, чем-то напоминающий полевого бригадира. Слесарем он пришел на завод, слесарем и остался: не приобрел диплома. И все-таки когда на заводе перечисляли главные технические силы, то непременно после видных конструкторов и технологов называли Устименко. Чем же он взял? Талантом? Опытом?

— Талант само собой, — объяснил мне пожилой конструктор. — А Иван Львович еще и колхозом взял.

— То есть как это колхозом?

— А он, видишь ли, прирожденный, как бы сказать, профессиональный изобретатель.

— А при чем тут колхоз?

— А при том тут колхоз, что Устименко, какая бы смелая мысль у него ни явилась, не бережет ее для себя, а тут же делится с дружками, заражает их, как говорится, и вот тебе — одна голова хорошо, а пять лучше — рождается бригадка, колхоз, берутся дружненько — и удача! Да, да, еще до войны усвоил он такую истину и тогда же собрал команду себе под стать: хлопцев пытливых, с огоньком, вдумчивых — и затеял экспериментальную мастерскую! Назвали они ее, кстати, неточно: мастерская не просто экспериментировала, а изобретала и выдавала готовенькое! Как навалились гуртом, в два счета оснастили штамповку автоматикой! Сами выдумали, разработали, сделали, внедрили. Гуртом-то легче и батьку бить! Ну, а после войны вот этот цех затеяли. И опять-таки, ты посмотри, какой подобрался народ!

Что верно, то верно, народ в этом диковинном цехе подобрался завзятый! О ком бы я ни спрашивал, всякий оказывался человеком таланта редкого. Заговорили о старшем мастере Константине Дмитриевиче Смирнове, и выяснилось, что это «тот самый» Смирнов, чья книжка «Мои конструкции» разошлась по всему Ленинграду. Смирнов, что называется, вырос на заводе, из фабзайчонка стал выдающимся механиком, удивлял всех тем, что порой без конструкторских чертежей, «по соображению», делал сложнейшие станки, но, пожалуй, еще больше удивились люди, узнав, что Смирнов, уже заслуживший почет и выдвинувшийся в мастера, взял да и поступил, как юноша, на первый курс техникума и третий год по вечерам ездит на занятия, только к полуночи возвращаясь домой...

Назвали двух Алексеевых, и тотчас же обнаружилось, что эти однофамильцы — в своем деле специалисты и «боги на весь завод». Иван Павлович, седой, прихрамывающий после фронтового ранения, коренной питерец, прославился как виртуоз-станочник, мастер «по всем станкам». В умных его руках обыкновенные старые станки делали вещи, казалось бы, невозможнейшие: точили длинные детали толщиной с иголку, сверлили отверстия, в которые не заглянешь — так они малы, а не так давно на стареньком строгальном станке Иван Павлович отфрезеровал огромнейшую шестерню, которую хотели везти в Краматорск: не находилось на заводе подходящего станка... А Петр Иванович Алексеев, еще молодой, грамотный, остроумный расточник и фрезеровщик, специализировался на приспособлениях для станочников. Неутомимейший искатель и выдумщик, он, как и его старший однофамилец, удивляет людей на каждом шагу...

Заговорили о Михаиле Дмитриеве, и оказалось, что это не просто хороший слесарь, а человек с благороднейшей «чудинкой», влюбленный в гидравлику... А Николай Андрианчик, строгальщик, старший лейтенант запаса, вернувшийся из армии к станку, — тоже человек пытливейшего характера. А бригадир Василий Логачев — автор ценнейших новинок. А конструкторы Экк и Степанов — люди с практической жилкой, умеющие не только «изобразить» конструкцию, но и отлично понимающие, как ее можно сделать.

И так все...

— Для чего же собрались эти таланты под крышу нового цеха?

— Как для чего? — удивился Устименко, когда я спросил его о целях цеха. — Да мы же механизируем ручной труд на заводе. Как? Ну это надо посмотреть на месте...

И вот мы идем по главным цехам могучей «Электросилы». Идем и на каждом шагу видим следы, оставленные «цехом внедренцев». Приметные следы! Станки, автоматы, полуавтоматы, гидропрессы, пневматические ножницы, отбортовочные и гибочные машины — механика, заменившая и облегчившая труд сотен людей... И какой труд! Останавливаемся у простых с виду станков, накладывающих изоляцию на витки электрических проводов. Станки как станки, можно бы пройти мимо, если не знать, как тут работали еще вчера... Сколько сотен километров проводов надо изолировать для любой электрической машины! А это же делалось вручную! Да, посреди современнейшего завода на важнейшей, если не самой главной, операции царствовал ручной труд... Работницы от гудка до гудка руками наматывали ленту! Изнурительнейшая работа! Тысячи монотонных движений. А темпы...

И вот гудят станки, тянутся провода, соединяются в витки, обволакиваются изоляцией. Удесятерилась производительность, а кроме того, работницы избавились от монотонного, утомляющего труда. Не зря сказала одна обмотчица, поздравляя изобретателей: «Вы мне жизни прибавили!». И верно, теперь она веселая, бодрая, только следит за станками — хозяйка техники!

Идем дальше, снова станки для изоляции, только тут изолируются стержни огромных генераторов. Тысяча с лишком стержней в каждом генераторе Сталинградской ГЭС! На каждый стержень надо положить тридцать слоев изоляции. Ровно десять лет понадобилось бы для изоляции стержней волжских генераторов, если бы не были придуманы и сделаны эти хитроумные станки...

Еще дальше... Умнейшие не-

Старший инженер-конструктор завода «Электросила» М. Лысиков знакомит с работой сконструированного им станка китайского технолога Фу Вен-до из Харбина. Слева изолировщица Н. Голицына.

большие станочки вьют в спираль медную проволоку и накладывают ее на трубку. Просто? Удивительно просто! А как это делалось еще вчера? Вместо проволоки на трубки воздухоохладителя нанизывали шайбы! Миллион шайб надо было нанизать и припаять только для одного воздухоохладителя! Миллион! И вот станок без участия, а лишь «в присутствии» работницы, играючи, делает трубки ребристыми...

Еще... Оригинальнейший сварочный автомат, «кантователь», как его называют. Нигде в мире, кажется, до сих пор не было ничего похожего. Что он делает? А он под флюсом сваривает швы полых цилиндров! Шов выходит ровный, прочный, на диво! Но дело не только в качестве сварки, главное в том, что на этом аппарате можно сварить втулку для самого крупного генератора, скажем, для Сталинградской ГЭС! Сварные втулки вместо литых! Миллионы рублей государство сэкономит...

И дальше, и дальше: хитроумные станки, пневматические устройства, машины и машинки, приспособления, сотни разных механизмов, и все это сделано в небольшом, неказистом на вид «цехе внедренцев». Но кто же авторы этих полезнейших премудростей? Где они? В цехе?

— Боже упаси! — замахал руками Устименко. — Да разве ж хватит наших голов на все... И к чему нам такая монополия? Мало ли в других цехах изобретателей? Лысиков, Малыгин, Шварцман, Судаков, Куличев, Заславский, Евсеев... Да тут можно, знаешь, какой список составить! Конечно, и мы трошки кумекаем. Но главное-то наше дело — внедрять! Исполнять! Мы исполнители...

— Исполнители? — рассердился мой знакомый, когда, возвращаясь из цеха, я вновь повстречал его в заводском скверике. — Да ты понял, какие они исполнители! Ну, во-первых, насчет «трошки кумекаем» — это чепуха! Не «трошки», а изобретают они на полный ход! Но основное, верно, внедряют то, что сконструировано и изобретено другими. Но как внедряют, как один случай? Да почти что любое предложение или конструкция, какая попадет в цех, она же не просто исполняется! И додумают и доработают, а в другой раз, казалось бы, из ничего делают хорошую вещь. Вот они какие исполнители! Всем цехом думают, корпят над чужим предложением. Вот она, коллективность!

Он помолчал, подумал, сказал с чувством:

— Бескорыстные люди!

— Кто? Работники цеха?

— Нет, это я уже о другом... Вообще о внедренцах. Ты читал в газетах, сколько в Ленинграде в этом году внедрено предложений? Десятки тысяч! Внед-ре-но! А что это были за предложения? Готовенькие? До конца разработанные авторами? Да нет же! Сплошь и рядом рационализатор дает голую мысль, одну идею! Родилась идея, он и мчится в БРИЗ. А мысль-то еще сырая, неясная, да и не каждый рационализатор сумеет довести ее до конструкции. Но раз идея перспективная, ее принимают, кладут в конверт и посылают на разработку. Вот тут-то и начинается! К кому попадает конверт? К повивальным бабкам: к конструктору, технологу, механику, а потом к мастеру, бригадиру, слесарю... А допусти-ка на минутку, что все эти «повивальные бабки» с холодными руками и вялой головой. Если рационализатор чего-то недодумал — так и останется! Не бывает разве так, что предложение примут, внедрят, а оно, что называется, «не идет»? Почему «не идет»? Недодумали! Схалтурили при «разработке», загубили идею! А уж если оно с первого раза «не идет», попробуй-ка его толкать!

Не-ет, если уж десятки тысяч предложений внедрены по Ленинграду, так это не просто «исполнено», а исполнено с душой, с огоньком, с выдумкой! В каждое новшество «повивальные бабки» внесли что-то от своего ума и таланта! А когда мы вспоминаем о «повивальных бабках», о внедренцах? Да когда они что-то затормозят! А если они душу вложат

Работники цеха механизации завода «Электросила»: Э. С. Новикова, А. А. Экк, И. Л. Устименко, П. И. Алексеев, В. А. Мергес и К. Д. Смирнов.

потому что у внедренцев нет материального интереса! Вот они, убытки! А если щедро внедренцев поощрим, изобретатели выиграют!

— Значит, дело в деньгах?

— А условия? Вот я мастер, и мне попадает новинка, положим, новая фреза Карасева. Как я ее буду внедрять? Да вставлю в шпиндель и начну фуговать — через пять минут получу отдачу! Ну, а если это не фреза, что-то посложнее, допустим, модернизация станков... Как тут быть? Надо мной же график, как меч, висит! Остановлю станки на модернизацию, — да с меня голову снимут! И прогрессивки лишат и выговором наградят! Выигрыш от модер-ложение об изобретательстве? Когда введена премиальная система? Бог весть когда... Так что же мы! В технике революцию делаем, а обветшалую инструкцию боимся сломать! Эх...

Он закурил и заметил:

— А вот что у нас цех внедренцев создали, — это здорово! Это я бы и другим заводам порекомендовал! Собрать способных, дельных изобретателей под одну крышу и поручить им внедрять новинки!

На днях довелось мне быть на одном обычном в наши дни семейном торжестве. Изобретатель получил премию за новшество и, как водится, «дал ужин» друзьям. Пришли два мастера, конструк-

ВНЕДРЯЕТ!

исполняют! Ты видал станок для оребрения втулок? Золото! Получил всесоюзную премию, запущен в серийное производство. А кто автор? Инженер. Повидал бы ты, как им был задуман станок! Идея верная, но сложно! Шестьдесят скоростей! Бездна шестеренок! Это я не в упрек инженеру говорю, а чтоб было понятно, как трудно рождаются новшества. Мыслимо ли с первого раза да еще на бумаге без ошибки выдумать новый сложный станок! И вот попадает этот станок к Смирнову, он «трошки кумекает» и выкидывает к чертовой бабушке всю внутренность! Переделывает по-своему! Вместо шестидесяти скоростей одна скорость! И получается вещь. А что ж, это в «чужое» предложение, это мы всегда замечаем? Бескорыстные люди...

— Но почему бескорыстные?

— А потому, что мы их не только славой, но и деньгами обносим! Человек подал мысль — ему премия, законно, за экономию. А десять человек эту мысль шлифовали, переводили в металл, додумывали, они что получат? «Одиннадцать двадцать пять», — как у нас говорят. Одиннадцать процентов на всех — это справедливо?

— А как бы вы заплатили?

— А я бы им платил не меньше, чем изобретателю! Не меньше! Расход? Окупится расход! Сколько у нас новинок «внедряется» годами, лежит без движения, низации еще когда будет, а выговор-то сегодня! Задумаешься... Вот я, честно говоря, и откручиваюсь помаленьку от сложных новинок, а мне кричат: рутинер, рутинер! А я рутинер, как говорится, поневоле...

— Но что же делать?

— А систему такую подвести под внедрение, чтобы всем было выгодно вводить новшества: и мастерам и рабочим! Чтобы общественный интерес в этом деле полностью совпадал с личным! А то шумим: рутинеры, рутинеры, — а надо же разобраться, почему советский мастер на сорок первом году Советской власти становится рутинером. Что он, враг нового? Да с какой стати? Условия дайте! Когда было составлено Положение об изобретательстве? ... тор, технолог, бригадир слесарей и вся бригада — подручные изобретателя, — словом, тот самый «колхоз», который довел мысль смелого человека до дела. Наполнили стаканы, и конструктор, пожилой человек в пенсне, предложил:

— Ну, за виновника торжества!

— Нет, погодите, братки, — перебил хозяин. — Виновника и так уже вознесли! Давайте-ка первую за тех, кто внедрял!

Этими словами и хочется закончить:

— За тех, кто внедряет! За родных братьев, изобретателей, — за скромных, душевных, бескорыстных наших внедренцев, за тех, чьими трудами движется вперед наша славная техника!

НАЧИНАЕМ СОРЕВНОВАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ-СПОРТСМЕНОВ

КОНКУРС НА КУБОК «ОГОНЬКА»

В прошлом году в журнале «Огонек» был напечатан ряд статей, посвященных физическому воспитанию в школах.

Совещание, проведенное редакцией по этому вопросу, а также большое количество писем, полученных редакцией, показали, что вопросы физического воспитания поставлены в школах неудовлетворительно.

Редакция журнала решила провести

КОНКУРС

среди физкультурных коллективов московских школ на

КУБОК «ОГОНЬКА».

Учитывая важное значение легкой атлетики (бега, прыжков, метаний) для всестороннего физического развития школьников, редакция журнала решила основным показателем конкурса считать развитие этого вида спорта в школе.

В Москве из года в год проводятся соревнования по легкой атлетике в школах (между классами), а также между командами школьных коллективов на районных спартакиадах.

Победители районных соревнований становятся участниками городской спартакиады и **получают право оспаривать кубок «Огонька».**

В итоге соревнований городской спартакиады выявляются пять сильнейших школьных легкоатлетических коллективов (в общекомандном зачете показателей девушек и юношей), которые и являются **претендентами на кубок «Огонька».**

Кубок будет присужден специальным жюри после ознакомления с работой по физическому воспитанию в этих пяти школах.

Для определения победителя будут учитываться такие показатели:

1. Самодеятельность школьного коллектива (строительство спортивных площадок, проведение различных внутришкольных соревнований, выпуск стенной спортивной газеты и фотобюллетеня, изготовление простейшего спортивного инвентаря).
2. Постановка **секционной** работы по легкой атлетике.
3. Подготовка значкистов «Будь готов к труду и обороне» и «Готов к труду и обороне I ступени».

Школа, признанная жюри лучшей среди пяти претендентов, **получит кубок «ОГОНЬКА».**

Кубок является **переходящим**, хранится в школе в течение года.

Если школьный коллектив окажется победителем два года подряд или три раза в разные годы, кубок навсегда останется в школе.

Кроме того, победители получат:

а) школа — комплект легкоатлетического инвентаря,

б) участники команды — памятные значки журнала «Огонек»,

в) директор школы и старший преподаватель по физкультуре — каждый бесплатную годовую подписку на журнал «Огонек».

Остальные четыре претендента на кубок получат памятные вымпелы редакции.

Состав жюри конкурса:

А. А. Жохов — зам. зав. Московским городским отделом народного образования (председатель); **И. В. Суслов** (Мосгороно), **А. С. Борисов** (Московский городской комитет по физкультуре и спорту), **А. П. Гусев** (Московский городской комитет ВЛКСМ), **М. И. Мержанов** (редакция журнала «Огонек»), заслуженный мастер спорта, рекордсмен мира и Олимпийский чемпион **Владимир Куц**, заслуженный мастер спорта **Александра Чудина.**

Почему же я поставил физкультуру на одну линию с русским языком и математикой? Почему я считаю ее одним из основных предметов обучения и воспитания? В первую очередь потому, что я хочу, чтобы все вы были здоровыми советскими гражданами. Если наша школа будет выпускать людей с испорченными нервами и расстроенными желудками, нуждающихся в ежегодном лечении на курортах, то куда же это годится? Таким людям будет трудно найти счастье в жизни. Какое же может быть счастье без хорошего, крепкого здоровья? Мы должны готовить себе здоровую смену — здоровых мужчин и здоровых женщин.

М. И. КАЛИНИН

Хороший почин

Е. АФАНАСЕНКО,
министр просвещения РСФСР

Материалы, опубликованные в журнале «Огонек» под заголовком «Неоконченный разговор», не случайно получили широкий отклик. Вопросы физического воспитания школьников приобретают большое общественное значение.

За последние годы Министерству просвещения удалось провести в жизнь ряд мер, которые должны улучшить постановку физического воспитания в школах и привлечь школьников к спорту.

Увеличено, например, количество часов на физическую культуру с одного до двух в первом, втором и в старших классах. В новом учебном плане, по которому недавно начали заниматься 25 процентов средних школ, предусмотрено на физическую культуру 3 часа в неделю.

Открыто около 60 педагогических учебных заведений, готовящих учителей физической культуры. За последние два года в школы было направлено около 8 тысяч молодых специалистов, окончивших эти учебные заведения. За это же время вновь открыто 120 детских спортивных школ (всего теперь работает 361 спортивная школа, в которых занимается 70 тысяч юношей и девушек).

В этом учебном году во всех школах введена гимнастика до начала уроков. Строительство новых школьных зданий без спортивных залов впредь запрещено.

Но всего этого недостаточно. Огромную роль в улучшении физического воспитания школьников может сыграть общественность и самодеятельность самих учащихся.

Вот почему Министерство просвещения РСФСР приветствует новую инициативу журнала «Огонек», который организует конкурс и учредил переходящий кубок за лучшую постановку физического воспитания в московских школах.

Это, несомненно, поднимет интерес школьников к занятиям по физкультуре, а также к спорту. Борьба за кубок «Огонька» будет хорошим стимулом для преподавателей и администрации школы. Особенно хочется отметить в условиях конкурса пункт, говорящий о самодеятельности.

Мы рекомендуем это хорошее начинание редакции журнала «Огонек» распространить за пределом Москвы.

Занятия в секции легкой атлетики в 166-й московской школе.
Фото С. Фридлянда.

В 173-й московской школе. Спортивные игры приучают детей к легкой атлетике.

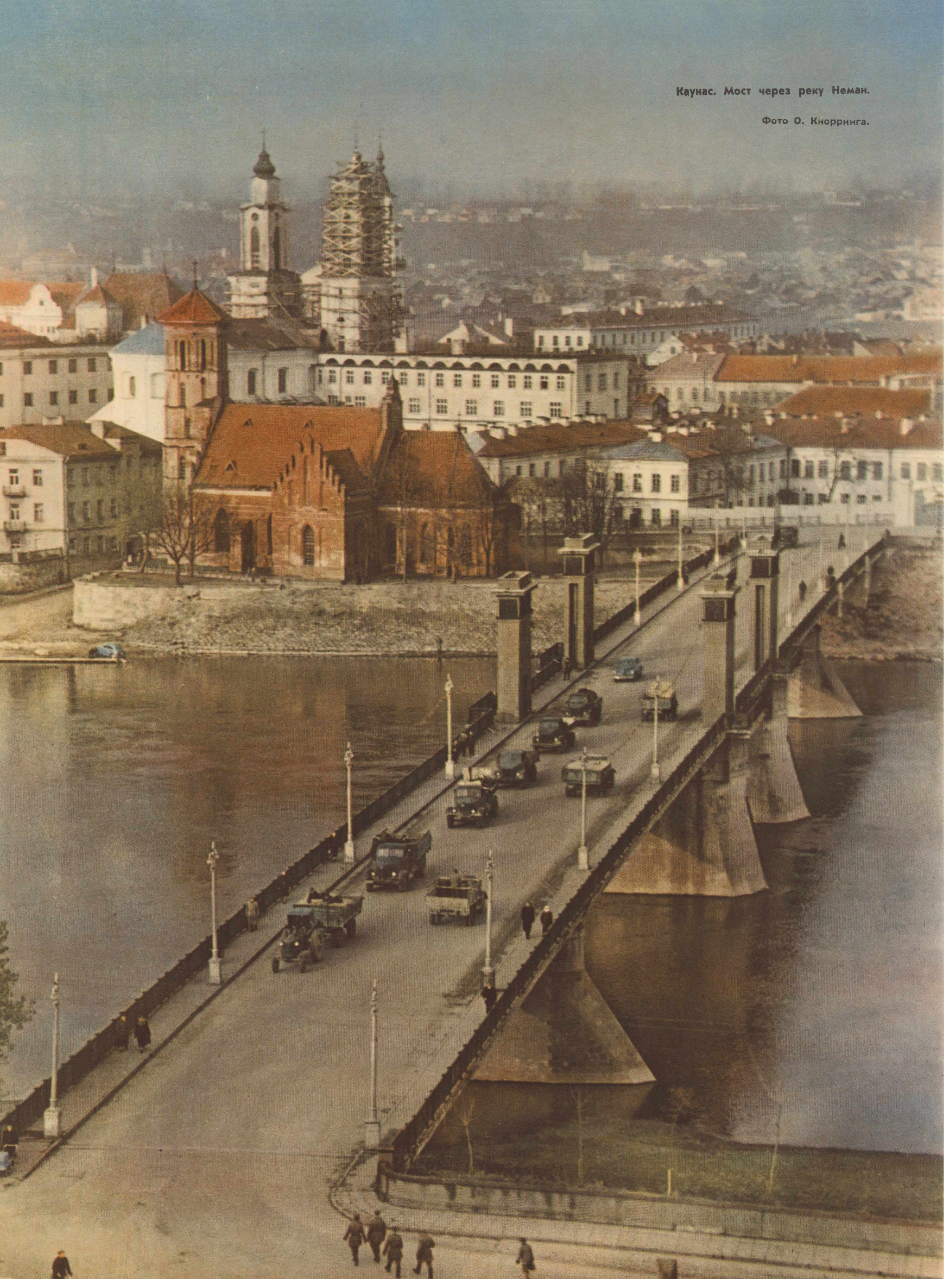

Альберт Намаджира. ПЕЙЗАЖ.

Альберт Намаджира — австралийский художник-самоучка, абориген из племени аранда. Коренное население Австралии живет в резервациях и не имеет права приближаться к другим населенным пунктам ближе чем на три километра.

Несмотря на свою известность, А. Намаджира, как и все коренные австралийцы, никакими гражданскими правами не пользуется.

Картина подарена советским друзьям австралийским профсоюзом вагоностроителей.

Каунас. Мост через реку Неман.

Фото О. Кнорринга.

Разговор о романтике

Павел КРАВЧЕНКО

Фото О. Кнорринга.

Осеннее утро в студенческом лагере начинается нередко и так: «Опять дождь», — говорит студент А. Туска.

Луна поднималась над Каунасом, а мы бродили из улицы в улицу, присаживались в скверах на скамейки и снова бродили.

Мой спутник, ассистент одной из кафедр Каунасского политехнического института, был так влюблен в свой город, что, живописуя его, повышал голос до крика. Встречные девушки оглядывались на нас. Неожиданно он засмеялся и рассказал историю, которая мне показалась поучительной. Я записал его рассказ. Вот он:

«Знаете, вот так же семь лет назад мы ходили с одним студентом из рабочих, Янонисом. Спорили о романтике. Мой друг был на целую голову выше меня ростом, и девушки вот так же, усмехаясь, поглядывали на нас... Янонис не вынимал рук из карманов пиджака и только похмыкивал, выслушивая мои разглагольствования, а я сердился. Мне было восемнадцать лет, я кричал ему, что из всех сил, которые движут сердцами людей, я признаю только одну силу — романтику... «А что же это за таинственная сила?» — кротко спрашивал он.— К какому разделу физики она относится?» Я называл его толстокожим, декламировал что-то о лунных ночах, прибоях, дьявольских ветрах и о главном стержне всей этой красоты — подвиге. «Гм, подвиг, а во имя чего? — басил он.— До сорокового года генерал Нагевичюс очень много вот таких романтиков сплавил в Африку, им там под нагайками пришлось лопатами в земле подвиги свои совершать... Профессор Пакштас тоже был, по-видимому, романтиком? Он считал, что в Литве слишком много избыточной рабочей силы, и писал об Анголе, португальской колонии в Африке: это, мол, «земной рай для эмигрантов». Целые трактаты исписал, сторговывая португальцам своих литовских сограждан... Теперь их и в живых-то мало осталось в этом р-романтическом рае».

Я не знал, что ответить своему другу, и буркнул, что не слышал толком ни про Нагевичюса, ни про Пакштаса и что мне на них наплевать. «И зря не слышал! — рубил он.— Проплюешься. Историю обязан знать. Почему, романтик, в нашем родном Каунасе до сорокового года была самая высокая квартирная плата в Европе, самая дорогая стоимость электроэнергии? Это тебя не интересовало?»

Я досадливо отмахнулся:

— Ты о политике, о квартирной плате, о козе и капусте, а я ведь тебе о романтике!

Тогда мой товарищ рассердился.

— Что ты понимаешь в романтике? — остановился он посреди улицы.— Романтика — это, например, электричество. Пойди послушай, какими словами говорят об электричестве и крестьянин, и рабочий, и тот студент, который мечтает с толком, а не растекается в снах о лебяжьем молоке... Электричество! — Он поднял свой кулак кверху, потом разжал его и сказал тише: — Мечта и романтика литовского народа! А ты мечтай себе о незабудках.

Он махнул на меня рукой и ушел. Я обиделся на него. Сейчас мне смешно вспоминать этот наш спор и себя, тогдашнего довольно-таки бестолкового юношу.

Понимаете, разговор этот был не случайным. Литовцы действительно грезили об электричестве. Мы не могли знать тогда, что скоро начнется грандиозная стройка Неманского каскада в десять электростанций, из которых девять будут строиться в Литве. Тогда еще шел 1951 год. И вот как-то вскоре после нашего разговора с Янонисом в институте собрался комсомольский актив. Какая-то девушка сказала:

— Знаете что, дорогие друзья? Странные у нас формы комсомольской работы... Собрания и собрания — больше ничего. Но это ведь скучно!

— А ты на танцы ходи, там веселее! — ответил ей кто-то.

Но актив будто взорвался. Заговорили все сразу. Ведь, правда же, нельзя всю комсомольскую работу сводить к одним собраниям. Говорили долго, даже кричали, и решили: студенты должны построить в колхозе гидроэлектростанцию. Решение было принято внезапно, но можно было раздумывать и десять лет — трудно было бы придумать что-нибудь лучше этого.

Заключили договор с колхозом Шешупе и обусловили: вся проектная часть, вся рабочая сила наша, студенческая.

Добровольцев из студентов оказалось гораздо больше, чем мы думали. Тогда разделили летние каникулы на четыре равные части, чтобы никому не было обидно. Четыре части — четыре смены. В каждой смене по двести студентов. Одна смена сдает работу следующей со всей наивозможной строгостью.

Составили проекты, нагрянули в колхоз, разбили палатки, вывесили распорядок дня.

Жизнь в палатках была романтична. Река, природа, которую мы усмиряем...

Сам я себе казался невозможно щедрым: ничего никому не жалко. Гидроэлектростанцию крестьянам? Пожалуйста. Помню, подошел к одному старому, сивоусому, в продавленной шляпе и спросил его торжественно, доволен ли он теперь. Подергал старик ус, посмотрел в сторону, нехотя осведомился у меня, держал ли я когда лопату в руках. Янонис стоял рядом. Он подошел к старику и показал свою ладонь. А ладонь была — ого! Старик отошел в сторонку. Не верили нам крестьяне, считали белоручками. Да многие из нас и были белоручками. Работы настоящей не знали еще. Но решили доказать крестьянам, что такое советский студент. Машин не было — одни транспортеры. Обводной канал рыли лопатами. Всякие мозоли на руках появились: у меня, например, кровяные. Опытные люди сказали: болеть эти мозоли будут недолго, потом превратятся в плотные, твердые, и рука станет красивой, мужской. Так оно потом и вышло, но... Ох, как трудно и больно было к концу дня ладонь разогнуть!

Надо сказать, что, как ни странно, а подстегнуло нас именно недоверие колхозников. Работали зверски, стиснув зубы,— и доказали! Уже через несколько дней колхозники стали нас осторожно похваливать, но, как говорят у нас в Литве, с запасом. То есть оставляя некоторый запас сомнения.

Видите ли, ребята мы были все молодые и об усталости забывали вечерами. Придумывали каверзы друг другу, хохотали, пели. В обед устраивали соревнование — кто больше каши съест. Сидели за столом, отдуваясь, с замурзанными физиономиями, и победителю девушки со всей мыслимой торжественностью подносили приз — еще одну тарелку каши... Победителя на руках выносили из столовой, а столовая была — четыре столба, навес, длинный стол и две длинные лавки. К столбу была прибита дощечка: «Кафе имени Пупкявичюса» (студент Пупкявичюс был у нас поваром).

На вторую неделю мускулы поокрепли. Вечерами устраивали пионерские игры вокруг костра. Одна партия брала в плен другую, ходили разыскивать в лес маленький, еле тлеющий костер. Бесились, словом...

А на ночь устанавливали строгие патрули. Патрулировали подвое. И все-таки однажды не укараулили: ночью вражья рука сняла самые нужные части с насосов, изрезала ленты у транспортеров. Тогда мы еще лучше поняли, какую важную работу выполняем в своей республике.

Работа нашей смены шла к концу, и уже становилось немного грустно: в аудиториях мы никогда бы так не сдружились, как здесь, на стройке; никогда бы так хорошо не узнали цену себе и своим друзьям и, конечно, никогда бы так не загорели и не окрепли. И, скажу вам, мы были иногда беспощадны друг к другу. Бригадиров мы выбирали, комсоргов мы выбирали, и если видели, что выбранный руководитель не умеет организовать работу, никакой дар речи его спасти не мог. Мы сменяли его. И сейчас в институте у нас на всех выборных должностях только те люди, которые были лучшими организаторами на нашей стройке.

Не обходилось дело и без

крупных розыгрышей. Снабженец — тоже студент — кормил нас неважно. Не буду я сейчас называть его фамилию, теперь это ни к чему. Мы решили его выкупать в реке, причем обставить купание с максимальной помпой. Он узнал об этом коварном замысле и скрылся в деревню. «Торжество» купания срывалось. Но мы нашли выход из положения: сделали соломенное чучело, написали на нем фамилию снабженца и торжественно, с речами и напутствиями, погрузили несколько раз в реку. Виновник торжества потом сам, поеживаясь, смеялся с нами этой шутке. А ребятам понравилось, и с тех пор на каждой новой стройке к концу двухнедельной смены мы свято выполняем этот обряд — купание всех руководителей, больших и маленьких. Правда, сейчас это скорее символ почета, и никто от этого обряда не освобождается, да и не хочет освобождаться.

Но это все, так сказать, декорум, внешняя сторона. А работали мы прямо-таки зверски. В своей смене мы выполнили почти все земляные работы, и вторая смена уже начала бетонирование. Я упросил бригадира, чтобы он меня оставил и на вторую смену... Потом, разобравшись во всем ходе работ, в третьей смене я уже и сам стал бригадиром: выбрали. Да, впрочем, не во мне дело... На бетонировании так соревновались, что у нас под самое сердце восторг подкатывал. Бетонировали иногда по шестнадцати часов подряд. Ребят прогнать невозможно было с участка! Колхозники подходили к нам теперь даже с некоторой робостью — так уважать стали. Сдружились мы с ними. Эта дружба на пользу и им и нам пошла... Каждая смена прощальный концерт устраивала. На эти концерты колхозники со всех окрестных деревень съезжались.

А когда работу закончили и вспыхнуло электричество, карнавал устроили. Ох, и зрелище было!.. Вы поезжайте туда, на Шешупе, полюбуйтесь на нашу ГЭС. Она небольшая, но какая же красивая! И в каждом камне там — кусок нашего сердца.

Вы, наверно, удивляетесь, что я так разговорился про дела давно забытых дней, преданья старины глубокой? — усмехнулся мой спутник.— Ведь это 1951 год. Воды через плотину Шешупе утекло много! Дело в том, что с 1951 года это стало нашей традицией, понимаете, традицией нашей и нашей честью — студентов Каунасского политехнического института! Смотрите: в 1954 году мы строили Бублеляйскую, в 1955-м — Антанавскую, в 1956-м — гидротехнический факультет строил Юнжелишкяйскую ГЭС, а остальные четыре факультета — механики, электротехники, строители и технологи — размахнулись и взялись сразу за несколько работ. В 1956 году мечта литовского народа начала облекаться железобетонной плотью: строилась Каунасская ГЭС, первая из каскадных. Это огромная стройка, и мы решили взять на ней отдельный участок, чтобы и начать, и закончить, и прийти через много лет, и ухмыляться в усы, которые вырастут к тому времени: «Наш объект, с первого до последнего камня наш!» Мы и построили там огромное здание механических мастерских—от первого до последнего камня. И этого мало показалось. За то же лето успели в деревне построить дорогу, провести электрическую сеть и соорудить в подшефном колхозе дом для дизельной электростанции. Такие мастера у нас появились! А что вы думаете? Ведь инженеру куда больше цена, если он к тому же умелый рабочий! Это-то мы все отлично понимали... Когда будете ходить по коридорам института, здоровайтесь со студентами, щупайте ладони — мягких не найдете! Может быть, думаете, и сами мы огрубели?.. Подождите, об этом впереди!

Прошлым летом такую силу почувствовали в себе: мелиорацию будем проводить!

В Паневежском районе прорыли двенадцать километров канав, проложили в этих канавах дренажные трубы и снова засыпали их сверху землей. Это одна работа. Строили межколхозную Анталиептскую ГЭС. Это — другая. Вместе со студентами других институтов республиканский пионерский лагерь построили — целый городок. Это — третья. Нам уже давно стали завидовать другие вузы. Вильнюсский университет решил построить в селе клуб на двести мест. Обратились к нам: составьте проект. Что ж, почему не помочь друзьям? Составили проект, а на стене выстроенного клуба кирпичом выложили: «Строили КПИ и ВГУ». А наше участие здесь, так сказать, идейное было, проектное.

Есть у нас недалеко от Каунаса отличный колхоз «Путь к коммунизму». Взял этот колхоз великолепные обязательства перед страной. Никита Сергеевич Хрущев им поздравительную телеграмму прислал. И случилась у них большая беда: налетела страшная буря, разметала животноводческие постройки. Колхозники — к нам. Надо было выручать. Не шутка— оставить скот без помещений на зиму. Начали мы сооружать им большие постройки, добротные, стометровой длины. Немножко и осени прихватили...

Что улыбаетесь? Небось, думаете: бедные-бедные студенты, и летом им отдохнуть некогда! Посмотрели бы вы на этих бедных студентов, когда они толкутся у дверей комитета в добровольцы записываться... А каждому добровольцу разрешают только две недели работать. Иначе палаток не хватит... В крестьянских домах? Что вы! А романтика, а закалка тогда где? Колхозников мы к себе в палатки приглашаем. Это уже в традицию вошло: всегда только всем вместе, в палатках, с флагом, со своим распорядком, с лунными ночами, со своими поварами и хозяйственниками, с традиционным купанием начальства, с шутками и озорством, с концертами и вечерними историями, которые по очереди должен рассказать каждый. Свои поэты, свои прозаики... Знаете, мне уж сейчас жалко немного, что я не студент. Наверно, поэтому и ассистенты и преподаватели тоже все рвутся в лагеря. Летом случилось так: зачеты еще шли, а стройку через двое суток начинать надо. Кухню, столовую, подсобные помещения — все это надо было заранее подготовить. Тогда дипломанты, которые уже защитили дипломы, ассистенты, у которых кончилась работа, свободные от экзаменов доценты, председатель профкома, секретарь комсомольского комитета, завклубом и другие отправились и все это построили. Студенты приехали — все готово. Издали победный индейский клич и дали названия дорожкам между палатками: аллея имени Шепетиса (это секретарь комсомольского комитета), аллея кока, ну, и так далее...

А когда заканчивается стройка, идет торжество. Приезжает директор института, гости из города. Колхоз угощает своих строителей. На столбе нашего «кафе» плакат: «Много не пейте, ешьте вдоволь, не ждите просьбы, берите сами, нарушите правила — ожидают вас волны Немана!»

Перед ужином — карнавал и комбинированная эстафета. Несколько команд — несколько этапов. Сначала скачка верхом друг на друге. Пришла первая пара — наезднику приз: ведь устал он, пока ехал на плечах у товарища! Потом новый этап: бегут студенты, а в зубах ложка, а в ложке сосновая шишка. Шишку ронять нельзя. Штраф. Потом от самого Немана до судейского стола вперегонки с горстями, полными воды. Воду нельзя расплескивать... Победителям — опять призы: игрушки из дерева и глины либо стакан пива — на выбор...

Одна смена строит очередную гидроэлектростанцию, другие — в туристских походах либо на Кавказе, либо за границей!.. В Литве много озер. Каждый год наш институт на новом озере; здесь уже иной лагерь: здесь только отдыхают. Флаг над лагерем. Конкурсы: кто больше ягод, грибов соберет, кто больше рыбы поймает. Соревнования на веслах, походы, малиновые закаты, вечерние костры... Нынешним летом 350 студентов Каунасского политехнического были участниками республиканского фестиваля. И все — лауреаты. Триста человек работали на целине в Казахстане, сохраняя все наши традиции...

Еще по поводу традиций. Вы, наверное, знаете, что в Литве в каждом институте студенческие фуражки своих собственных цветов — и околыш и верх.

Вы бы посмотрели, как начинается учебный год. В огромном зале собираются первокурсники — они только что поступили и потому робеют. Фуражек наших они еще не носят. В президиуме люди из горкома партии, горисполкома, горкома комсомола. У красного знамени почетный караул из старшекурсников.

Из всех смен, со всех участков — от строек, от лагерей, от спортсменов — на трибуну поднимаются люди в рабочей форме, зачитывают рапорт. В нем перечисляется не только какая сделана работа, но и сколько съедено каши, капусты и котлет...

«Мы живем в стране, где хозяин — народ,— читает студент рапорт из Паневежского лагеря.— Милостей от природы мы не ожидаем. Мы — мечтатели и творцы, мечты наши входят в быт... Мы, студенты КПИ, свои знания отдаем народу, не дожидаясь выпуска из института,— и в этом гордость наша!»

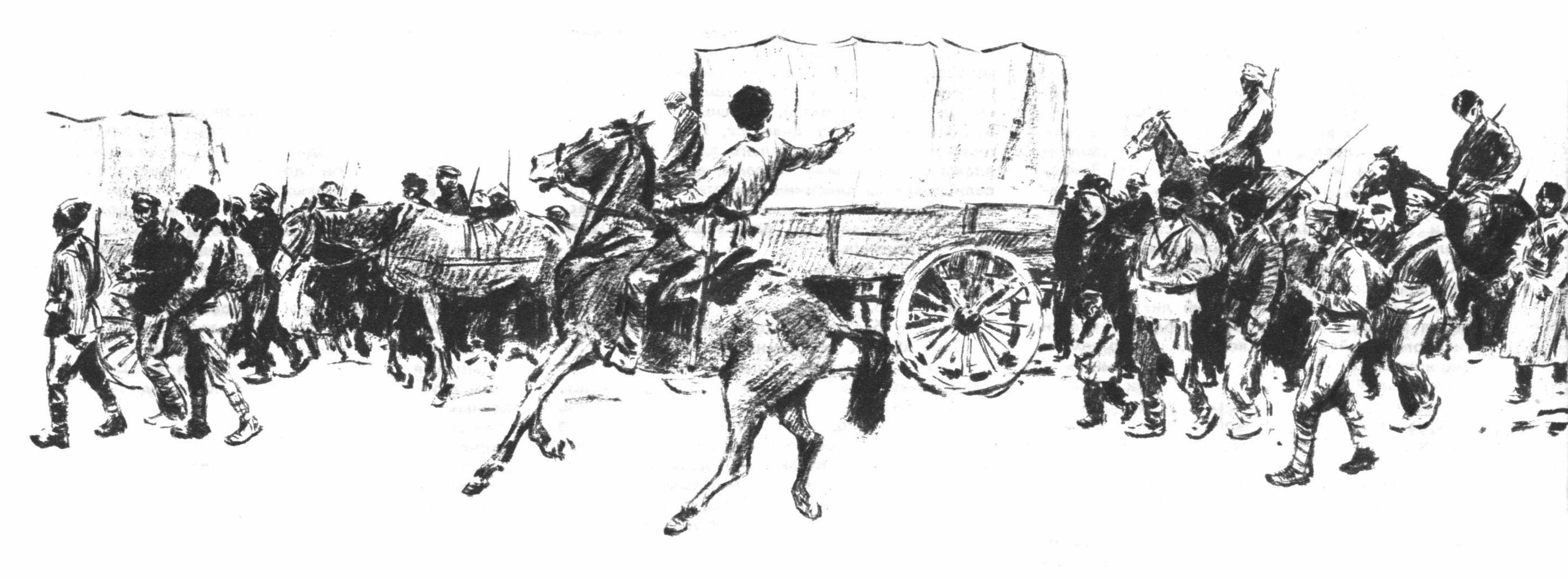
Как вы думаете? Могли бы студенты буржуазной Литвы произнести такие гордые слова? Куда там! Нет, я вам скажу: советское воспитание — это счастье для нас!

Вы бы посмотрели, как слушают первокурсники цифры из этих рапортов! У ребят и девушек глаза горят.

Потом подается команда. «Старые» студенты надевают первокурсникам студенческие фуражки. Теперь они полноправные члены коллектива. Караул у знамени сменяется — выпускники освобождают место, и к знамени становятся первокурсники. Лица у них... Вы понимаете, какие это лица... И я тогда снова вспоминаю разговор о романтике с моим другом Янонисом».

В Вильнюс на слет строителей.

ПАРТИЗАНСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

Константин СЕДЫХ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Писатель Константин Федорович Седых, автор известного широкому читателю романа «Даурия», недавно закончил работу над новым романом, «Отчий край», посвященным борьбе забайкальских партизан с Семеновым и Унгерном.

Ниже печатается отрывок из этого романа.

1

Молодость, молодость!.. Я не знаю человека, который думал бы о тебе без волнения и благодарности, без улыбки на самых суровых устах. Всем нам светило твое незакатное солнце, гремели весенние громы, бил в лицо неуемный ветер, шумели деревья и кланялись травы в степи. Ты кормила нас добрым хлебом, поила водою из горных кипучих ключей. Все твои краски и звуки, мечты и дерзания, радости и тревоги храним мы в памяти, как драгоценный дар. И чем ярче было твое неповторимое цветение, тем полней и значительней вся последующая жизнь человека на этой чудесной земле...

Нелегкая молодость выпала на долю казацкого сына Ганьки Улыбина. Простодушным, не знающим жизни подростком проводила его в партизаны убитая горем мать. Солнечным майским утром под раскаты артиллерийской пальбы умчался он на коне от родного дома и больше уже никогда не видел его. В покинутый красными поселок ворвались семеновцы. Они сожгли улыбинский дом со всеми его постройками, закололи волов и корову, застрелили метавшегося на пожарище пса Лазутку.

Словно сорванный с дерева лист, закружило и понесло Ганьку в потоке непонятной, грозной жизни.

Прикрываясь заслонами от наступающего по пятам врага, партизаны вырвались из окружения и стремительно уходили вниз по Аргуни. Горели подожженные снарядами леса на сопках, клубился, сливаясь вдали с облаками, белый дым. Бурой пылью застлало дорогу. По ней на рысях шли тысячи всадников, катились со стуком и дребезгом вереницы обозных телег. В набитых соломой телегах проклинали все на свете истерзанные невыносимой тряской раненые. Прикрывающие обоз бойцы угрозами и руганью заставляли мобилизованных возниц нахлестывать кнутами выбивающихся из сил лошадей. Нужно было спешить и спешить, чтобы оторваться от белых, чьи пушки напоминали о себе то звонко рвущейся в небе шрапнелью, то тяжким ударом гранаты вблизи от дороги, где нежно зеленели на пашнях всходы пшеницы, пахуче и радостно распускалась черемуха.

Ганька Улыбин затерялся в середине растянутого на версты грохочущего и орущего в сотни глоток обоза. За плечами у него висела отцовская берданка, на боку — обшитая сукном алюминиевая фляга. На пути часто встречались бьющие из каменистых обрывистых сопок студеные ключи. Он наполнял в них водою свою флягу и на ходу поил сгоравших от жажды раненых. На них было страшно и больно смотреть. Еще недавно полные сил и здоровья, были они теперь совершенно беспомощны. У самых тяжелых запали глаза, обострились заросшие щетиной, серые от пыли лица. Всем им требовался полный покой, а их без конца трясло и мотало по дорожным камням и ухабам. Несколько человек были уже в безнадежном состоянии. Они доживали последние минуты на залитой солнцем веселой земле, расставаться с которой так горько и трудно.

Через два дня преградили партизанам дорогу крутые высокие горы, закутанные в облака. На горах синела вековая, богатая зверем и птицей тайга. Над гневно кипящей в теснинах Аргунью вилась по отвесным скалам тропа, недоступная для обозов. Телеги с партизанским имуществом, с беженцами и ранеными сгрудились и остановились в пади Убиенной, под обрывами Винтовальной горы, розовой от цветущего багульника. На всю жизнь запомнились Ганьке эти названия. Там кончилось его отрочество и началась полная невзгод и лишений молодость.

Азиатская дивизия барона Унгерна настигла партизан. Завязался ожесточенный двухдневный бой. Бились и ночью и днем. А в это время в тылу вязали и сколачивали плоты. Топорами и шашками рубили в тайге деревья, таскали, возили и просто скатывали их с горы к реке. Работали все, кто только стоял на ногах. По всему плотбищу пылали костры. На них варили в котлах и ведрах жесткую конину и ели ее без хлеба и соли.

С горем, застывшим в глазах, ободранными в кровь руками скатывал Ганька вместе со взрослыми тяжелые бревна. Сминая кустарники, увлекая с собой лавину камней, летели и падали в воду бревна со сбитой, измочаленной в клочья корой. А на юге с каждым часом все ближе и ближе бухали пушки, вспыхивала и замирала ружейная трескотня. Все чаще приносили оттуда раненых бородатые пожилые санитары.

На второй день снаряды унгерновских батарей стали рваться на плотбище, убивая и калеча людей, разбивая плоты и телеги. Всякий раз, когда рядом падал сраженный насмерть человек, Ганька плакал, не стыдясь своих слез и даже не замечая, что плачет. За себя он не страшился. Как всякий подросток, был он твердо уверен, что с ним ничего не случится. Но он с тревогой следил за появившимся на берегу дядей Василием.

Василий Андреевич прискакал с передовых позиций, чтобы предотвратить готовую вспыхнуть в обозах панику. С забинтованной головой ходил он по плотбищу, распоряжаясь спокойно и властно. После каждого разрыва снаряда Ганька боялся, что его уже нет в живых, а он все расхаживал, похлестывая себя нагайкой по голенищу сапога, и вовремя оказывался там, где более всего был нужен.

Еще утром послал он местных партизан на китайскую сторону за ботами и лодками. Посланные побывали в бакалейках, расположенных ниже Винтовальной горы, и вернулись оттуда с двумя десятками лодок и разрешением китайских властей — переправить на ту сторону всех, кого успеют. Фельдшеры отобрали тяжелораненых, и они уехали к гостеприимным соседям.

К вечеру разыгралась большая гроза. Медленно надвигалась с востока темно-синяя туча с ослепительно белой верхушкой, с пышно взбитыми клубящимися краями. То и дело про-

бегали по ней, ветвясь и извиваясь, гремучие молнии. Скоро вспышки заблестели над плотбищем, где неистово работали мокрые от пота люди. Как муравьи, облепили они плоты, копошились на берегу, стучали топорами, вили из прутьев крепкие кольца. Когда из тучи скользнула слепящая белым огнем исполинская молния и вонзилась в макушку Винтовальной горы, оглушенные громом люди задвигались еще быстрее, еще пуще загорланили и застучали. Только лишь смерть могла сделать их неподвижными и немыми.

С чувством внезапной восторженной гордости Ганька следил за ними, пока не обрушился на них шумный и яростный ливень. Сразу скрыл из виду реку и горы, людей и телеги низвергнувшийся из туч водопад. Стало темно, как ночью. По рвам и расщелинам хлынули с Винтовальной бешеные потоки. Ручеек в Убиенной пади сделался неукротимой, все смывающей на своем пути рекой. Телеги, мешки, ящики и хомуты подхватил и унес он в Аргунь, прежде чем спала в нем мутная вода.

Пользуясь наступившим затишьем, на плотбище продолжали ожесточенно работать.

Ночью нагруженные беженцами и ранеными плоты стали отваливать друг за другом от берега. К рассвету на берегу остались лишь брошенные телеги и убитые лошади.

Вслед за этим начался отход боевых частей. Сотня за сотней вытянулись гуськом и начали подниматься на утопающую в тумане гору. Бойцы вели коней в поводу, прижимаясь на узкой и скользкой тропинке к замшелым скалам, у подножия которых шумела и клокотала река. Непривычные лошади в самых опасных местах, где нельзя было ни разъехаться, ни разойтись, испуганно фыркали, садились на задние ноги, рвались, обезумев, из рук. Чтобы не задерживать движения, их убивали выстрелом в ухо, и падали они в полную мглы и сырости пропасть. Там и пришлось Ганьке распрощаться со своим конем, полетевшим в Аргунь.

До ближайшего поселка он тащился пешком. Голодный и вымоченный до последней нитки, шагал он по черному, горелому лесу. Бердана за плечами вдруг стала страшно тяжелой и неудобной. Она натирала ремнем плечо, больно колотила его по спине. Он шел и чувствовал, что скоро свалится и не сможет встать.

По дороге все время обгоняли его злые, незнакомые партизаны. Никто из них не посочувствовал ему, не подсадил к себе. А один парень в серой войлочной шляпе, с глазами навыкате, обгоняя его, прокричал:

— Торопись, сосунок! Теперь ты самый последний! Пропадешь ни за грош, ни за копейку...

Ганька поглядел вслед промчавшемуся парню, и ему сделалось жутко. Он сбросил с себя мокрую куртку, разулся и прибавил ходу. Только завидев внизу, под горой, широкую станичную улицу, запруженную партизанами, он остановился и передохнул.

Войдя в поселок, он у крайней избы свалился в тень от бревенчатого забора и крепко заснул. Уже вечером на него случайно наткнулся Федот Муратов. Он угостил его ломтем черного хлеба и доставил к Василию Андреевичу в просторный купеческий дом, где разместился штаб.

Василий Андреевич только что вернулся с китайской стороны, куда ездил договариваться об устройстве там партизанского госпиталя. Госпиталь ему разрешили устроить в тридцати верстах от границы, в глухой тайге, чтобы можно было в случае необходимости заявить, что устроен он красными на собственный страх и риск.

Увидев Ганьку без коня, оборванного и словно оглушенного всем пережитым, Василий Андреевич накормил его. Ночью он велел ему собираться и ехать за границу с людьми, назначенными для обслуживания и охраны госпиталя.

Так Ганька оказался на чужой земле. Эта земля давно влекла и манила его к себе. На ней когда-то воевал с японцами его отец, сложил свою голову дядя Терентий. Ганька знал названия многих ее городов и железнодорожных станций, у которых происходили большие бои. Забайкальцы часто посещали ее и в мирное время. Они ездили в китайские бакалейки и привозили оттуда краснобокие яблоки и земляные орехи, сахар-леденец и халву, кирпичный и байховый чай. У каждого состоятельного казака были рубашки из китайской чесучи и шелка, цветные кушаки и соломенные шляпы — у парней, гарусные шарфы, гребенки и ленты — у девушек. В горницах богачей кровати были застланы плюшевыми одеялами с полосатыми тиграми, а над ними висели ковры с диковинными птицами и цветами, циновки с дворцами и пагодами, с раскосыми красавицами, державшими в руках веера и зонтики.

Переехав Аргунь, Ганька собирался встречать чудеса на каждом шагу. Но увидел он очень мало. Место для госпиталя было выбрано в безлюдной таежной местности, на поляне, вблизи от шумной речки с русским названием — Быстрая. Сопки, тайга и даже надоедливые оводы были здесь такими же, как в Забайкалье. Не было здесь ни фазанов, ни тигров, о которых вдоволь наслышался Ганька дома. В лесу было много пестрых рябчиков, никем не пуганных и доверчивых, как домашние голуби. В речке целыми косяками разгуливали ленки и хариусы, а в горах, на недоступных утесах, жили орлы, грелись на каменных россыпях змеи.

На живописной поляне, окруженной гигантскими лиственницами и голубокорыми осинами, сплошь усеянной цветами, с утра закипела работа. Сняв с себя винтовки и брезентовые патронташи, партизаны раскидывали большие палатки, окапывали их канавами для стока воды, обкладывали дерном. Поодаль от палаток появился крытый корьем навес. Под ним, весь в кирпичной пыли и глине, складывал плиту усатый печник, покрикивая на своих нерасторопных помощников. К вечеру плита была готова. Повариха затопила ее, и повеяло на поляне жилым духом, вкусно запахло варевом.

Назавтра справляли в палатках свое новоселье скрытно доставленные в госпиталь раненые, довольные тем, что кончились все их мытарства и наступил долгожданный покой. Было их сто двадцать человек, молодых и старых, терпеливых и привередливых, веселых и безнадежно угрюмых. У одних дела шли на поправку, над другими сокрушенно качал своей белой головой доктор Карандаев, бессильный поставить их на ноги. Слишком мало было в его распоряжении лекарств. Больше приходилось надеяться на собственные силы раненых. Не раз Ганька видел, как мутились от слез стекла докторского пенсне, когда кто-то тяжело расставался с жизнью на твердом топчане в палатке. Старому коммунисту и политкаторжанину Карандаеву были бесконечно дороги эти люди, стоявшие с ним в одном строю, и за жизнь любого боролся он до конца. А когда появился в тайге первый могильный холмик, Ганька видел не раз, как над ним подолгу стоял погруженный в раздумье доктор.

С первых же дней Ганька горячо привязался к старому доктору. От раненых он узнал, какой это замечательный человек. Восемь лет провел он на каторге и на поселении в Баргузинском уезде. В восемнадцатом году, несмотря на преклонный возраст, пошел добровольцем в Красную Гвардию. Был на Даурском фронте, а потом скрывался в одной из лесных коммун.

— Это человек идейный,— сказал про него приискатель Семиколенко.— Он был еще студентом, когда первый раз попал в ссылку. Оттуда потом за границу махнул и там уже на доктора доучился. Я точно не знаю, но слыхал от людей, что он самого Ленина встречал, работал вместе с ним. Такого старика беречь да беречь надо. Он еще много людям доброго сделает. Это тебе не Бянкин...

Начальник госпиталя фельдшер Бянкин, бритоголовый, с двойным подбородком толстяк, назначил Ганьку в помощники к двум пожилым партизанам. Они должны снабжать госпиталь дровами и рыбой. От привольной и сытой жизни у Ганьки скоро округлились щеки, пропало в глазах выражение настороженности и тревоги.

Все обитатели госпиталя оказались новыми для Ганьки людьми. Это были казаки и крестьяне, приискатели и охотники со всех концов Забайкалья. Много интересного узнал от них до всего любопытный подросток во время вечерних бесед у костров. К костру собирались после ужина все, кто мог передвигаться. Ганька слушал их нескончаемые разговоры, скромно посиживая в сторонке, не привлекая к себе ничьего внимания. Сами того не подозревая, люди начиняли его память всем, что знали и видели в своей жизни.

Приискатели чаще всего разговаривали о золоте. Скоро Ганька знал наперечет названия всех приисков на Унде и Газимуре, на Каре и Урюмкане. Он мог назвать все места,

где были найдены за последние сорок лет самые богатые месторождения, перечислить деревни, жители которых мыли золото у себя во дворах и огородах.

От караульских казаков узнал, что в даурских степях зимой почти не бывает снега. Скот там круглый год пасется на подножном корму. А бывалые охотники порассказали ему, что совсем недавно заходили в эти степи из беспредельных монгольских пустынь голубые антилопы и дикие ослы — куланы, пробегающие без отдыха десятки верст. Это так поразило Ганьку, что он долго потом мечтал раздобыть себе быстроногого маленького кулана и летать на нем, как на сказочном коньке-горбунке.

Надолго запомнились ему необычайные похождения приискателя Семиколенко и агинского бурята Жалсарана Абидуева. Семиколенко, прежде чем попасть в Забайкалье, прожил семь лет в Австралии. А Жалсаран Абидуев был одно время послушником в дацане и совершил паломничество в Лхасу. Он рассказал такое, чего не знал даже доктор Карандаев. Оказывается, в Тибете продавали за большие деньги как самое лучшее лекарство все, что извергал из себя организм святейшего Далай-ламы.

Однажды Ганька не вытерпел и вмешался в разговор взрослых. В тот вечер казак-фронтовик Чубатов рассказал, что во время войны он побывал в Турции и собственными глазами видел Арарат. Ганька же верил, что был когда-то на свете всемирный потоп, от которого спасся один лишь Ной в своем ковчеге. Тут он не вытерпел и спросил, стоит ли еще на вершине святой горы Ноев ковчег.

— Ноев ковчег? — переспросил Чубатов и вдруг разразился безудержным смехом.— Эх ты, зеленая ягодка! Веришь, чудак, в поповскую брехню, а еще красный партизан! Пороть тебя некому...

Ганька от стыда готов был провалиться сквозь землю. Долго потом изводили его этим злополучным ковчегом все, кому было не лень.

2

Наступил август с обильными росами, вечерними и утренними туманами. В тайге созревали ягоды, под каждым деревом вылезали из-под прошлогодней листвы грузди.

Ганьку и Гошку Пляскина, парня семнадцати лет, стали каждый день посылать за ягодами на кисели и морсы. Ребята не прочь были побродить по тайге, но предпочитали делать это в качестве охотников. Они спали и видели, как подстрелить дикого кабана или красавца изюбра, чей рев не раз слышали по ночам недалеко от госпиталя. Ходить же за ягодами считали бабьим делом. От этого собирались при первом удобном случае сбежать в боевые партизанские части, оставив донимавшему их завхозу весьма язвительную записку. Но случая не представлялось, и им поневоле приходилось подчиняться строгому завхозу, который только и знал, что донимал их своими приказами и поручениями.

В середине августа в госпиталь пробрался с русской стороны вьючный транспорт с крупчаткой, сахаром и медикаментами. Его прислал из занятого партизанами Нерчинского завода Василий Андреевич. С транспортом приехала молодая хорошенькая фельдшерица Антонина Степановна Олекминская. Гошка Пляскин влюбился в нее с первого же взгляда и перестал заговаривать о бегстве из госпиталя.

Взяв с Ганьки слово никому не выдавать его секретов, Гошка рассказал о своем увлечении. У него появилась неодолимая потребность делиться с товарищем всеми неизведанными переживаниями, которые вызвало в нем появление фельдшерицы. В ней ему нравилось буквально все. Обладая даром красочных и неожиданных сравнений, он засыпал ими своего приятеля, едва заходила речь о глазах и косах, о голосе и походке ничего не подозревающей Антонины Степановны. Глаза ее Гошка мог мимоходом сравнить со спелой ягодой голубицей, тронутой нежным голубым налетом, а толстую светло-русую косу — с веткой золотого под осень папоротника. Ганьку сладко разжигали и тревожили Гошкины излияния. По ночам ему стали сниться девушки с горячим и ласковым шепотом, с улыбками, от которых после и наяву бросало его в жар и трепет.

Антонина Степановна не обращала на Гошку никакого внимания. У нее достаточно было и взрослых поклонников, не имевших, впрочем, успеха. Но Гошка оказался чудовищно ревнивым. Он ревновал ее даже к доктору Карандаеву. При каждой встрече с ней он моментально краснел, обливался пóтом, терял способность соображать и разговаривать. Ганька сильно переживал за него и частенько со значением напевал ему из песни о Стеньке Разине:

Позади он слышит ропот:
Нас на бабу променял.

Делал он это потому, что был совершенно равнодушен к прелестям фельдшерицы, а в Гошке не чаял души. Все ему казалось необыкновенным в этом смуглом, курчавом, как молодой барашек, парне. Достоинств у него была целая куча.

Во-первых, Гошка был отличный гармонист и песенник. У него была исключительная память. Слова и мелодию любой песни запоминал он с одного раза. Он успел многое прочитать, знал наизусть, слово в слово, «Руслана и Людмилу» и сам мог при случае сочинить какую угодно частушку.

Во-вторых, у Гошки была поразительная биография. Он родился в Александровском централе, под Иркутском. Мать его была революционерка, осужденная на многолетнюю каторгу. Она умерла во время этапного пути в Забайкалье, в Мальцевскую женскую тюрьму, когда Гошке было десять месяцев от роду. Тогда его отдали в Горно-Зерентуйский тюремный приют. В семилетнем возрасте его усыновил арестантский фельдшер Пляскин. В четырнадцатом году Пляскин умер, оставив в наследство приемышу свою фамилию да гармошку с колокольчиками. Игрой на гармошке и зарабатывал себе Гошка кусок хлеба, шатаясь по казачьим станицам, где редкая вечерка и свадьба обходились без него. В свободное время Гошка прочел все книги, какие нашлись в школьных библиотеках Олочинской и Аргунской станиц. Однажды он увидел у атамана несколько годовых комплектов журнала «Родина». Атаман очень дорожил ими и ни за что не соглашался дать их на время Гошке. Тогда он три дня играл на свадьбе атаманского сына за то, чтобы взять на три вечера комплекты никогда не виданного журнала.

Весной девятнадцатого года Гошка ушел со своей гармошкой в партизаны и был легко ранен в бою у Винтовальной. Знаменитая гармошка его погибла в обозной телеге, разбитой снарядом.

По утрам все вокруг госпиталя тонуло в непроглядном молочном тумане. Неподвижно висел он с вечера над камышами и травами, путался в ветвях осин и лиственниц. С первыми лучами солнца туман приходил в движение. Клубясь и моросся мельчайшими каплями влаги, отрывался он от земли, поднимался вверх по горным склонам. Скоро сплошная масса его разрывалась на отдельные полосы. Достигая зубчатых горных вершин, полосы делались узкими и совсем прозрачными. Последние клочья их, подхваченные воздушным потоком, мгновенно исчезали из глаз, растворяясь в утренней синеве.

В одно такое утро ребят разбудила по просьбе завхоза дежурившая по госпиталю Антонина Степановна. Было сыро и холодно. Спросонья пронимала противная дрожь. Ребята, отчаянно зевая, прихватили с собой берданки и отправились в верховья Быстрой на разведку брусничных ягодников. Завхоз собирался сделать запасы брусники на всю зиму.

Мрачный лес был обложен, как ватой, сырым туманом. Они шли по чуть приметной тропинке, боясь потерять друг друга. Всякий неосторожно задетый куст обливал их с головы до ног холодной водой. Гошка шагал и жаловался на завхоза:

— И до чего же вредный мужик!.. Сам храпит сейчас во все завертки, а нас заставил поднять ни свет ни заря. Знает, холера, кому легче всего разбудить меня! Он бы со мной до седьмого пота возился, а перед Антониной Степановной мне стыдно куражиться. Надо ему такое подстроить, чтобы помнил он нас с тобой...

Не успели они отойти и двух верст, как в расположении госпиталя началась стрельба. Трижды громыхнули там четко сколоченные залпы, гулко рванули гранаты, потом всплеснулось злое, многоголосое «ура».

Ребята в замешательстве остановились, и лица их стали белее тумана. Было ясно, что случилось что-то страшное.

— Ну, Ганька, кажется, вовремя разбудила нас Антонина Степановна,— стуча зубами, как в лихорадке, сказал Гошка. Перепуганный Ганька невольно перекрестился.

— Что теперь делать будем?

— А ты не знаешь? Назад побежим, вот что!

— Убьют нас там. Что мы двое сделаем? Давай лучше здесь останемся.

— Нет, надо идти. Здесь оставаться никак нельзя,— тяжело вздохнул Гошка.— Мы с тобой не бабы, а красные партизаны. Струсим, а как потом своим в глаза глядеть будем?.. Заряди берданку и не трясись, как студень. Смотреть на тебя противно.

— Я не трясусь. А только лучше бы подождать.

— Нечего ждать. Пошли!..

Пока они бежали к госпиталю, там утихли выстрелы и крики, но запылали палатки, кухня и изготовленные для строительства землянок корье и береста. Ребята, еще не увидев огня, услыхали, как металось и трещало пламя, словно ломившийся сквозь чащу матерый зверь.

Продвигаясь перебежками от дерева к дереву, скоро увидели они сквозь поредевший туман густой и черный дым. Он вспухал и клубился, вставал над лесом, как огромный гриб. Вдруг на них дохнуло жаром, и они увидели яростно гудевший огонь. Они упали в мокрую траву и поползли к поляне, с которой разогнало жаром весь туман.

По поляне бегали в суете и спешке люди с желтыми лампасами на синих штанах. Их было очень много, и готовые стрелять в них Гошка и Ганька обрекали себя на верную смерть. Спасло их то, что в самый последний момент они наткнулись на раненого из госпиталя. Это был казак Чубатов, высмеявший Ганьку за глупый вопрос о ковчеге. Он притаился в яме от поваленного бурей дерева. Узнав, он окликнул их.

Когда они подползли, он спросил их злым шепотом:

— Вы это куда, дураки? Жизнь вам надоела? Вон их сколько, гадов-то. Не долго с ними навоюете. Раз уцелели, сидите и не рыпайтесь.

— Все равно пропадать,— сказал ему Гошка,— лучше уж хоть по одному из них да ухлопать. Я отсюда любого выцелю.

Тогда Чубатов с проворством, какого нельзя было и предполагать в нем, выхватил у Гошки из рук берданку, приказал:

— Лежи, сопляк, а то морду набью! Тоже герой мне выискался! Без пользы пропасть всякий болван сумеет. Этим сволочам мы отомстим, да только не теперь. Это олочинские дружинники. Я их всех наперечет знаю. Мы про них нашим сообщить должны, чтобы не было им потом пощады.

— Тогда другое дело. А берданку ты мне отдай.

— Ничего, без нее полежишь! Так оно спокойнее будет.— Помолчав, Чубатов спросил: — Как же это вы, ребятишки, уцелели?

— Ягодники искать пошли. Спасибо фельдшерице: сама, гляди, так пропала, а нас спасла! — неожиданно всхлипнул Гошка.

— А я так совсем случайно спасся. Чудный рассказ. Захотелось до ветру сходить. Раньше я это дело у самой палатки справлял, а тут нас накануне завхоз как следует пробрал. Вспомнил я проборку и поблизости присесть постеснялся, в кусты поковылял. Только стал, понимаешь, цветки считать, как вон с той стороны, с севера, стало быть, и залпанули. Я тогда упал и все ползком да ползком досюда вот и добрался... Проспали наши охранители. Всех искололи и порубили. Вот вам и заграница. Думали, нас здесь ни одна собака не найдет, жрали да дрыхали...

— Глядите, глядите! — зашептал наблюдавший за дружинниками Ганька.— Что это они делать собираются?

На дальнем конце поляны под раскидистой лиственницей, на которой Ганька и Гошка вы-

резали на память свои инициалы, творилось что-то непонятное. Но Чубатов пригляделся и сказал:

— Если не видели, как людей вешают, так увидите. Это они петли к сучьям привязывают. Значит, кто-то к ним живьем попал. Глядите и запоминайте, все как есть запоминайте! Будет срок — за все они нам ответят.

Толпа дружинников под лиственницей раздалась в стороны, и два человека в нижнем белье закачались в петлях.

— Эх, жизнь! — схватился за голову Чубатов и зарыдал.

У Ганьки потемнело в глазах, больно кольнуло в груди. Гошка судорожно сжимал в руках ветку усеянного колючками шиповника, не замечая на пальцах крови.

На поляну, освещенную первыми лучами солнца, вдруг хлынули из лесу коноводы с целым табуном разномастных лошадей. Звеня стременами и шашками, дружинники разобрали их и стали садиться в седла. Затем раздалась команда строиться.

— Сотни две их, не меньше,— определил Чубатов.— А командира ихнего я, похоже, узнал. Это, однако, есаул Рысаков. Он у нас во Втором Аргунском сотенным командиром на турецком фронте был. Вон он, гад, перед строем гарцует. Ну, доведись мне теперь попасть в Олочинскую, я всю его собачью родову на распыл пущу!..

Едва дружинники покинули поляну, как ребята сразу же хотели бежать туда, но Чубатов остановил их:

— Подождите, не торопитесь. Они могут и засаду оставить, если знают, что не всех перебили.

Только в полдень, сделав предварительную разведку, вышли они на поляну, залитую ярким светом. Как обычно, вились над голубыми лютиками пестрые бабочки, мирно трещали в траве кузнечики. Но там, где стояли палатки, лежали скрюченные обгорелые трупы раненых. А по всей поляне валялись обезглавленные бойцы из взвода охраны. Бородатый могучий завхоз в огромных рыжих ичигах лежал с бутылочной гранатой в руке. Отрубленная голова его, лысая на макушке, уставилась в небо широко раскрытыми стеклянными глазами. По медно-красному лицу его разгуливали желтобрюхие оводы. У Ганьки закружилась голова, тошнота подступила к горлу. Чувствуя, что больше не в силах стоять и смотреть, он бросился в кусты. Там наткнулся еще на один труп. Это была повариха Ульяна, чернобровая красавица казачка, о которой вздыхал украдкой не один молодой партизан. Ее утащили в кусты и после надругательства зверски убили. В искаженный нечеловеческой мукой рот была воткнута каким-то садистом суковатая палка. У Ганьки земля поплыла из-под ног. Он вскрикнул сдавленным голосом, упал и безутешно заплакал разрывающими горло слезами.

Когда Ганька пришел в себя, подошел Гошка, поднял его с земли и, поддерживая, повел к лиственнице с повешенными, возле которой дожидался их Чубатов. Еще издали узнал Ганька в повешенных доктора Карандаева и Семиколенко. Сделав неимоверное усилие над собой, удержался он на ногах.

Чубатов взял у Гошки нож, вытянулся во весь свой немалый рост и обрезал петлю над головой Карандаева. Холодного и непомерно длинного доктора Гошка подхватил на руки и бережно положил на притоптанную траву. Потом уложили с ним рядом Семиколенко с забинтованной рукой. Чубатов опустился на колени и поочередно поцеловал обоих в суровые, даже страшной смертью не искаженные лица. Тяжело поднявшись, вытер рукавом своей продранной в клочья рубашки затуманенные горем и злобой глаза, глухо сказал:

— Ну, хватит плакать! Некогда нюни распускать. Придется, братцы, в бакалейки идти, знакомых китайцев звать. Одним нам с похоронами не управиться.

— Неужели все погибли? — спросил Гошка.

— Кто его знает... Не видать пока Бянкина с фельдшерицей. А спаслись они или нет, неизвестно.

— Да ведь Бянкин вчера вечером с Жалсараном Абидуевым в бакалейки уехал! — вдруг вспомнил Ганька.— Я видел, как они уезжали. И как я забыл об этом?

— Тогда они уцелели, если только не повстречались на дороге с дружинниками. А фельдшерица тоже могла спастись. Она ведь не спала. Не угодила под пулю, так обязательно в лес махнула. Я ее тут покличу без вас, может, отзовется...

В бакалейках уже знали, что случилось с госпиталем. Обратно на свою сторону дружинники переправлялись совершенно открыто. Трое из них заезжали к купцам за спиртом и похвастались, что вырезали всех красных. Об этом рассказал ребятам Жалсаран Абидуев, которого нашли они возле фанзы китайцев-огородников, снабжавших госпиталь овощами.

Гошка и Ганька не испытывали к Бянкину никакой привязанности. Ганьке казался он черствым, чересчур строгим и не всегда справедливым. А Гошке не нравилось его явное стремление понравиться Антонине Степановне. Она действовала на Бянкина похлестче самой крепкой водки. Разговаривая с ней, он делался веселым и остроумным, много шутил и еще больше смеялся. И Гошка невзлюбил его за этот противный смех, за громкий и самоуверенный голос.

Теперь же, когда случилась такая беда, ребята забыли о своем нерасположении к Бянкину. Они хотели увидеть его как можно скорее, рассказать ему обо всем и тем самым заставить его разделить вместе с ними ту тяжесть, от которой мутился их разум, разрывались сердца.

Назавтра, когда над далекими сопками Забайкалья пылала вечерняя огненно-красная заря, хоронили убитых. Половину поляны заняла вырытая китайскими огородниками огромная могила. Холодом и сыростью веяло из темной ее глубины.

В сумерки вырос над могилой невысокий, смутно желтеющий холм. Опираясь на заступы и лопаты, неподвижно замерли возле него четверо русских, один бурят и молчаливые, благоговейно-скорбные китайцы.

Низко поклонившись китайцам, поблагодарил их за участие в похоронах неузнаваемо изменившийся за сутки Бянкин. Это был уже не прежний рыхлый и одутловатый человек. Горе словно резцом обточило его лицо, заставило наперекор всему держаться прямей и тверже.

Весь следующий день искали в тайге Антонину Степановну, но так и не нашли.

Ночью Жалсаран Абидуев переправил ребят на русскую сторону и, прощаясь, расцеловался с ними. Путь им предстоял далекий и опасный. Шли они в партизанскую столицу — Богдать. Им предстояло пройти двести верст по диким таежным дебрям, где вместо дорог были одни лишь вьючные тропы. На каждом шагу там можно было встретить и хищного зверя и рыскавших повсюду семеновцев.

Восход солнца застал их на перевале одного из высочайших во всем Приаргунье хребтов. Оттуда открывался необъятный, щемящий сердце простор. Они остановились и стали смотреть туда, откуда шли всю ночь.

Нестерпимо сияла внизу серебряная лента Аргуни. А за ней, уходя в бесконечную даль, величаво синели маньчжурские сопки, и не было им ни конца, ни края. Среди них была совсем неприметной заросшая лесом сопка, у подножия которой горюнилась теперь одинокая братская могила.

Не подняться и не покинуть этой тесной могилы в чужой земле ни одному зарытому в ней партизану. Никто никогда не увидит их больше в родном краю. Не придется им ни пахать, ни сеять, ни биться с врагами, ни любоваться на жен и детей. Только Ганька и Гошка, если суждена им долгая жизнь, расскажут о них товарищам и друзьям. Только они одни сохранят их в памяти такими, какими застигла их гибель в ранний утренний час. Никогда не прибавит им больше ни единого года потрясенная память ребят. Навеки запечатлела она молодых молодыми, стариков стариками. Ничего она не прибавит и не отнимет ни у добрых и храбрых, ни у злых и трусливых.

Не зная всей силы и прочности своей памяти, с каждым из них мысленно распрощались ребята, томимые строгой и острой печалью. Горный ветер смахнул у них набежавшие на ресницы слезы, и пошли они своим трудным путем туда, где расстилался под синим небом зеленый океан тайги.

К 110-летию со дня рождения

СУРИКОВ

Максимилиан **ВОЛОШИН**

В доме Кончаловских все дышит любовью к искусству, во всех комнатах висят картины, этюды, эскизы. Живопись в этой семье — призвание трех поколений, которому искренне преданы все вокруг. Отец Ольги Васильевны Кончаловской — Василий Иванович Суриков. Естественна горячая привязанность дочери к памяти великого отца. Муж ее — Петр Петрович Кончаловский — оставил яркий след в истории русской, советской живописи. Ее сын, Михаил Петрович Кончаловский, — тоже художник недюжинной силы и своеобразного дарования...

Среди многочисленных картин, хранящихся у Кончаловских, имеются неизвестные широкой публике работы Василия Ивановича Сурикова. Это масло, акварель, целая папка набросков, эскизов. Большой художник и в малом велик — здесь все интересно, все волнует, все привлекает к себе взор.

Мы публикуем репродукции некоторых произведений Сурикова из этого собрания. Пожалуй, самая примечательная из них — картина «Горожанка». Перед нами девушка с лицом нежным и строгим, с глазами чистыми и смелыми. Вот такие лица можно увидеть на старинных русских иконах, в которых черты богоматери взяты из жизни, списаны с русских женщин.

На воспроизведенной у нас акварели «Зубовский бульвар» мы видим уголок старой Москвы — почти провинциального города, «порфироносной вдовы». Поэтическим напоминанием о прошлом столицы звучит эта картина, в которой так явственно ощущается зимний ветер, гуляющий меж оголенных деревьев бульвара.

«Римский карнавал», «Голова итальянской девушки», «Флоренция» — плоды путешествия Василия Ивановича Сурикова в Италию, свидетельствующие о тонкой наблюдательности художника и красоте его кисти, умеющей передать и бурное веселье карнавала и пленительную нежность флорентийского пейзажа.

Картина В. Сурикова «Посещение царевной женского монастыря» в настоящее время выставлена в Третьяковской галерее. Она принадлежит известному реставратору Анне Кондратьевне Крайтер и ранее была представлена на выставке Союза русских художников в 1912—1913 годах сначала в Москве, а затем в Петербурге.

Статья о В. И. Сурикове поэта Максимилиана Волошина, умершего в 1932 году в Крыму, получена редакцией от Ольги Васильевны Кончаловской. Полностью монография ранее нигде не была опубликована. Мы печатаем ее в извлечениях. Интерес этой работы состоит прежде всего в том, что она является отличным материалом для биографии Сурикова, ибо в ней ярко воспроизведен рассказ художника о самом себе языком, присущим Сурикову: неповторимым, с подробностями, мало кому известными и вовсе неизвестными.

Познакомился я с Василием Ивановичем Суриковым в начале 1913 года, когда И. Э. Грабарь предложил мне написать о нем монографию. Через общих знакомых я обратился к Василию Ивановичу с вопросом: не буду ли я ему неприятен, как художественный критик, и не согласится ли он дать мне материалы для своей биографии. Василий Иванович ответил, что ничего не имеет против моего подхода к искусству, и согласился рассказать мне свою жизнь.

Во время рассказов Василия Ивановича я тут же делал себе заметки, а вернувшись домой, в тот же вечер восстановлял весь разговор в наивозможной полноте, стараясь передать не только смысл, но и форму выражения, особенности речи, удержать подлинные слова.

Смерть Василия Ивановича застала мою монографию еще не оконченной.

Суриков был среднего роста, крепкий, сильный, широкоплечий, моложавый, несмотря на то, что ему было уже под семьдесят; он родился в 1848 году. Густые волосы с русою проседью, подстриженные в скобку, лежали плотною шапкой и не казались седыми. Жесткие и короткие, они слабо вились в бороде и усах.

В наружности простой, народной, но не крестьянской, чувствовалась закалка крепкая, крутая: скован он был по-северному, показацки.

Он происходил из старой казацкой семьи. Предки его пришли в Сибирь вместе с Ермаком. Род его идет, очевидно, с Дона, где в Верхне-Ягирской и Кундрючинской станицах еще сохранились казаки Суриковы. Оттуда они пошли завоевывать Сибирь и упоминаются, как основатели Красноярска в 1622 году. Здесь двести двадцать шесть лет спустя и родился В. И. Суриков.

О начале своей живописи Василий Иванович рассказывал так:

— Рисовать я с самого детства начал. Комнаты у нас в доме были большие и низкие. Мне, маленькому, фигуры казались громадными. Я потому всегда старался или горизонт очень низко поместить или фону сделать поменьше, чтобы фигура больше казалась.

Главное я красоту любил. Во всем красоту. В лица с детства еще вглядывался, как глаза расставлены, как черты лица составляются. В детстве я все лошадок рисовал, как все мальчики. Только ноги у меня не выходили. А у нас в Бузиме был работник Семен, простой мужик. Он меня научил ноги рисовать. Он их начал мне по суставам рисовать. Вижу, гнутся у его коней ноги. А у меня никак не выходило, это у него анатомия, значит.

Когда я в красноярском уездном училище учился, там учитель рисования был — Гребнев. Он из Академии был. У нас иконы на заказ писал. Так вот, Гребнев меня учил рисовать. Чуть не плакал надо мною. О Брюллове мне рассказывал. Об Айвазовском, как тот воду пишет,— что совсем, как живая; как формы облаков знает. Воздух — благоухание.

Гребнев брал меня с собою и акварельными красками заставлял сверху холма город рисовать. Плен-эр, значит. Мне одиннадцать лет тогда было. Приносил гравюры, чтобы я с оригинала рисовал: «Благовещение» Боровиковского, «Ангел молитвы» Неффа, рисунки Рафаэля и Тициана. Я очень красоту композиции любил. И в картинах старых мастеров больше всего композицию чувствовал. А потом начал ее и в природе всюду видеть. Когда меня губернатор Замятин хотел в Академию определить, я все эти рисунки собрал; их туда отправили. А ответ пришел: если хочет ехать на свой счет — пусть едет, а мы его на казенный счет не берем. А потом, когда я в Петербург уже приехал, меня спрашивает инспектор Шренцер: — «А где же ваши рисунки!» Нашел папку, перелистал. «Это? — говорит,— да за такие рисунки вам даже мимо Академии надо запретить ходить». Все эти рисунки так у него пропали.

После окончания уездного училища поступил я в четвертый класс гимназии — тогда в Красноярске открылась. Но курсы не кончил. Средств у нас не было, пришлось из седьмого класса уйти. Подрабатывать приходилось. Яйца пасхальные я рисовал по три рубля за сотню. Помню, журналы тогда все смотрел художественные.

Очень я по искусству тосковал. Мать какая у меня была: видит, что я плачу,— горел я тогда,— так решили, что я пойду пешком в Петербург. Мы вместе с матерью план составили. Пойду я с обозами — она мне тридцать рублей на дорогу давала. Так и решили.

...До самого Нижнего мы на лошадях ехали — четыре с половиной тысячи верст. Там я доху продал. Оттуда уже железная дорога была.

Приехал я в Академию в феврале. Я уже вам рассказывал, как инспектор Шренцер посмотрел мои рисунки и сказал: «Да вас за такие рисунки и мимо Академии пускать не следует».

А в апреле — экзамен. Помню, мы с Зайцевым — он архитектором после был — гипс рисовали. Академик Бруни не велел меня в Академию принимать. Помню — вышел я. Хороший весенний день был. На душе было радостно. Рисунок я свой разорвал и по Неве пустил.

Поступил я тогда в школу Поощрения, к художнику Диаконову, и три месяца гипсы рисовал. И научился во всевозможных ракурсах: нарочно самые трудные выбирал. За эти три месяца я три года курса прошел и осенью прямо в головной класс экзамены выдержал. Там еще композиции не подавались. А я слышал, какие в натурном задаются, и тоже подавал. Пять лет я пробыл в Академии. И научные классы прошел. Я в Академии больше всего композицией занимался. Меня там «композитором» звали. Я все естественность и красоту композиции изучал. Дома сам себе задачи задавал и разрешал. Образцов никаких не признавал — все сам. А в живописи только колоритную сторону изучал. Павел Петрович Чистяков очень развивал меня. Я это еще и в Сибири любил, а здесь он мне указал путь истинного колорита. Я ведь со страшной жадностью к знаниям приехал. В Академии классов не пропускал. А на улицах всегда группировку людей наблюдал. Приду домой и сейчас зарисую, как они комбинируются в натуре. Ведь этого никогда не выдумаешь. Случайность приучился ценить. Страшно я ракурсы любил. Всегда старался дать все в ракурсах. Они очень большую красоту композиции придают. Даже смеялись товарищи надо мной.

С окончанием Академии кончается личная биография Сурикова и начинается творчество. Кровь старых бунтовщиков, покоривших Сибирь вместе с Ермаком, отстоенная в умиротворенном быту старой Руси, исключительно здоровое детство, обставленное суровыми и трагическими впечатлениями природы и человеческой жизни, глубоко потрясавшими детскую душу, но не осложнявшимися никакими личными катастрофами, образовали в нем сосредоточенный и мощный заряд огромной творческой силы.

Академия, плохо или хорошо, насколько это было в ее возможностях, научила его связной художественной речи.

Теперь нужно было только огниво, чтобы зажечь горючие материалы, скопившиеся в душе.

Огнивом этим была Москва.

— Я как в Москву приехал,— рассказывал Василий Иванович,— прямо спасен был. Старые дрожжи, как Толстой говорил, поднялись.

Я в Петербурге еще решил «Стрельцов» писать. Задумал я их, еще когда в Петербург из Сибири ехал. Тогда еще красоту Москвы увидал. Памятники, площади — они мне дали ту обстановку, в которой я мог поместить свои сибирские впечатления. Я на памятники, как на живых людей смотрел, расспрашивал их: «Вы видели, вы слышали,— вы свидетели». Только они не словами говорят.

Как я на Красную площадь пришел — все это у меня с сибирскими воспоминаниями связалось.

Когда я их задумал, у меня все лица сразу так и возникли. И цветовая раскраска вместе с композицией. Я ведь живу от самого холста: из него все возникает. Помните, там у меня стрелец с черной бородой — это Степан Федорович Торгошин, брат моей матери. А бабы — это, знаете ли, у меня и в родне были такие старушки. Сарафанницы, хоть и казачки. А старик в «Стрельцах» — это ссыльный один, лет семидесяти. Помню, шел, мешок нес, раскачивался от слабости — и народу кланялся.

А рыжий стрелец — это могильщик, на кладбище я его увидал. Я ему говорю: «Поедем ко мне,— попозируй». Он уж занес было ногу в сани, да товарищи стали смеяться. Он говорит: «Не хочу». И по характеру ведь такой, как стрелец. Глаза глубоко сидящие меня поразили. Злой, непокорный тип. Кузьмой звали. Случайность: на ловца и зверь бежит. Насилу его уговорил. Он, как позировал, спрашивал: «Что, мне голову рубить будут, что ли?» А меня чувство деликатности останавливало говорить тем, с кого я писал, что я казнь пишу.

В Москве очень меня соборы поразили. Особенно Василий Бла-

женный: все он мне кровавым казался. Этюд я с него писал.

И телеги еще все рисовал. Очень я любил все деревянные принадлежности рисовать: дуги, оглобли, колеса, как что с чем связано. Все для телег, в которых стрельцов привезли. Петр-то ведь тут между ними ходил. Один из стрельцов ему у плахи сказал: «Отодвинься-ка, царь,— здесь мое место». Я все народ себе представлял, как он волнуется. «Подобно шуму вод многих». Петр у меня с портрета заграничного путешествия написан, а костюм я у Корба взял.

Я когда «Стрельцов» писал — ужаснейшие сны видел: каждую ночь во сне казни видел. Кровью кругом пахнет. Боялся я ночей. Проснешься и обрадуешься. Посмотришь на картину. Слава богу, никакого этого ужаса в ней нет. Все была у меня мысль, чтобы зрителя не потревожить. Чтобы спокойствие во всем было. Все боялся, не пробужу ли в зрителе неприятного чувства. Я сам-то свят,— а вот другие... У меня в картине крови не изображено, и казнь еще не начиналась. А я ведь это все — и кровь, и казни в себе переживал. «Утро Стрелецких казней»: хорошо их кто-то назвал. Торжественность последних минут мне хотелось передать, а совсем не казнь.

Помню, «Стрельцов» я уже кончил почти. Приезжает Илья Ефимович Репин посмотреть и говорит: «Что же это у вас ни одного казненного нет? Вы бы вот здесь хоть на виселице, на правом плане, повесили бы».

Как он уехал, мне и захотелось попробовать. Я знал, что нельзя, а хотелось знать, что получилось бы. Я и пририсовал мелом фигуру стрельца повешенного. А тут как раз нянька в комнату вошла,— как увидела, так без чувств и грохнулась.

Еще в тот день Павел Михайлович Третьяков заехал: «Что вы, картину всю испортить хотите?»— Да чтобы я, говорю, так свою душу продал!.. Да разве так можно?..

А дуги-то, телеги для «Стрельцов» — это я по рынкам писал. Пишешь и думаешь — это самое важное во всей картине. На колесах-то — грязь. Раньше-то Москва немощеная была — грязь была черная. Кое-где прилипнет, а рядом серебром блестит чистое железо. И вот среди всех драм, что я писал, я эти детали любил.

Всюду красоту любил. Когда я телегу видел, я каждому колесу готов был в ноги поклониться. В дровнях-то какая красота: в копылках, в вязах, в саноотводах. А в изгибах полозьев, как они колышутся и блестят, как кованые. Я, бывало, мальчиком еще,— переверну санки и рассматриваю, как это полозья блестят, какие извивы у них. Ведь русские дровни воспеть нужно!..

«Стрельцы» у меня в 1878 году начаты были, а закончены в восемьдесят первом. В восемьдесят первом поехал я жить в деревню — в Перерву. В избушке нищенской. И жена с детьми. (Женился я в 1878 году. Мать жены была Свистунова — декабриста дочь. А отец — француз.) В избушке тесно было. И выйти нельзя — дожди.

Здесь вот все мне и думалось: кто же это так в низкой избе сидел? И поехал я это раз в Москву за холстами. Иду по Красной площади. И вдруг... Меншиков! Сразу всю картину увидал. Весь узел композиции. Я и о покупках забыл. Сейчас кинулся назад в Перерву. Потом ездил в имение Меншикова в Клинском уезде. Нашел бюст его. Мне маску сняли. Я с нее писал.

А потом нашел еще учителя-старика — Невенгловского; он мне позировал. Раз по Пречистенскому бульвару идет, вижу, Меншиков. Я за ним: квартиру запомнить. Учителем был математики Первой гимназии. В отставке. В первый раз и не пустил меня совсем. А во второй раз пустил. Позволил рисовать. На антресолях у него писал. В халате, перстень у него на руке, небритый — совсем Меншиков. «Кого вы с меня писать будете?» — спрашивает. Думаю: еще обидится — говорю: «Суворова с вас рисовать буду». Писатель Михеев потом из этого целый роман сделал. А Меншикову я с жены покойной писал. А другую дочь — с барышни одной. Сына писал в Москве с одного молодого человека — Шмаровина сына.

В 1883 году картину выставил.

«Боярыню Морозову» я задумал еще раньше «Меншикова» — сейчас после «Стрельцов». Но потом, чтобы отдохнуть, «Меншикова» начал.

Но первый эскиз «Морозовой» еще в 1881 году сделал, а писать начал в восемьдесят четвертом, а выставил в восемьдесят седьмом. Я на третьем холсте написал. Первый был совсем мал. А этот я из Парижа выписал.

Три года для нее материал собирал. В типе боярыни Морозовой — тут тетка одна моя, Авдотья Васильевна, что была за дядей Степан Феодоровичем, стрельцом-то с черной бородой. Она к старой вере стала склоняться. Мать моя, помню, все возмущалась: все у нее странники да богомолки. Она мне по типу Настасью Филипповну из Достоевского напоминала. В Третьяковке этот этюд, как я ее написал.

Только я на картине сперва толпу написал, а ее после. И как ни напишу ее лицо — толпа бьет. Очень трудно ее лицо было найти. Ведь сколько времени я его искал. Все лицо мелко было. В толпе терялось.

В селе Преображенском на старообрядческом кладбище — ведь вот где ее нашел.

Была у меня одна знакомая старушка — Степанида Варфоломеевна, из старообрядок. Они в Медвежьем переулке жили — у них молитвенный дом там был. А потом их на Преображенское кладбище выселили. Там в Преображенском все меня знали. Даже старушки мне себя рисовать позволяли, и девушки — начетчицы. Нравилось им, что я казак и не курю.

И вот приехала к ним начетчица с Урала — Анастасия Михайловна. Я с нее написал этюд в садике, в два часа. И как вставил ее в картину — она всех победила.

«Персты рук твоих тонкостны, а очи твои молниеносны. Кидаешься ты на врагов, как лев»...

Это протопоп Аввакум сказал про Морозову, и больше про нее ничего нет. А священника у меня в толпе помните? Это целый тип у меня создан. Это когда меня из Бузима еще учиться посылали, раз я с дьячком ехал — Варсонофием,— мне восемь лет было. У него тут косички подвязаны. Въезжаем мы в село Погорелое. Он говорит: «Ты, Вася, подержи лошадь, я зайду в Капернаум». Купил он себе зеленый штоф, и там уже клюкнул. «Ну, говорит, Вася, ты правь». Я дорогу знал. А он сел на грядку, ноги свесил. Отопьет из штофа и на свет посмотрит. Точно вот у Пушкина в «Сцене в корчме». Как он русский народ знал!

А Юродивого я на толкучке нашел. Огурцами он там торговал. Вижу — он. Такой вот череп у таких людей бывает.

Я говорю — идем. Еле уговорил его. Идет он за мной, все через тумбы перескакивает. Я оглядываюсь, а он качает головой — ничего, мол, не обману.

В начале зимы было. Снег талый. Я его на снегу так и писал. Водки ему дал и водкой ноги натер. Алкоголики ведь они все. Он в одной холщевой рубахе босиком у меня на снегу сидел. Ноги у него даже посинели. Я ему три рубля дал. Это для него большие деньги были. А он первым делом лихача за рубль семьдесят пять копеек нанял. Вот какой человек был. Икона у меня была нарисована, так он все на нее крестился, говорил: «Теперь я всей толкучке расскажу, какие иконы бывают».

Так на снегу его и писал. На снегу писать — все иное получается. Вот пишут на снегу силуэтами. А на снегу все пропитано светом. Все в рефлексах лиловых и розовых, вон как одежда боярыни Морозовой — верхняя, черная; и рубаха в толпе. Все пленэр. Я с 1878 года уже пленэристом стал; «Стрельцов» тоже на воздухе писал.

Все с натуры писал: и сани, и дровни. Мы на Долгоруковской жили (тогда ее еще Новой Слободой звали).

Там в переулке всегда были глубокие сугробы, и ухабы, и розвальней много. Я все за розвальнями ходил, смотрел, как они след оставляют, на раскатах особенно.

Как снег глубокий выпадет, попросишь во дворе на розвальнях проехать, чтобы снег развалило, а потом начнешь колею писать.

И чувствуешь здесь всю бедность красок.

И переулки все искал, смотрел; и крыши где высокие. А церковь-то в глубине картины — это Николы, что на Долгоруковской.

Самую картину я начал в 1885 году писать; в Мытищах жил — последняя избушка с краю. И тут я штрихи ловил. Помните посох-то, что у странника в руках. Это богомолка одна проходила мимо с этим посохом. Я схватил акварель да за ней. А она уже отошла. Кричу ей: «Бабушка! Бабушка! Дай посох!» Она и посох-то бросила — думала, разбойник я.

Девушку в толпе, это я со Сперанской писал — она тогда в монашки готовилась. А те, что кланяются — все старообрядочки с Преображенского.

В восемьдесят седьмом я «Морозову» выставил. Помню, на выставке был. Мне говорят: «Стасов вас ищет».

И бросился это он меня обнимать при всей публике... Прямо скандал. «Что вы, говорит, со мной сделали?» Плачет ведь — со слезами на глазах. А я ему говорю: «Да что вы меня-то»... (уж не знаю, что делать, неловко)...

Через год после того, как я «Морозову» выставил, жена умерла. В 1888 году,— седьмого апреля.

После смерти жены я «Исцеление слепорожденного» написал. Лично для себя написал. Не выставлял. А потом в том же году уехал в Сибирь. Встряхнулся. И тогда от драм к большой жизнерадостности перешел. У меня всегда такие скачки к жизнерадостности бывали. Написал я тогда бытовую картину — «Городок берут».

К воспоминаниям детства вернулся, как мы зимой через Енисей в Торгошино ездили. Там в санях — справа мой брат Александр сидит. Необычайную силу духа я тогда из Сибири привез.

В 1891 году начал я «Покорение Сибири» писать. По всей Сибири ездил — материалы собирал. По Оби этюды делал. К 95-му году кончил и выставил, а в том же году начал «Суворова» писать. Случайно попал к столетию в 1899 году. В девяносто восьмом ездил в Швейцарию этюды писать.

С девятисотого начал для «Стеньки Разина» собирать материалы, а выставил в девятьсот седьмом. В самую Революцию попало. В Сибирь и на Дон для него ездил.

С 1908 года «Посещение Царевны» писал. Выставил в 1913 году. Суворов у меня с одного казачьего офицера написан. Но главное в картине — движение. Храбрость беззаветная — покорные слову Полководца, идут.

Толстой очень против был. А когда «Ермака» увидел,— говорит: «Это потому, что вы поверили, оно и производит впечатление».

А я ведь летописи и не читал. Она сама мне так представилась: две стихии встречаются. А когда я, потом уж, Кунгурскую летопись начал читать — вижу, совсем, как у меня. Совсем похоже. Кучум, ведь на горе стоял. Там у меня скачущие. И теперь, ведь, как на пароходе едешь,— вдруг всадник на обрыв выскочит: дым значит увидал. Любопытство.

В исторической картине и не нужно, чтобы было совсем так, а чтобы возможность была, чтобы похоже было. Суть-то исторической картины — угадывание. Если только сам дух времени соблюден — в деталях можно какие угодно ошибки делать. А когда все точка в точку — противно даже.

В этом одна из тайн суриковского творчества: он угадывал русскую историю не сквозь исторические книги и сухие летописи, не сквозь мертвую археологическую бутафорию, а через живые лики живых людей, через внутреннее чувство вещей, предметов и форм жизни.

— Мужские-то лица по скольку раз я перерисовывал. Размах, удаль мне нравились. А какое время надо, чтобы картина утряслась, так, чтобы переменить ничего нельзя было. Действительные размеры каждого предмета найти нужно. В саженной картине одна линия, одна точка фона и та нужна. Важно найти замок, чтобы все части соединить. Это математика. А потом проверять надо: поделить глазами всю картину по диагонали.

Жажда реализма, голод по точности были очень велики у Сурикова. «Если б я ад писал, то и сам бы в огне сидел и в огне позировать заставлял»,— говорил он с энергией. Ту же самую непосредственность и силу вкладывал он в восприятия произведений искусства и людей.

В. И. Суриков. ГОРОЖАНКА.

В. И. Суриков. ВЫХОД ЦАРЕВНЫ.

В. И. Суриков. РИМСКИЙ КАРНАВАЛ.

В. И. Суриков. ГОЛОВА ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕВУШКИ.

В. И. Суриков.
ЗУБОВСКИЙ БУЛЬВАР.

В. И. Суриков.
ВИД ФЛОРЕНЦИИ.

Спроси свое сердце...

Рассказ

Рудольф КАЛЬЧИК

Рисунок П. БАРАНОВА.

В кухне еще стоит духота после жаркого, овеянного легкой печалью августовского дня, а на деревню уже спускается вечерний сумрак и налетает ветер. Он кружит около длинного белого здания детского санатория, что стоит на склоне горы у деревни Влчин; открытые окна дребезжат, где-то хлопнула дверь, и в коридоре слышен голос сестры-хозяйки:

— Закройте!

Дети, уже в ночных рубашках, закрывают окна и смотрят испуганными глазами на огромные тучи, тяжелые, словно скалы. Ветер забрался в железную печь и тихонько подвывает там и плачет, а облака подползают к деревне все ближе, низко прижимаясь к земле.

В кухне у открытого окна учительница Ярешова, заведующая санаторием, просматривала бухгалтерские документы. Стало темнеть, и она придвинула стул поближе к свету. Кухня, в которую был превращен бывший трактир, огромная шумавская печь, гигантские кастрюли и крышки, охотничьи сцены на потолке с толстыми балками — все было тяжелое, массивное. В полумраке за широким столом Ярешова была еле видна. Стройная, худощавая, она терялась в этом обширном помещении. Сестра-хозяйка заглянула в кухню.

— Пойдете спать?

— Нет еще,— ответила учительница, и тут от порыва ветра бумаги полетели со стола и закружились в воздухе. Она слегка вскрикнула и захлопнула окно. В столбах пыли на дороге она увидела высокую темную фигуру стражмистра Власака. «Боже, документы!» — подумала учительница и, быстро собрав их, взяла расческу, приоткрыла створку второй оконной рамы и проворно причесалась, глядясь в стекло. Потом вынула из полных губ шпильку, улыбнулась своему отражению и подсела к столу. Постучав, в кухню вошел стражмистр.

Он собирался идти в наряд и был в старой фуражке, плотно надвинутой на густые белокурые волосы, дождевой плащ окутывал его высокую фигуру в резиновых сапогах, надетых на крепкие ноги. С первого же дня знакомства Ярешовой всегда казалось, что он трудится на земле, в поле. У него было загорелое лицо, как у деревенского парня, мягкая линия подбородка, глаза — словно безоблачное летнее небо. «Настоящий крестьянин»,— думала она. Ради него она быстро забыла своих городских знакомых, двух — трех человек, которые ухаживали за ней и с которыми она изредка проводила время, чтобы развеять скуку. Ей шел двадцать второй год, и она ждала любви, как иные — богатства или удачи. Но тут ей было как-то тоскливо... словно на острове, затерянном в океане...

— А-а, Енда! — сказала она.— Вы на весь вечер? Мне почему-то так грустно, понимаете ли,— улыбнулась она и пожала плечами.— А где же ваш приятель Топол?

— Придет, вероятно... он еще ужинает. Ночью мы будем в наряде.

— Я рада, что вы один.

У стражмистра забилось сердце.

— Маша! — сказал он с жаром и встал.

Учительница подошла к окну и посмотрела в него. Туча нависала теперь не над ближними холмами, а прямо над деревней, ветер взметал известковую пыль и гнал ее, как дым, к опушке леса. Маша сердилась на себя за только что сказанную фразу; Власак, конечно, ее не понял. Ей хотелось говорить впотьмах с человеком, который ей нравился и возбуждал своей близостью. Она испугалась теплого тона, с каким стражмистр обратился к ней. «Нужно будет заговорить о чем-нибудь другом»,— подумалось ей.

— Как... очень опасно в таком наряде?

Женская фигура теперь почти сливалась с темным окном. Стражмистр взволнованно смотрел на нее взглядом, полным любви.

— В наряде? — переспросил он.

Тучи окутывали уже церковь и кладбище над деревней, опускались на здание пограничной заставы, ползли над лугом к санаторию. Учительница и стражмистр смотрели в окно, стоя рядом, и слышали только свое дыхание да шум ветра, блуждающего вокруг дома.

— В наряде,— тихо, почти шепотом повторил стражмистр,— собственно говоря, не опасно. Вы привыкнете, Маша, я тоже привык не сразу. Нужно только знать, зачем ты здесь, иначе, пожалуй, и не выдержать. В лесу часто думается о людях, которые живут у подножия гор, о девушках, в сущности, о вас, Маша. В то время, быть может, вы еще ходили на уроки танцев. Мне иной раз хотелось бы тоже жить в светлом, теплом доме, иной раз, когда идет сильный дождь или морозной ночью...

— От вас веет холодом,— улыбнулась Маша и тряхнула головой так, что волосы коснулись его лица.

И тут он обнял ее и поцеловал. Она отвернулась и, поглядывая все время в окно, за которым сгущалась ночная тьма, спросила:

— Что у вас нового?

Ему сперва показалось, что он не знает, как ей ответить. Пришел в голову Шиндерганс: в прошлую ночь нарушитель был опять где-то неподалеку от деревни. Его почти настигли при переходе через речку, но он с пулей в спине ускользнул от пограничников в тумане, бросив на произвол судьбы двух трясущихся от страха людей. Но это было не для Маши и не касалось порученных ей детишек... Стражмистр молча покачал головой, потом вспомнил о Сихре.

— Товарищ с заставы в больнице...

— Он ранен?

— Нет... воспаление легких. Был в наряде, а ему следовало лежать в постели. Нас мало.

В окно стукнула большая дождевая капля, за ней другая. Они текли по стеклу, как слезы. Учительница в раздумье положила руку на подоконник. «Такова здесь жизнь,— подумала она.— Как тут, наверно, холодно зимой». Она прикрыла глаза: в ее воображении луга покрылись снегом, снег уже поднимался до окон и падал, падал без конца... И сразу ей представилась городская школа, десятки освещенных улиц, сотни домов и люди, люди, люди...

Она почувствовала ласковое рукопожатие.

— Значит, через неделю, Маша...

— Через неделю,— повторила она растерянно.

Внезапно она поняла: через неделю окна санатория забьют досками, придет большой автобус, в него посадят детей — и прощай любовь! Любовь? Рука стражмистра излучала тепло. Они ничего не говорили и только взволнованно глядели друг на друга. Стражмистр ощущал острую тревогу, от которой сжималось сердце; наконец прерывающимся шепотом он попросил:

— Останьтесь здесь со мной, Маша!

Он увидел, что она закрыла глаза, а открыв, стала глядеть в сторону, в землю. И тут стражмистру страстно захотелось, чтобы учительница, молча и вновь закрыв глаза, спрятала у него на груди свое лицо.

— Я понимаю, Енда,— сказала, однако, Маша,— но как могу я оставить этих детей? Нет,— выпрямилась она неожиданно,— вы видите, каков человек? Готов солгать даже в такую минуту. Но я должна все-таки признаться вам: разве здесь жизнь, Енда? Скажите, разве здесь жизнь? Мы оба молоды, и мне захотелось бы пойти с вами в театр, в воскресенье погулять за городом, мне хотелось бы, чтобы к нам приходили знакомые, а я показывала бы им вас и... наших детей. Здесь крохотная деревушка, Енда, всего пять — шесть дворов, и хорошо здесь, вероятно, только летом, каких-нибудь два месяца. А осенью, зимой? Как тут жить? Вы меня понимаете?

Стражмистр молчал.

— Неужели вы не понимаете? — почти закричала она.— Лучше сказать все сейчас, пока не поздно. Что, если мы испортим друг другу жизнь? Поймите, Енда, я представляю себе замужество как сплошной праздник... ведь мы живем только раз, а здесь?.. Всю жизнь провести здесь?..

Учительница дышала взволнованно, маленькая и хрупкая по сравнению с ним.

«Да,— подумал он горько,— здесь туманы, дожди и снег. Здесь так медленно тянутся однообразные дни, что хочется запить. И здесь шумавская граница, вереницы ночей в нарядах». А рядом с ним стоит женщина и манит его куда-то в иной мир, где они оба будут жить совсем по-другому.

— Уедем со мной,— зашептала она.— Ведь мы могли бы быть вместе, Енда!

— Отсюда? — спросил он изумленно.— Но ведь я не могу, Маша! Нет, сейчас ничего не выйдет, сейчас самое неподходящее время, через год после Февраля [1]! Я не могу убежать отсюда, как мальчишка... Еще год, другой — и все переменится, станет спокойнее, и жизнь здесь будет другой! Вы боитесь этого безлюдья? Со мной?

У Ярешовой отхлынула кровь от лица. Стражмистр почувствовал, как она вздрагивает, всхлипывая. В нем пробудилась жалость к этой женщине, маленькой и слабой, словно ребенок. Он взъерошил ей волосы и прижал к груди пылающее лицо Маши. Она вошла в его жизнь два месяца назад, но ему казалось, что это произошло давным-давно, настолько он к ней привык. Он не понимал, почему теперь все должно перемениться, ведь все осталось по-прежнему... Женщина, которую он обнимал, годами ждала такой любви, а сейчас испугалась чувства Власака, была ошеломлена...

— Представьте себе, Енда,— заговорила она с лихорадочной поспешностью.— Всю жизнь здесь, всю жизнь... тридцать, сорок, пятьдесят лет! Пятьдесят лет во Влчине! Тысяча сто метров над уровнем моря, болота, безлюдье, ни цветов, ни полей... всю жизнь прожить здесь... И давно вы так живете?

— Четыре года.

— Разве этого недостаточно?

— Я здесь на всю жизнь,— горько улыбнулся он.— Мне и в голову не приходило, что я могу жить где-то еще. Мне тут нравится...

— На всю жизнь,— повторила она,— на всю жизнь... Нет! — воскликнула Маша и принялась тормошить Власака, словно хотела разбудить его.— Вы должны уехать со мной, Енда! Пустая деревня, пограничная, запретная зона, наряды... Ведь должен же найтись кто-нибудь, чтобы заменить вас!

— Нет, — ответил он. — Сейчас нет никого... Может, вы привыкнете, Маша?

— Вы и понятия не имеете, как живут люди в других местах! — произнесла она глухо.

— Прощайте! — внезапно сказал стражмистр, поспешно взял фуражку, перекинул плащ через руку и направился к двери. Там он остановился, посмотрел на Машу, которая все еще стояла у окна, и повторил несколько мягче: — Прощайте. Желаю вам счастья!

Она слышала, как он шел в темноте. Потом наступила тишина. Учительница окинула взглядом кухню, огромную и удивительно пустую, и только после этого расплакалась, охва-

---

[1] 1948 года.

ченная разочарованием, и долго еще потихоньку жалобно всхлипывала.

Тем временем стражмистр быстро шел к заставе. Но чем ближе становилось знакомое здание, тем медленнее были шаги Власака. Он испытывал невыносимую боль. Впервые в жизни он любил так горячо. «Что делать? — беспомощно спрашивал он себя.— Что же делать?» Сильный ветер дул ему в лицо, с шорохом сыпался дождь. На повороте, у влчинской кузницы, он встретил младшего стражмистра Топола.

Пограничники остановились. Коренастый Топол был едва по плечо Власаку. Он достал из кармана сигарету, стал спиной к ветру и ловко закурил.

— Почему ты уже здесь? — спросил он между двумя затяжками.— Мы могли бы еще посидеть у Маши.

— Она неважно себя чувствует,— сквозь зубы ответил Власак.— Дай мне прикурить, Карел!

Топол вернулся в пивную, окна которой светились рядом с заставой, а Власак продолжал свой путь. «Поговори-ка с Ружичкой,— сказал он себе.— Послушай, что скажет начальник». Но у двери в канцелярию стражмистр остановился. Подняв уже руку, чтобы постучать, он опустил ее и потихоньку вошел в казарму.

Там было темно. Несколько пограничников спали, отдыхая перед нарядом. Власак на ощупь достал из шкафа автомат, подошел к своей койке и включил свет. Потом взял патроны и магазины и стал медленно собираться в дозор. Эти привычные, будничные движения вдруг показались ему совершенно чужими. Патрон за патроном скользил в магазин, и каждый был годом, который теряется в прошлом,— четыре года, двенадцать лет, тридцать лет...

Стражмистр взял автомат и заглянул в ствол. Отверстие походило на тупой, невыразительный глаз. «Маша,— подумал Власак,— Маша, что ты наделала!» Рука его дрогнула. Ему пришло в голову сходить за револьвером и почистить его. «Нет,— сказал он себе,— брось-ка дурить, сейчас не время». Он поставил автомат на место, погасил свет, вышел в коридор и постучал в канцелярию.

Начальник, невысокий худой человек, ссутулившийся под грузом прожитых лет, сидел за стареньким письменным столом и что-то писал. Старший стражмистр Ружичка не отличался разговорчивостью. Он продолжал сидеть молча, словно все еще находился в секрете. Власака он знал давно, еще с довоенных времен. Армия свела их снова, и уже много месяцев они служили вместе на тяжелом влчинском участке.

Стражмистр сел. Ружичка поглядел на него через очки в костяной оправе, кивнул и показал на бумагу, лежавшую перед ним.

— Пишу жене Сихры, чтобы приехала.

— А как он себя чувствует?

— Плохо...

— Батя,— тихо произнес Власак,— отпустишь ты меня в органы общественной безопасности?

Небольшая фигурка начальника выпрямилась.

— Куда это ты собрался? — изумленно переспросил Ружичка.— В органы общественной безопасности? Сейчас? Почему?

— Из-за Маши...

— Из-за какой Маши?

— Той, что в детском санатории,— вырвалось у стражмистра.— Она не хочет здесь остаться... А я... мне двадцать шесть, батя... и я уже почти пять лет на границе. Можешь ли ты винить Машу, что ей не хочется разлучаться с мужем и она стремится жить получше?

Начальник тихонько подсел к стражмистру. Он много лет работал в поле, убирал урожай, пахал землю, сеял. Он смотрел на пограничные горы, луга и тропки в болотах глазами хозяина. Это был озабоченный взгляд: у Ружички было мало сил, чтобы уследить за всей этой землей. Он знал, как знали все на влчинской заставе, что наиболее трудная часть борьбы, начатой на границах в феврале сорок восьмого года, кончится не так скоро. Знал, что нужно еще потерпеть... Ружичка вздохнул. На столе белело недописанное письмо. Времени на долгие отлучки к семьям, живущим вдалеке, не было. И жены его подчиненных ждали своих мужей, дети у них подрастали... Ружичка переживал разлуку вместе с ними, чувствовал их боль. Вдруг его взгляд остановился на мешках и ранцах, сваленных в углу канцелярии.

— Вот здесь вещественные доказательства нарушения границы за последнее время,— показал Ружичка на груду.— Там лежат также и ранцы тех двоих, что ты задержал лично. Как ты думаешь, сколько их еще будет?

Стражмистр молчал, уставившись глазами в пол.

— Ну, в конце концов, меня ты можешь бросить,— сказал Ружичка вполголоса.— И Цмирала и Каньку, Топола или Сихру. Сюда ты послан не нами, а партией. Спроси у нее! Загляни-ка завтра в политотдел. Так почему же эта девушка не хочет здесь остаться?

— Говорит, здесь трудно жить.

— Трудно! — возмутился начальник.— Как будто любовь измеряется билетами в кино! Ну и пустая голова! Эх, женщины, женщины! С ними намаешься хуже, чем в стычке с противником! Поверь мне, когда-нибудь...

На столе зазвонил телефон. Власак встал и распахнул окно. Воздух был холодный, почти ледяной, как родник. Стражмистр посмотрел в сторону санатория. В одном окне еще виднелся свет. Да, это Машина комната: он почувствовал прямо непереносимую тоску по ней. Ружичка говорил с начальником подразделения, телефон работал плохо, и старик кричал, приложив ладони к ушам. Власак захлопнул окно и вышел из канцелярии.

Вскоре вместе с Тополом он отправился в наряд. Дождь все еще лил. Они выругались в дверях, закутались в плащи и молча зашагали вниз по деревне. Ветер дул им прямо в лицо и перехватывал дыхание. Пограничники перешли через мостик, под которым шумела небольшая речка. За мостом начиналось царство тишины. На участке от этого места до ближней лесопилки дозоры всегда шли молча. Пограничники неслышно ступали по мягкой, упругой тропинке вдоль берега. Напарник казался смутным темным пятном. Было темно, словно на голову накинули мешок.

Они вошли в лес, направились по отлогому склону и остановились лишь в начале длинной просеки, которая вела отсюда по косогорам вниз к проселку. Здесь был их пост. Они видели вокруг себя каждое деревце, каждый кустик, как будто сейчас был прозрачный, чистый августовский день. Дождь шелестел в кустах.

Власак вынул из кармана шпагат длиной метра четыре, с петельками на концах, размотал его, надел одну петлю себе на палец, а другую подал Тополу. Он проделал все это, словно во сне. «Маша! — звенело у него в ушах.— Маша, Маша...» Топол насадил петлю на палец, отполз немного, и оба пограничника уселись, соединенные лишь тонкой веревочкой, которой пользовались для сигнализации в темные ночи.

Власак остался наедине с самим собой, под дождем, окруженный шорохами. Он провел без сна сотни таких ночей, долгие часы ожидания. Он давно привык бодрствовать, тело приспособилось к трудностям пограничной службы. Как всегда, глаза его просматривали местность у горизонта, а слух старался уловить звуки, не свойственные мокрому лесу в ночные часы. Стражмистр чувствовал, как у него стынут руки, как коченеют ноги в резиновых сапогах. Его мысли разбегались, уносились отсюда, перескакивали с места на место, от человека к человеку, мысли солдата в наряде.

В просеке лежала земля, холодная, как лед. А Топол за своим пнем растворился в ночной тишине. Только кусок веревки связывал стражмистра с его другом, с живым человеком. Они любили ходить в наряд вместе с тех пор, как Власак вел в первый дозор встревоженного, взволнованного парня. Стражмистр посмотрел в сторону Топола: сказать ли ему утром, что хочется уйти отсюда? Одобрит ли это товарищ?

— Маша,— зашептал стражмистр как можно тише, положив голову на корни дерева, которое было перед ним.— Останься здесь со мной, Маша!

Корни были мокрые, от земли тянуло холодом. Власак поднял голову и провел рукой по лицу. Вдруг он представил себе все эти годы, проведенные на службе, всю свою жизнь на границе. «Сколько пришлось вытерпеть, какие лишения,— думал Власак.— Нелегкая была у меня здесь молодость, у границы. Можно было бы уж устраиваться где-нибудь еще... хотя бы в городе... и у нас была бы большая светлая квартира, где ползали бы малыши...» Но тут ему представилась пограничная застава, он отчетливо увидел лица всех своих товарищей, они смотрели на него выжидающе. «Спроси у партии,— говорили они все,— спроси у своей совести...» И стражмистр снова закрыл глаза, почувствовал внезапный приступ тоски: «Маша, дорогая...»

Так лежали в конце лесной просеки у границы два человека, предоставленные своим мыслям. Время шло медленно, словно перед ними текла большая сонная река. Они сидели скорчившись, снизу им было холодно, а они слушали шелест дождя и шум ветра в деревьях. Стражмистру слышалось в нем дыхание Маши, она была опять здесь с ним, где-то совсем близко.

Внезапно ему захотелось, чтобы сейчас, немедленно, сию же секунду шпагат между ним и Тополом натянулся, чтобы произошла тяжелая стычка, вспыхнул бой не на жизнь, а на смерть, но лишь бы она знала, почему он тут. Стражмистру представилось, что его ранили, и у его постели сидит совсем-совсем другая Маша... Он высмеивал эти мысли, но они возвращались снова и снова, и он боролся с ними, как иногда боролся со сном.

Нет, ничего этого не случилось.

Чем светлее становилось в лесу, тем больше хотелось Власаку, чтобы разыгрался бой. Черт возьми, лучше погибнуть, чем поехать утром в политотдел! Там будет столько зна-

комых ребят. И он, партийный работник, должен будет сказать им всем: «Товарищи, отпустите меня работать в органы общественной безопасности!»

Настал день, туманный, серый. Пограничники молча спускались к реке. У Топола от усталости закрывались глаза, ему тяжелей, чем Власаку, доставались бессонные ночи. Они дошли до мокрой после дождя лесопилки. «Сейчас ты спросишь у него, посоветуешься»,— подумал стражмистр, обернулся к Тополу, но у него так и не повернулся язык задать свой вопрос. «Вот в этой стычке,— вдруг понял он,— ты совсем одинок...»

Перед зданием заставы чернела старая «Альфа» с заведенным мотором. Сколько пришлось Власаку поездить на ней! Кто-то спускался вниз по лестнице, потом в дверях показалась седая голова Ружички. Увидев Власака, он крикнул в коридор водителю:

— Пошевеливайся, поехали! Он уже здесь!

— Куда? — спросил удивленный стражмистр.

— Да за женой Сихры... ему стало хуже. А заодно ты можешь зайти в политотдел и поговорить о своем деле!

Власак быстрым взглядом окинул машину, двери, лестницу. Водитель еще спускался сверху. Топол только что вошел в канцелярию. Власак и начальник остались одни. И после бессонной ночи стражмистра бросило в жар. Ни с того, ни с сего он посмотрел на автомат и вытер рукавом мокрый ствол.

— Погожу пока,— сказал он мрачно.— Вы... вы уже говорили с кем-нибудь об этом, товарищ начальник?

— Нет.

— Вот и хорошо,— облегченно вздохнул стражмистр.— Я еще должен подумать...

Через три дня после этого под вечер на заставу, в то самое время, когда Власак был в канцелярии, пришла Маша Ярешова — сообщить об отъезде педагогов и остального персонала санатория. Ее неспокойное, почти худое лицо показалось Власаку необыкновенно красивым. Когда она наклонилась над столом, за которым сидел Ружичка, у стражмистра не хватило сил смотреть на нее. Он хотел встать и выйти из комнаты, но тут Маша обернулась к нему и попросила:

— Не проводите ли вы меня, Енда?

Вечер обещал быть холодным. На половине пути к санаторию Маша остановилась.

— Что мы наделали, скажите, Енда? — с тоской в голосе спросила она.— Может быть, вы все-таки передумаете?

Ее карие, чуть раскосые глаза тревожно глядели на стражмистра. Он любил ее больше, чем кто-либо другой из ее знакомых. Она увидела, как дрогнуло его загорелое лицо, как он стиснул кулаки, борясь с желанием обнять ее.

— Не могу, Маша,— ответил Власак, и руки его беспомощно повисли.— Я не могу уйти отсюда!

— Енда! — еще раз умоляюще прошептала она.

Он молча покачал головой и остановился.

— Вы такой хороший человек,— сказала она со слезами в голосе,— а я, видите ли... Вы не забудете меня, Енда?

Он пообещал ей все: что он напишет, что даст знать, если уйдет из Влчина, что через год на каникулах они встретятся, что они будут друзьями, что он зайдет к ней, если ему доведется поехать... В душе он посмеивался над всем этим — пока не слишком весело. «Вот видишь,— говорил он себе,— такова была эта любовь...»

— Ну, счастливого пути, Маша,— пожелал он.

Маша расплакалась, подошла к нему и поцеловала. Она искренне сожалела об этом красивом порядочном парне, к несчастью, живущем у границы. И стражмистр тоже жалел ее: она, должно быть, еще не знала, что такое настоящая, большая любовь...

На следующее утро в санатории заколотили окна. В полдень, как раз в то время, когда пограничники обедали, мимо заставы проехал большой запыленный автобус с детьми.

Перевела с чешского **В. ЧЕШИХИНА.**

500.000 ПОСЫЛОК

Н. ТАРАСЕНКОВА

«Уважаемый товарищ! Наша комсомольская организация давно шефствует над потерявшим зрение товарищем Буяновым. Напишите, можете ли вы прислать для него гармонь».

Ст. Панфилово, Сталинградская обл.

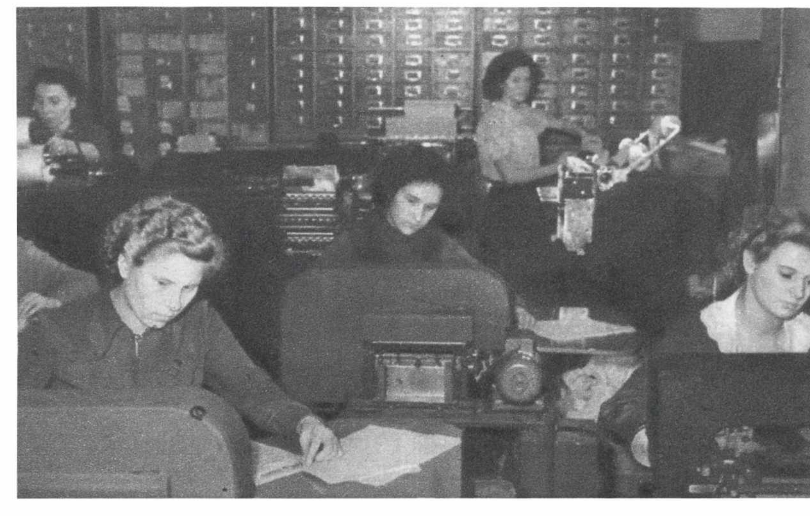
На столе очень много писем. Они длинные, короткие, с четко выведенными буквами либо еще не установившимся детским почерком.

«Прошу обратить на меня внимание. Я, ученик 7-го класса «Б» 29-й средней школы г. Воронежа. Я узнал, что вы можете выслать электроприбор для выпиливания по дереву.

Ю. Кернов».

Просит Галя Фоменко из Петропавловска-Камчатского:

«Я очень люблю петь. Можете ли вы прислать гитару?»

Без работы машинно-счетной станции базе пришлось бы туго.

Фото Р. Лихач.

Кто же этот уважаемый товарищ, которому каждый день приносят около восьмисот писем, которому задают множество вопросов, обращаются с различными просьбами?

Этот уважаемый товарищ — Посылторг. Центральная его база находится в Москве. Есть такие базы и в Свердловске, и в Новосибирске, и в Ростове-на-Дону. Имеются и специализированные базы. В Ижевске, например, принимают заказы на ружья, запасные части к мотоциклам. Тульская база торгует знаменитыми тульскими самоварами, гармонями, ружьями.

Мы хотим рассказать о московской базе.

Представьте, что вы живете в небольшом селе, далеко от города. И в магазине вашего села сейчас нет радиолы «Урал», а вам хочется именно такую радиолу. И тогда на помощь приходит Посылторг. Вам вовсе не нужно вступать с базой в переписку, узнавать, имеется ли там радиола и как оформить заказ. Вам надо заглянуть в ближайшее почтовое отделение и попросить довольно плотную книжку-прейскурант «Товары — почтой». В прейскуранте все рассказано. Вы можете сразу же перевести деньги и ждать желанную покупку.

Выслать посылку покупателю кажется проще простого. Но если вы пробудете день на базе, проследите за ее работой, то поймете, что здесь идет сложная, интересная жизнь.

Начнем с того, что за день сюда поступают 2—2,5 тысячи заказов. Их надо взять на учет, рассортировать по товарам, оформить почтовые документы. А часто бывает и так... Полина Максимовна Зайцева из села Рамено, что близ города Сызрани, просит: «Вышлите мне, пожалуйста, мужские часы «Кама» с надписью: «Дорогому мужу в честь тридцатитрехлетия. От жены Полины».

Директор базы Владимир Устинович Царев показывает нам машинно-счетную станцию. Мы открываем дверь в большую комнату, и нас сразу же встречает равномерный гул счетных машин. Здесь работает двадцать человек. С помощью машин они заменяют около ста бухгалтеров. Туго пришлось бы базе без этих машин. Заказов-то сколько!

Из машинно-счетной станции мы отправились в магазин-склад. В глаза бросается разнообразие товаров: фотоаппараты и рыболовные снасти, парфюмерия и школьные принадлежности... Одна посылка может состоять из шести — семи предметов.

Есть на базе склад так называемых габаритных посылок. Отсюда отправляются радиолы, радиоприемники, музыкальные инструменты. Здесь бывает довольно весело. Дело в том, что перед отправкой все музыкальные инструменты проверяются контролерами. Вот слышится задушевная лирическая песня. Это Камельков проверяет радиолу «Урал». Она отправляется в далекое путешествие, в Воркуту, в поселок Загородный, к Анатолию Иосифовичу Безродному. А вот контролер Гордеев растянул меха шуйской гармони. Ей тоже предстоит проехать не одну сотню километров — путь ее до Беломорска.

По широкому конвейеру посылки медленно идут к автоматическим весам, а затем к большим окнам. Это граница между торговой базой и почтовым отделением связи. Тут посылки передаются в другие заботливые руки. Через час их погрузят на машины и отвезут к поездам.

За год отсюда уходит около полумиллиона посылок.

Этой гармони предстоит путь до Беломорска.

Здесь собирают посылки заказчикам.

МОЛОДОЙ ТОЛСТОЙ

Десятого января нынешнего года Алексею Николаевичу Толстому, крупнейшему советскому писателю, исполнилось бы семьдесят пять лет. Легко представить себе, сколько радости принесла бы эта дата не только советскому, но и зарубежному читателю, если вспомнить, что смерть прервала работу писателя над третьей частью такого романа, как «Петр Первый».

Кто знает, что еще вместе с завершенным «Петром» смог бы поставить читатель на свою книжную полку рядом с «Заволжьем», «Чудаками», «Хромым барином», «Детством Никиты», «Аэлитой», «Золотым ключиком», рядом с трилогией «Хождение по мукам». Может быть, это были бы страницы, уводящие нас в наше «тысячелетнее прошлое», а может быть, страстное слово о нашей современности... Трудно ошибиться лишь в одном: это были бы еще и еще страницы, дышащие сыновней любовью русского писателя к родной земле, к родному народу. Писал ли Толстой памфлет на деградирующее дворянство уходящей крепостной эпохи или историческую эпопею о петровском времени; увлекал ли рассказом о полете на Марс или повествованием о судьбе чистых, неприспособленных к жизни сестер Булавиных; вторгался ли в самую гущу событий революции, гражданской войны или любовался великолепием среднерусской природы,— во всем ощущаешь неповторимое своеобразие русской жизни.

Не архаика старинного быта и не внешние приметы современности привлекали писателя, хотя он с мастерским лаконизмом воспроизводил жизнь русского общества во всей ее зримой достоверности бытовых деталей. «Трагические и творческие эпохи» всегда волновали Алексея Толстого — писателя с острым чувством современности, с устойчивым и глубоким интересом к политике.

Долгий путь прошел Толстой, прежде чем достиг подлинного историзма мышления, который позволил ему квалифицировать книгу о прошлом, как «подход к современности с ее глубокого тыла», а в работе над материалами о гражданской войне увидеть что-то новое в разработке темы петровской эпохи.

Алексей Толстой. 1933 год.

«Делая перерыв на один год с «Петром»,— писал Толстой в 1930 году,— я не потеряю, а приобрету свежести для «Петра».

Это поразительное чувство времени, поступи истории — неотъемлемая и отличительная черта мироощущения А. Н. Толстого.

Крупнейшие создания Толстого — его две исторические эпопеи, как и все его творчество, несут в себе неисчерпаемый заряд любви и веры в могущество преображенной революцией Родины. «Мы потому любим нашу родину — СССР, — писал А. Толстой в 1937 году в статье «Родина и человечество», — что в ней мы, как птицы в воздухе,— нет предела нашему гордому полету все выше, к солнцу, к счастью».

Любовь к народу помогла писателю после революции и гражданской войны понять и принять большевистскую правду как правду национальную, отечественную. Любовь к Родине воодушевляла Толстого-историка и Толстого-публициста, в годы Великой Отечественной войны выступавшего с зажигающими патриотическими статьями, полными ненависти к фашизму, веры в победу советского народа.

Сочинения Алексея Толстого только в Советском Союзе изданы на пятидесяти пяти языках тиражом свыше сорока миллионов экземпляров. Книги Толстого издаются во многих зарубежных странах. Слово Алексея Толстого звучит по радио, с театральных подмостков столичной и периферийной сцены; кинофильм «Сестры», поставленный по трилогии писателя «Хождение по мукам», завоевал признание многих зрителей. Десяткам миллионов читателей произведения Алексея Николаевича Толстого несут большую правду о судьбах Родины, правду, воплощенную в живых, полнокровных человеческих характерах.

Корней ЧУКОВСКИЙ

Около полувека назад в деревне Лутахе́нде, где я жил — в Финляндии, недалеко от Ку́оккалы,— поселился осанистый и неторопливый молодой человек, с мягкой рыжеватой бородкой, со спокойными и простодушными глазами, с большим — во всю щеку — деревенским румянцем, и наша соседка по даче, завидев его как-то на дороге, сказала, что он, будто бы граф и что будто бы его фамилия — Толстой.

Жил он неподалеку — на Козьем болоте, в лесу, в доме старухи Койранен, и окрестные дачницы — в большинстве случаев жены писателей — тогда же в один голос решили, что он только притворяется графом, потому что не может же граф, да еще с такой знаменитой фамилией, жить на Козьем болоте, в закоптелой хибарке, у старухи Койранен, в лесу.

Вскоре его привел ко мне небезызвестный в то время поэт Александр Степанович Рославлев, рыхлый мужчина огромного роста, но не слишком большого ума и таланта,— третьестепенный эпигон символистов. Рославлев жил тут же, в Лутахенде, и странно было видеть, с какой наивной почтительностью относится к нему юный Толстой. Очевидно, Толстому импонировало то обстоятельство, что Рославлев был писатель, печатался в газетах и журналах и вращался в литературной среде. Толстой часто сиживал у него на террасе, а тот хриплым напыщенным басом декламировал перед ним свои убого-ницшеанские вирши:

Воскресни, зверь, и, солнце возлюбя,
Отвергни все, что божеским казалось...

И запивал свою декламацию пивом.

Впоследствии, когда наше знакомство упрочилось, мы увидели, что этот юный Толстой — человек необыкновенно покладистый, легкий, компанейский, веселый, но в те первые дни знакомства в его отношениях к нам была какая-то напряженность и связанность — именно потому, что мы были писателями. Очевидно, все писатели были для него тогда в ореолах, и нашу профессию считал он заманчивее всех остальных. Помню, увидев у меня на столе корректурные гранки, присланные мне из журнала «Весы», он сказал, что самые эти слова: «гранки», «верстка», «корректура», «редакция», «шпоны», «петит» — кажутся ему упоительными. Всем своим существом, всеми помыслами он стремился в ту пору к писательству, и вскоре я мог убедиться, как серьезно относится он к своему будущему литературному поприщу.

Он повел меня к себе, в свое жилье, и тут впервые для меня обнаружилось одно его драгоценное качество, которым впоследствии я восхищался всю жизнь,— его талант домовитости, умение украсить свой дом, придать ему веселый и нарядный уют.

Правда, здесь, в Финляндии, на Козьем болоте, у него еще не было тех великолепных картин, которыми он с таким безукоризненным чутьем красоты увешивал свои стены впоследствии,— зато у него были кусты можжевельника, сосновые и еловые ветки, букеты папоротников, какие-то ярко-красные ягоды, шишки. Всем этим он обильно украсил стены и углы своей комнаты. А над дверью снаружи приколотил небольшую дощечку, на которой была собственноручно намалевана им лиловая (или зеленая?) кошка модного декадентского стиля, и лачугу стали называть «Кошкин дом».

Так без малейших усилий даже мрачной избе на болоте придал он свой жизнерадостный, артистический уют.

В ту пору он был очень моложав, и даже бородка не придавала ему достаточной взрослости. У него были круглые щеки, детские пухлые губы и такое белое, несокрушимо-здоровое тело, что казалось, он задуман природой на тысячу лет. Мы часто купались в ближайшей речушке, и, глядя на него, было невозможно представить себе, что когда-нибудь ему предстоит умереть. Хотя он числился столичным студентом и уже успел побывать за границей, но и в его походке, и в говоре, и даже в манере смеяться чувствовался житель Заволжья — непочатая, степная, уездная сила.

Посредине комнаты в «Кошкином доме» стоял сосновый, чисто вымытый стол, усыпанный пахучими хвойными ветками, а на столе в идеальном порядке лежали стопками одна на другой очень толстые, обшитые черной клеенкой тетради по двести, а то и по триста страниц. Толстой, видимо, хотел, чтобы я познакомился с ними. Я стал перелистывать их. Они были сплошь исписаны его круглым, широким и размашистым почерком. Тетрадей было не меньше двенадцати. Они сильно заинтересовали меня. На каждой была проставлена дата: «1901 год», «1902 год», «1903 год» и т. д. То было полное собрание неизданных и до сих пор никому не известных юношеских произведений Алексея Толстого, писанных им чуть ли не с отроческого возраста! Этот новичок, начинающий автор, который еще не напечатал ни единой строки, имел, оказывается, у себя за плечами десять — одиннадцать лет упорного литературного труда.

Я был старше его всего на несколько месяцев, но, должно быть, казался ему многоопытным, маститым писателем, так как уже года четыре публиковал свои статейки в различных эфемерных изданьицах. Однажды, придя к нему, я стал перелистывать одну из наиболее ранних тетрадей, на которой была указана дата: «1900». Там были сплошь стихи, конечно, еще очень беспомощные, но самое их количество удивляло меня: оно свидетель-

ствовало о необычайной литературной энергии. Некоторые из них имели подзаголовки: «Посвящается матери».

В следующих тетрадях, как я убедился тогда же, к стихам стала примешиваться проза: тут были и обрывки дневников, и записки охотника, и рассказы из студенческой жизни, и клочки театральных пьес, и описания снов, и отчеты о прочитанных книгах,— но все же преобладали стихи.

По счастливой случайности две из этих тетрадей — а их, повторяю, было не меньше двенадцати — сохранились у меня с того древнего времени. Он дал их мне тогда же на прочтение, а потом не захотел получить их обратно, потеряв к ним всякий интерес. Я напоминал ему о них, но он только отмахивался и переводил разговор на другое. Отчего это происходило, не знаю. Может быть, оттого, что в течение всей своей писательской жизни он всегда бывал охвачен своей будущей книгой — той, которую он в данное время писал, а к прежним своим сочинениям становился почти равнодушен, вычеркивал их из души. Всякий раз, когда я с ним встречался, он был, так сказать, одержим то своим «Петром», то «Иоанном», то «Хождением по мукам», а эти старинные тетрадки казались ему, должно быть, совершенной ненужностью, чем-то вроде прошлогоднего снега.

Но для нас эти старинные тетрадки представляют жгучий интерес, так как в них приоткрывается неведомый нам трудный и долгий путь становления Алексея Толстого.

Из этих тетрадок мы видим, например, что в те первоначальные годы он пережил большое увлечение гражданской поэзией. Десятки и десятки страниц заполнены такими стихами:

Восстань, народ! На бой вперед
Тебя твой гений поведет!

Вот, оказывается, в какое давнее время определилась его заветная тема о нашем русском хождении по мукам во имя всенародного счастья. Народное горе в те полудетские годы было его навязчивой темой:

Пахарь, скажи, что невесела думушка?
Глядь-посмотри: ишь как степь
развернулася,—
Пышная, звонкая. Что за кручинушка?
С горя какого спина так согнулася?

Эта некрасовская тема проходит по всем страницам его ранней тетрадки:

Святой народ! Ты должен встать!
Свободу взять и миру дать!

Это было центральной темой стихов Алексея Толстого в 1900—1903 годах. Вообще в его юношеских писаниях мне чудилось старозаветно-гуманное влияние матери, закваски народолюбивых семидесятых годов, и мне кажется, тот ничего не поймет в Алексее Толстом, кто забудет об этом длительном периоде его умственной жизни. Недаром в той же тетради он посвятил своей матери такие стихи о святом предназначении поэта:

В душе божественной огонь
Рукой нечистою не тронь,
Храни его в себе, поэт,
Чтоб мир был весь тобой согрет!

Вообще, если бы были нужны доказательства, что Толстой вступил в литературу с такими большими запасами неистраченной душевной чистоты, душевной ясности, которых хватило ему до конца его дней, следовало бы перелистать эту молодую тетрадь его ранних студенческих лет. В тетради 1901 года есть очень характерная запись:

«Помню, когда я был влюблен в крестьянскую девушку, то ни одна нечистая мысль по отношению к ней не приходила мне в голову. Я всегда мечтал спасать ее от несуществующих врагов, всегда старался как можно смелее и красивее проскакать мимо нее на лошади».

В дневнике 1901 года довольно подробно описана история его первой любви, и в этих описаниях столько провинциальной наивности, что становятся понятны истоки того непоказного целомудрия, которое он впоследствии с такой поэтической силой воспроизвел в Телегине, в Даше и в Кате, богато наделяя их своей собственной ясностью.

Иногда его юношеское простодушие доходит до крайности и может вызвать улыбку у иных мудрецов, которые, однако, не написали ни «Петра», ни «Хождения по мукам».

Усердно и благоговейно готовясь к своему будущему литературному поприщу, он, как явствует из этих тетрадей, пытался — не раз и не два — сформулировать всевозможные литературные заповеди.

«Желая описать изящный, красивый или нежный предмет,— говорит он в одной из подобных заметок,— нужно подбирать слова, ласкающие слух и, например, слово **девушка** красивее слов **дева** или **девица**, потому что в первое значение входит суффикс **ушк**, напоминающий по ассоциации идей слово — **душа**».

Лингвистика, конечно, доморощенная: никакая «ассоциация идей» не может найти никакого родства между словом «душа» и ласкательно-уменьшительным суффиксом «ушк», но в этих детских фантастических домыслах сказалось то зоркое внимание к русскому слову, которое и сделало А. Н. Толстого великолепным стилистом.

Характерно, что уже в тех ранних тетрадях нашел живое выражение патриотический пыл, который одушевлял писателя всю его жизнь.

«Родина! Бедная покинутая родина! — пишет он в дневнике 1901 года.— Боже мой, сколько в этом слове чувств, мыслей, радостей и горя. Как подчас горько и сладко звучит оно».

И вот типичный отрывок из дневника, сохранившийся в той же тетради по поводу франко-русских торжеств:

«Приказали, чтобы мы пили и веселились. И что ж! Мы пьем и веселимся, качаем французов, кричим ура, бросаем в воздух шляпы и фуражки. Мы ходим, убранные пестрыми значками, с радостными лицами и смеемся, до слез смеемся. О, как не кричать ура, и как не веселиться, когда мы — исполнители воли бессильного человека (Николая Второго). Кто мы? И кто он? **Мы — нация. Мы — сила. Мы отцы гениев».**

«Да,— пишет он по поводу тех же франко-русских торжеств,— нам приказано ура кричать чужеземцам, которые только для нас и сделали, что приехали к нам, а прославлять криками **ура** нашего труженика мужика да солдата — об этом никто и не думает...

Но время придет,
Наш проснется народ.

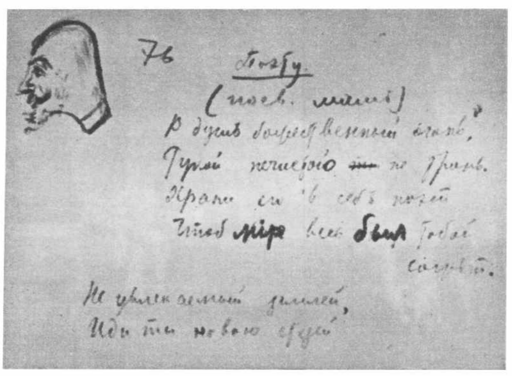
И тогда мы флагами украсим столицу и закричим ура так, чтобы лопнули щеки:

— Ура нашему народу!».

Здесь те же самые чувства, которые животворили его до последнего вздоха.

Эту тетрадь я отдал его вдове. Другая сохраняется у меня по сей день. В ней на первой странице написано: «Сочинения А. Толстого младшего» — и дальше указана дата: «1904—1905». Она полна таких же самодельных стихов, неумелых и очень наивных, привлекательных именно этой светлой наивностью.

И когда я перелистывал обе тетради, мне вдруг пришло в голову: да ведь это записки молодого Телегина, Ивана Ильича из «Хождения по мукам»! На самом-то деле, как мы знаем, простоватый толстовский герой никогда не имел поползновений к писательству. Но если бы ему в ранней юности вздумалось завести у себя вот такие тетрадки, он непременно писал бы в них то, что писал у себя в Самаре девятнадцатилетний Толстой, — может быть, не теми же словами, но столь же благородно, с той же прелестной наивностью. Ибо у них у обоих, у Ивана Телегина и Алексея Толстого, один и тот же фундамент характера: могучее душевное здоровье, благодатная ясность, не вмещающая в себе никакого цинизма, и неистощимая, свежая, щедрая «черноземная» сила.

Автограф стихотворения А. Н. Толстого «Поэту».

Если судить о Толстом по этим полудетским тетрадкам, можно увидеть буквально на каждой странице, как много от своей собственной личности внес он в обаятельный образ Телегина.

Конечно, в Алексее Толстом был не только Телегин. Было много другого, противоречивого, сложного, но все же основой его характера было в нем именно то, что роднит его с Иваном Телегиным.

* * *

А в Рославлеве он разочаровался уже через несколько месяцев. Получив из дому какие-то крохи, Толстой уехал в Париж.

Воротился он вскоре — без копейки денег, но с грудою рукописей и в великолепном цилиндре. Поселился на Старо-Невском, близ Лавры. Мы часто встречались у общих знакомых: у Алексея Ремизова, у Федора Сологуба, на средах у Вячеслава Иванова, в редакции альманаха «Шиповник»; но об этих встречах когда-нибудь после.

В мае 1944 года группа фронтовых поэтов пришла в гости к Алексею Толстому. В дружеской беседе с А. Н. Толстым поэты поделились своими творческими планами, обменялись фронтовыми впечатлениями. На снимке (слева направо): Николай Тихонов, Степан Щипачев, Алексей Толстой, Александр Твардовский, Михаил Исаковский и Алексей Сурков.

Фото Ал. Лесс.

В объективе —

В. МАЕВСКИЙ

Мне пришлось побывать в Турции осенью 1957 года, в момент подготовки империалистического заговора против Сирийской республики и обострения турецко-сирийского конфликта. Я посетил Стамбул, Анкару, Измир. Ниже следует фоторассказ об этих городах.

Стамбул — город банков, торговых и пароходных контор, магазинов, расположенных в узких, горбатых улочках. Венчает эту часть города Галатская башня. Внизу серые воды залива Золотой Рог.

В новой части города, на центральной площади, где происходят торжественные церемонии, стоит памятник. Еще недавно он назывался Памятником Независимости, и это никого не смущало. Но когда Турция оказалась в сетях американских военных блоков, название памятника приобрело несколько особый смысл. Тогда его переименовали в «Памятник провозглашения республики».

Американский отель «Хилтон». Здесь сидели на чемоданах члены так называемого «сирийского правительства», сколоченного американцами из предателей сирийского народа. Ждали, когда им удастся въехать в Дамаск на танках американского производства. Не дождались!

Рыбаки подвозят свой улов к Галатскому мосту. Им, как и другим труженикам Стамбула, живется нелегко. Падает стоимость лиры. В 1956 году цены на товары массового потребления были в шесть раз выше, чем до войны.

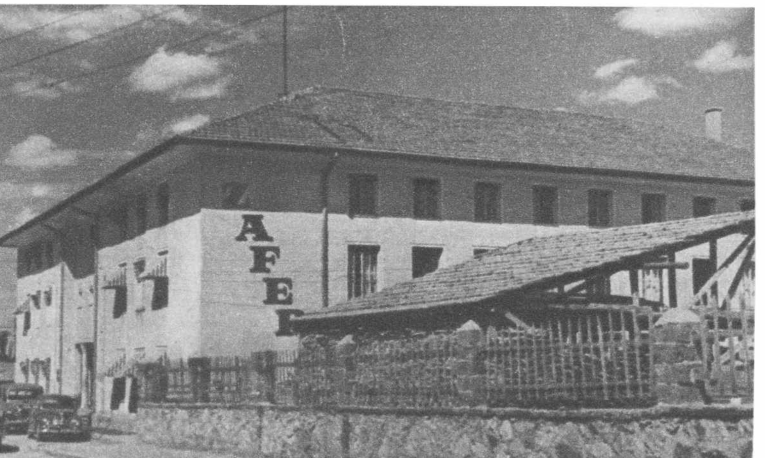
Турция

Так выглядит Измир с моря. Добрую половину города закрыла серая громада американского транспорта. В Измирском заливе, в Дарданеллах, в Мраморном море — повсюду торчат американские транспорты, крейсеры, эсминцы.

В торговых рядах старого города много народу, но покупателей мало.

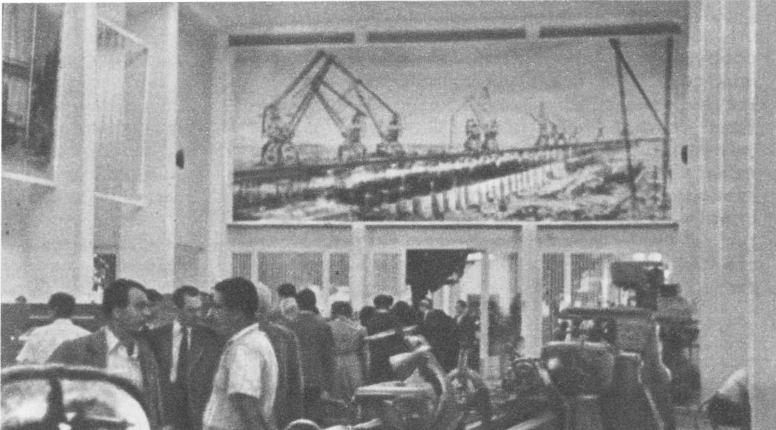

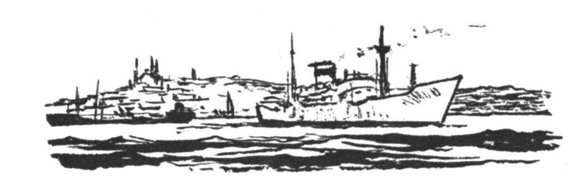
В этом здании помещается исполком правящей Демократической партии и редакция органа этой партии — газеты «Зафер». Отсюда идет проповедь «прочного союза» с США. Впрочем, такая же проповедь идет из находящихся рядом газет оппозиционной народно-республиканской партии. В Турции тысячи «советников» из США. За девять месяцев 1957 года страну посетило 30 американских «миссий» самого различного характера!

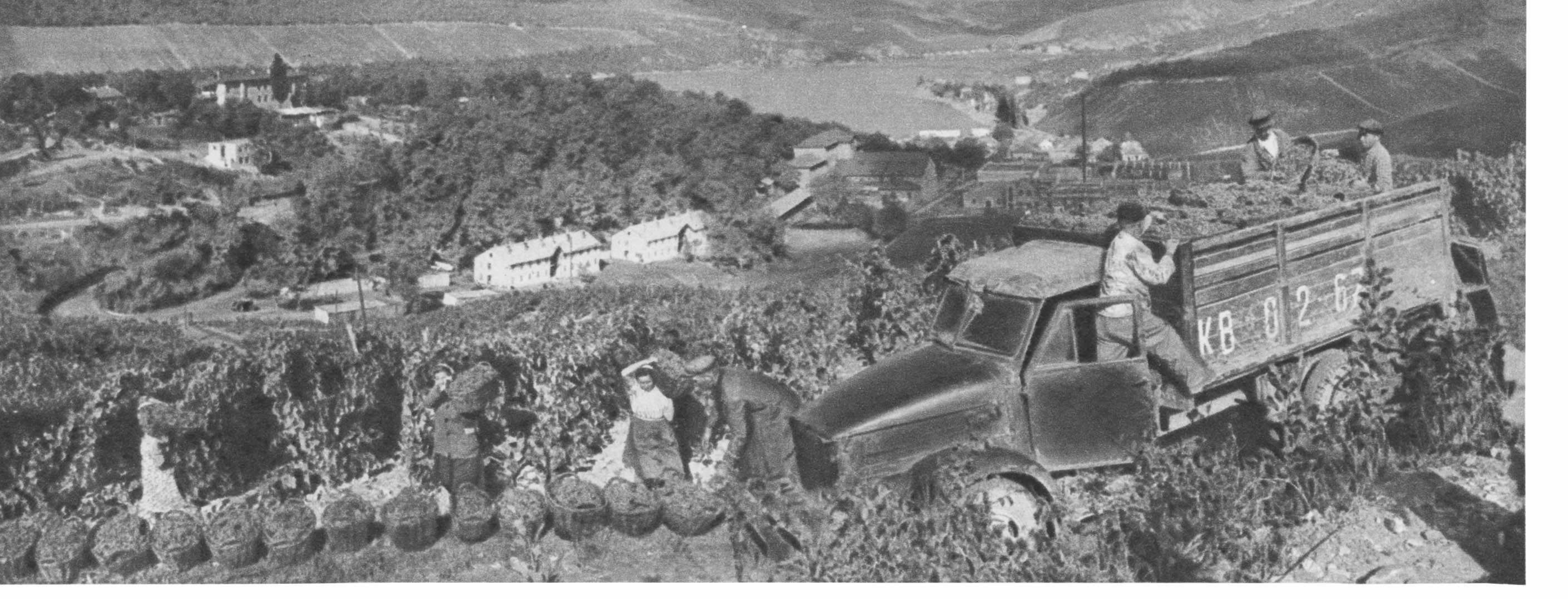
На одной из анкарских площадей стоит памятник покойному лидеру Турции, Кемалю Ататюрку, последовательно отстаивавшему независимость страны. Невольно возникает мысль: как посмотрел бы он на нынешнюю политику правящих турецких кругов?

Осенью прошлого года в Измире состоялась международная ярмарка. На Измирской ярмарке советский павильон посетило около двух миллионов человек. Здесь заключили торговых сделок на 2,5 миллиона лир. «Этот павильон будет способствовать интересам человечества, дела мира и русско-турецких торговых отношений», — записал в книге отзывов Эмиль Аталай, директор коммерческого банка.

Волшебный напиток

И. ЗАЙЦЕВ

Фото Б. Дмитриева.

В ночь под Новый год, когда часы пробили двенадцать, миллионы людей за праздничными столами высоко поднимали бокалы с янтарным напитком.

— С Новым годом! С новым счастьем!

Зазвенели бокалы, заискрилось шампанское.

А как оно делается?

Нам довелось побывать там, где рождается воспетый поэтами напиток,— на виноградниках и в подвалах Абрау-Дюрсо. С превосходного шоссе Цемесской долины машина свернула на гравийную дорогу и мчалась среди мрачноватых гор и нетронутого леса. Но вот дикие заросли обрываются, и перед нами неоглядная ширь опрятных виноградников. Стояла горячая уборочно-винодельческая страда. Невысокие, в рост человека, лозы, отягощенные то золотисто-зеленоватыми, то прозрачно-розовыми, то иссиня-черными, как летняя южная ночь, гроздьями, тянулись по склонам невысоких гор.

...В 1872 году агроном Гайдук приобрел в Иоганнесберге 20 тысяч рейнских лоз рислинга, затем португизера, каберне, семильона и высадил их в удельном ведомстве Абрау-Дюрсо. Уже первый урожай винограда превзошел все ожидания, а вина из него произвели ошеломляющее впечатление на Ялтинской выставке 1884 года. Через 6 лет здесь начали разводить шампанские сорта винограда. В 1902 году подвалы удельного ведомства отпустили первые бутылки русского шампанского. Но крупным государственным предприятием превосходных шампанских вин Абрау-Дюрсо стал лишь после Октября.

На огромной площади в 500 гектаров раскинулись ныне виноградники Абрау-Дюрсо. Это в два с лишним раза больше, чем имело бывшее удельное ведомство. Мы побывали на плантациях там, где трудятся отличные мастера-виноградари, среди которых восемь Героев Социалистического Труда.

У дороги стояли нескончаемые ряды корзин, доверху наполненных крупным, сочным, подернутым сизой пыльцой и росой виноградом. Одна за другой подходят автомашины.

— Быстрей, быстрей грузите,— торопят виноградари.— Там уже очередь машин скоро выстроится.

Дело на плантациях спорится хорошо. Урожай богатый. Только поспевай увозить его.

С плантации — на завод. Своеобразное это предприятие — завод шампанских вин. Оно находится в подземелье. Главный шампанист — молодой специалист Юрий Михайлович Гейликман — знакомит нас с большим и сложным хозяйством.

— Общая протяженность наших тоннелей,— говорит он,— две с половиной тысячи метров. Полтора километра прекрасных двухъярусных тоннелей проложили тут московские метростроевцы.

В разговоре Юрий Михайлович избегает привычного для виноделов слова «подвалы» — оно, по его мнению, не дает полного представления о размерах и характере подземных сооружений. Однако и слово «тоннель» в данном случае не совсем подходит. Мы путешествуем из зала в зал, и каждый из них поражает своими размерами. Одни заставлены гигантскими цистернами, в других — дубовые чаны величиною с небольшой бассейн, где свободно поместится морская шлюпка, а вот в этом зале — тысячеведерные бочки. Есть тут и свой винопровод — сеть прозрачных стеклянных труб, соединяющих все эти цистерны, чаны, бочки.

— Пятнадцать тысяч центнеров винограда ежегодно перерабатываем мы на шампанское,— сообщает главный шампанист.— Кроме того, большое количество различных винных материалов поступает к нам из других хозяйств комбината.

Пройдет шесть месяцев, и в специальном механизированном цехе будущее шампанское перельют в бутылки. Запечатанные пластмассовой пробкой, схваченной прочной металлической скобой, бутылки поступят в тоннели, где их сложат в штабеля. Вот так, обязательно в горизонтальном положении, они пролежат три года. Идет так называемое «тихое брожение», нарастает давление до шести атмосфер.

Через определенные промежутки времени бутылки в штабелях перекладывают и одновременно взбалтывают — здесь уже свершаются те таинства, что постижимы лишь уму виноделов... Но операция эта требует величайшей осторожности, особой спецодежды. Не все бутылки выдерживают давление в шесть атмосфер. И тишину подземелья то тут, то там вдруг нарушит... взрыв. Вот почему люди здесь работают в брезентовых рукавицах, с предохранительными металлическими сетками на лицах.

Не менее опасно и в цехе дегоржажа.

...Еще издали мы услышали беспорядочную ружейную пальбу. В чем дело? Нас привели к необычным станкам, за которыми стоят рабочие с уже знакомыми нам металлическими сетками на лицах. Кажется, будто они ведут между собою отчаянную перестрелку.

— Что здесь происходит?

— Снятие винных осадков,— последовал более чем прозаический ответ главного шампаниста.

Оказывается, на последнем году выдержки бутылки, находившиеся в горизонтальном положении, устанавливаются вертикально — горлышком вниз. Осадки опускаются на пробку. В цехе дегоржажа рабочие, не меняя положения бутылки, снимают предохранительную скобу. И вот тут-то вступают в строй шесть атмосфер — пробка вылетает поистине пулей, а вместе с ней и осадки. Бутылка мгновенно поворачивается горлышком вверх и передается на ликерно-дозировочный автомат. Бывает, конечно, и так, что бутылка разбивается вдребезги...

Бесстрашно и с поразительной ловкостью выполняет это дело мастер дегоржажа Ольга Гапонова. Равняясь на нее, отлично работает и Валентина Макаренко.

К рассказанному следует добавить, что коллектив шампанистов трудится всегда при электрическом свете, что в тоннелях температура не бывает выше 12 градусов тепла.

Так делается советское шампанское. В 1955 году на международной дегустации в Югославии всем трем образцам советского шампанского завода Абрау-Дюрсо присуждены серебряные медали. В 1957 году на международной дегустации в Люблине были представлены два образца советского шампанского завода Абрау-Дюрсо, и оба были удостоены серебряных медалей. Спрос на него за рубежом возрос, и на экспорт отправляются сотни тысяч бутылок в год.

В период выдержки бутылки перекладывают и взбалтывают. Эту опасную работу можно выполнять только в предохранительной металлической сетке.

Выращен чудесный виноград.

— Получится отличное шампанское,— говорит сборщица 3-го отделения Любовь Иващенко.

С лозы в автомашину, с автомашины на очистку и давку — таков путь винограда.

Хорошему урожаю — добротная дорога. В поселок шампанистов прокладывается новая магистраль.

После шестимесячного пребывания в бочках будущее шампанское разливается в бутылки. Н а с н и м к е: в цехе розлива завода шампанских вин.

ДРАМАТУРГ И ТЕАТРЫ

Две пьесы Леонида Леонова на московской сцене

Ник. КРУЖКОВ

Фото А. Гладштейна и А. Горнштейна.

Драматургия Леонида Леонова умна и своеобразна, как своеобразно, необычно все его творчество. Этого писателя ни с кем не смешаешь. Взяв наугад книгу с полки и прочитав две — три фразы, вы всегда, не заглядывая в титул, узнаете Леонова — особую напевность его речи, яркую образность. Нарочито замедленное развитие сюжета дает возможность читателю вдуматься в происходящее, рассмотреть все зримое со всех сторон. Люди здесь всегда живые, полнокровные, воспринимаются, как реальность, и вместе с тем это всегда образы несколько символические. Каждый персонаж не только существует сам по себе, но и обозначает собой некое явление, социальную формацию.

Подтекст леоновских романов и пьес всегда значителен. Читателю или зрителю предоставляется широкий простор для размышлений и раздумий — с леоновского спектакля уходишь обогащенным каким-то новым, сложным видением жизни.

Подытожить свои впечатления простым ответом — «понравилось», «не понравилось» — нельзя. Хочется ответить: «Дайте подумать». А это и есть верный признак глубины драматургического произведения. Оно не только не оставляет вас равнодушным, оно не оставляет вас и спокойным. Проходит много дней после спектакля, а вы все еще возвращаетесь мысленно к тому, что было увидено.

В нынешнем театральном сезоне два театра Москвы — МХАТ и имени Маяковского — поставили пьесы Леонова: МХАТ — «Золотую карету», Театр имени Маяковского — «Садовник и тень» (вариант «Половчанских садов»). Написанные в разное время, пьесы эти родственны между собой своим оптимизмом, победой доброго над злым. Победа эта вытекает из мировоззрения писателя, верящего в конечное торжество справедливости на земле, верящего в Человека.

И в «Золотой карете» и в «Садовнике» проходят перед зрителем люди нашего времени, чей душевный строй нам понятен, чья борьба за лучшее и светлое нам близка. Их отлично знает и любит автор, ибо сам он борется своим пером за торжество света и радости. Размышления о судьбах и жизни героев исходят из глубины сердца драматурга.

В «Золотой карете» и в «Садовнике» живут люди русские, принадлежащие к тому великому народу, который первым разорвал цепи рабства и насилия и первым начал строить коммунизм,— люди сложных характеров и большого действия. Кому знать их, как не Леонову — писателю глубоко русскому, все творчество которого пронизано животворной любовью к родной стране, ощущаемой в каждой строке его произведений!

«Садовник и тень». Адриан Макковеев — А. Ханов, Маша — Г. Анисимова.

Адриан Макковеев, половчанский садовод, и Мария Щелканова, председатель горсовета, Платон Стрекопытов, завхоз, и Павел Непряхин, скромный житель маленького города, Марька, дочь Щелкановой, и Маша, дочь Макковеева,— все они простые люди доброй воли, видящие радость жизни в труде, в созидании, в цветении любовно взращенных садов. Все они обликом своим, поступками, передовым мировоззрением, будучи разными по характеру, в выражении чувств, утверждают одно и то же: садам цвести, городам жить, людям радоваться и творить.

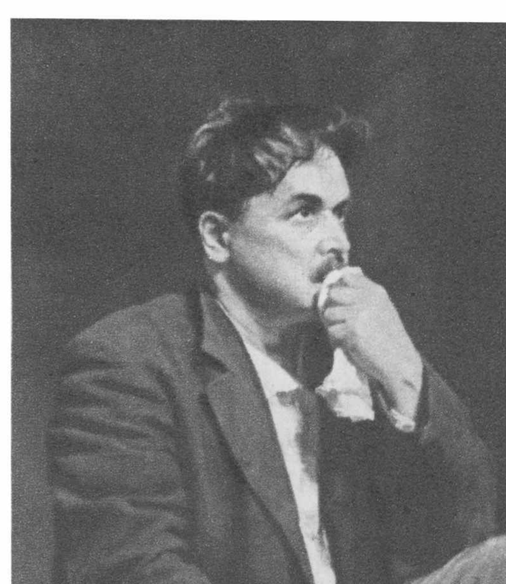
Пыляев — человек растраченной, растленной души — разоблачен и погибает не только потому, что вокруг его личности сложились драматические обстоятельства, но прежде всего в силу внутренней своей обреченности: он жалкий одиночка, осмелившийся противопоставить себя коллективу, бросивший наглый и самонадеянный вызов новой жизни. Его гибель естественна и неизбежна, ибо пыляевым нет места под нашим солнцем, им не пустить корней на нашей земле.

Профессор Кареев не враг, он только заблуждающийся человек. Прежнее, старое, косное оказалось живучим в Карееве. «Золотая карета» удобной, спокойной, весьма сытой и весьма налаженной жизни далеко увезла Кареева от трудностей и борьбы. Для своих прежних друзей он оказался чуждым и неприятным. «Заезжий ученый», как характеризует его авторская ремарка, почувствовал себя в своем родном городе одиноким и никому не нужным. Маленький человек Павел Непряхин предстает перед нами более мудрым и душевно чистым, чем профессор Николай Кареев. Горькой оказалась для Кареева встреча его с Марией Щелкановой: непонятны они стали друг другу, хотя старая любовь где-то еще теплилась в их сердцах. Да и Марька, дочь Щелкановой, девушка большой души, отвергла преуспевающего Юлия Кареева — сына профессора — ради слепого Тимоши Непряхина, инвалида войны. Не всем по душе «золотая карета»! Жизнь мстит тем, кто стремится лишь к торной дорожке, обсаженной розами, кто хочет пользоваться благами жизни бездумно, без борьбы и труда, только для своего эгоистического «я».

Театр может поднять пьесу, правильно поняв ее смысл, дав углубленную трактовку, и может свести свою работу к внешнему изображению происходящих в пьесе событий. Драматургия Леонова требует от режиссуры и актеров большой работы: спектакль должен быть на уровне авторского замысла и авторского таланта, всегда и во всем значительного.

Соперничество двух театров в постановке и толковании пьес Леонида Леонова оказалось весьма плодотворным. Каждый из них решил свою задачу по-своему, своими средствами, и это превосходно. Ибо нет ничего хуже, когда в театре промышляют копиисты, старающиеся списать друг у друга. МХАТ, сильный своими традиционными реалистическими средствами, развернул перед зрителем картину жизни старинного русского городка, только что пережившего вражеское нашествие: мерцают вдали слабые огни, люди устали — им много пришлось пережить,— но не надломлены их силы; жизнь, всегда прекрасная, зовет их к труду, восстановлению и созиданию.

Пыляев — А. Лукьянов («Садовник и тень»).

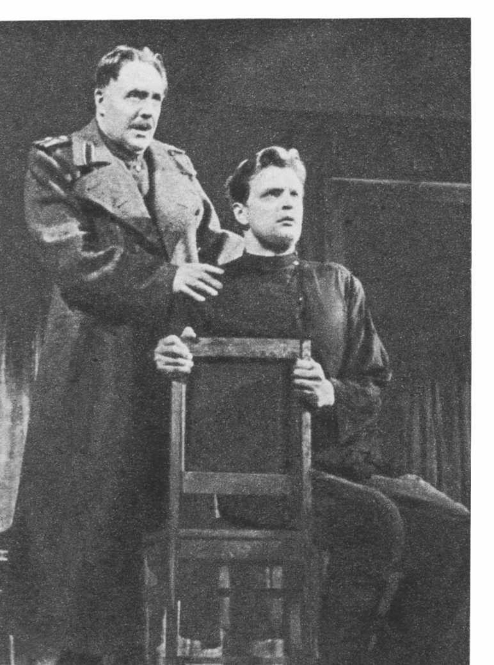
Сцена из спектакля МХАТа «Золотая карета». Марька — Э. Позднякова, Щелканова — К. Еланская, Юлий — Л. Топчиев, Кареев — М. Прудкин.

Два колхоза рвут на части тракториста Маслова: так нужны люди на селе. Куда пойти? И он идет туда, где «местностя исключительно художественные». Полковник Березкин советует ему поступить именно так: «Достаток — дело наживное, выбирай красоту, сержант».

Театр умно и тонко подчеркивает основные мысли драматурга: в труде, в творчестве — красота человека; в борьбе и преодолении рождаются и крепнут силы народа; бегством от жизни не достигнешь ничего, только растратишь попусту свои душевные богатства.

Многие готовы спорить о том, удался ли в полной мере К. Еланской образ Марии Щелкановой — женщины подвижнического характера. Всё с внешним спокойствием воспринимает она, но отчетливо ощущаешь бури, клокочущие в ее душе. Русская женщина даже в самые патетические минуты не склонна к сентиментальной декламации, к крикливым изъяснениям. Еланская оставляет зрителя в том состоянии, когда хочется домыслить образ, дописать его, ибо ее сценический рисунок не завершен, не получил черт окончательных и бесспорных. И это, на наш взгляд, хорошо, ибо вовсе не обязательны в искусстве арифметически точные характеристики.

Полковник Березкин — В. Орлов, Тимоша — Л. Губанов. «Золотая карета».

Полковника Березкина — персонаж крайне сложный, воспринимаемый зрителем с немалыми затруднениями,— играет В. Орлов. Талантливый актер увел его от чрезмерной аллегоричности, ближе к земле, к реальной жизни, но движение это как бы остановилось на полдороге. Хочется еще каких-то усилий актера, чтобы увидеть Березкина вполне живым человеком, а не только символом «правды войны».

Профессор Николай Кареев в исполнении М. Прудкина несколько холоден. Ведь у Леонова этот человек, избравший неправильный путь в жизни, страдает от своей ошибки, явственно ощущает неудобство своей «золотой кареты», хоть и не может с ней расстаться. У Прудкина Кареев крайне самодоволен и не затруднен решительно ничем. Непонятно, что бросает его на колени перед Марией Щелкановой,— этот поступок никак не вытекает из того характера, который дан Прудкиным Карееву. Кареев побежден, в его душе происходит и не может не происходить сложная борьба с самим собой — нет, на сцене этого не видно. Кареев уходит таким же, каким пришел.

Непряхина А. Грибов играет с подкупающей простотой и задушевностью. Видишь Непряхина живым, явственно зримым и радуешься тому, что много у нас таких хороших людей, которые хоть и не свершают громких подвигов, но чья жизнь, по существу, и есть подвиг в каждодневном труде. И Тимоша таков же, его сын. Он ослеп на войне, но и при этом осталась у него несокрушимая вера в жизнь и чистое, светлое ее восприятие. Молодой артист Л. Губанов показал нам Тимошу во всем его обаянии.

Нет для хороших актеров больших и малых ролей — истина эта общеизвестна. На сцене МХАТа мы видим и примечаем каждого актера, занятого в спектакле,— безликих статистов здесь не найдешь. Председатель колхоза Галанцев вызывает для убеждения тракториста Маслова какого-то Гришечку. Гришечка этот не произносит ни одного слова, но как не запомнить его, такого длиннющего парня, лихим жестом выхватывающего из необъятного кармана гигантскую бутыль с «первачом»?!.

П. Марков, В. Орлов и В. Станицын сумели на сцене МХАТа поставить «Золотую карету» с большой силой. Спектакль запоминаешь накрепко.

В Театре имени Маяковского все условно на сцене. Впрочем, и сцены в натуральном смысле этого слова здесь нет. Вращающийся круг, на котором происходит действие, оказывается почти на середине зрительного зала. Декораций тоже никаких, если не считать спускающихся сверху ветвей яблони, увешанных плодами.

Спектакль начинается с того, что по темному кругу движется ярко освещенное яблоко — в нем и тема спектакля и его символ: яблоко — жизнь. Актеры приходят на сцену с разных сторон и сами приносят скромный реквизит — только то, что уж очень необходимо, без чего не обойдешься. И как-то очень неожиданно оказывается, что при всей своей подчеркнутой условности спектакль приобретает вполне реалистические черты.

Может быть, именно эта условность постановки, отсутствие всего лишнего, что отвлекает зрителя от игры, что рассеивает его внимание, заставляя сосредоточиваться на второстепенном и относительно маловажном, наделяет актера, исполнителя роли, чувством особой ответственности.

Впрочем, как только начинается спектакль, забываешь о непривычности обстановки, ибо сразу оказываешься вовлеченным в русло событий, происходящих на сцене.

Цветут половчанские сады; большая семья Макковеевых работает, творит, делает благо. Зло приходит в семью неприметно, вползает, как змея. Пыляева — носителя зла — артист А. Лукьянов играет с тем проникновением, которое заставляет забывать, что сидишь в театре и смотришь спектакль. Он разоблачает, раздевает Пыляева донага. Видишь отчетливо, как мелочен и мерзостен этот опустошенный человек, которому ненавистно все святое: любовь, дружба, труд, родина. Жалкий вначале, он становится страшным. В тепле макковеевской семьи он греется, как пресмыкающееся, готовое ужалить. Но — таков закон — зло не может восторжествовать в нашем обществе. Побеждает Адриан Макковеев — человек громадной нравственной силы и передового мировоззрения, умеющий подавить в себе дурное и мелкое. Он — как дуб. Даже тяжелое горе — гибель любимого сына — не может свалить его. И вместе с тем Макковеев в исполнении А. Ханова не плакатен — это живой человек. Таких мы встречаем в жизни. Они и составляют тот железный костяк, который придает несокрушимость нашему строю.

Не все принимаешь у Н. Охлопкова без колебаний, да и может ли быть в живом искусстве бесспорное, каменно-каноническое?! Не слишком ли восторженна, по-гимназически, Маша (артистка Г. Анисимова)? Смех ее столь звонок, что кажется, вот-вот оборвется он истерическим плачем. Неужто жене Макковеева Александре Ивановне (артистка Г. Григорьева) так уж и написано всегда, при любых положениях, носить печать извечной скорби, словно радость жизни навсегда покинула ее? Неужто уж так обязательно военным людям, изображаемым на сцене, изъясняться уставными, командными голосами, словно на учебном плацу, и без всякой необходимости щелкать каблуками? Неужто, исполняя роль ученого — в данном случае научного сотрудника Унуса,— всегда требуется изображать этакого традиционного чудака «не от мира сего»?

Думается также, что уж очень быстрому забвению предали Макковеевы погибшего Василия, когда вдруг от вполне понятных слез перешли к бодрому торжеству по случаю помолвки Машеньки.

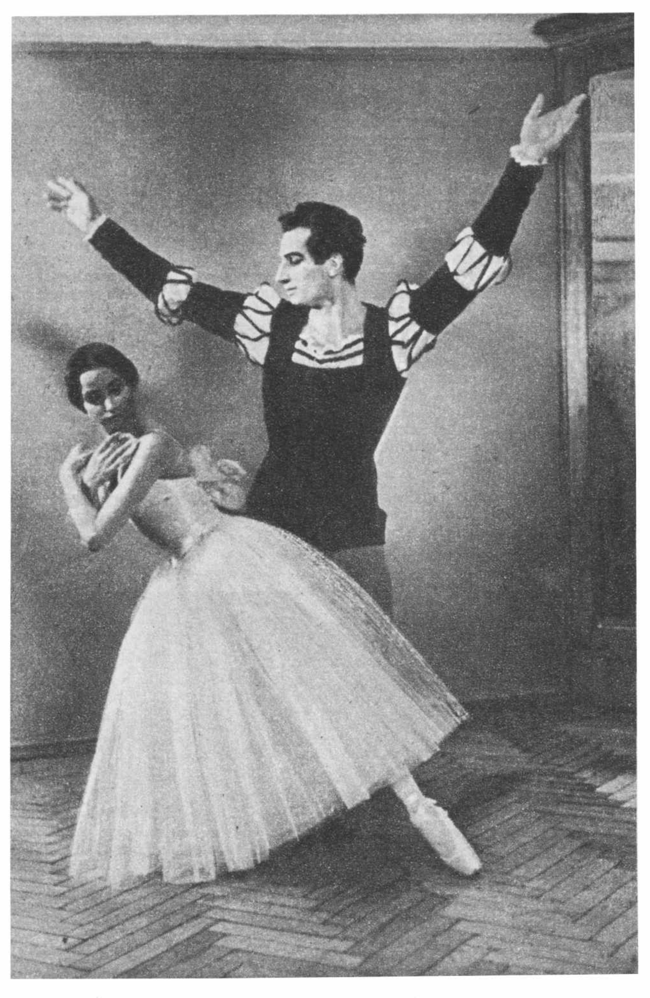
И, кстати говоря, раз уж спектакль поставлен в условной манере, что вовсе не плохо, зачем же актерам есть на сцене натуральную картошку?

Но все это в конце концов детали. Не они определяют собой главное.

Можно с полным правом сказать, что, несмотря на отдельные недостатки, и МХАТом и Театром имени Маяковского созданы спектакли, являющиеся в нынешнем театральном сезоне столицы приметными вехами. Спектакли эти еще раз показывают, какой значительный вклад в нашу драматургию сделан Леонидом Леоновым. Его пьесы живут и еще долго-долго будут жить, волнуя зрителя, порождая в нем хорошие, благородные чувства, разумно поучая доброму и передовому, отвращая от злого и косного.

Тем особенно ценна драматургия Леонова, что она пробуждает мысль, толкает ее вперед. А спектакль, который приводит зрителя к высокому раздумью о жизни,— всегда хороший спектакль.

ДО ВСТРЕЧИ В ПАРИЖЕ

Солисты балета «Гранд Опера» Лиан Дайде и Мишель Рено.

Фото Б. Борисова.

В конце декабря в Москве состоялись выступления солистов балетной труппы парижского театра «Гранд Опера» — Лиан Дайде и Мишеля Рено.

Они танцевали главные партии в балете А. Адана «Жизель» на сцене Большого театра и дали концерт в Зале имени П. И. Чайковского.

Гастроли французских артистов прошли с большим успехом.

Зрители горячо аплодировали хрупкой, маленькой Лиан Дайде и отмечали зрелое хореографическое мастерство Мишеля Рено, его прыжки, вращения, поддержки... Исполнение Лиан Дайде полно грации и выразительности. Прыжки, сложнейшие в техническом отношении движения молодая балерина выполняет с легкостью, свидетельствующей о незаурядном даровании артистки, ее упорном труде и искусном владении техникой танца. Ее Жизель трогательна и поэтична.

— Я ехала в Москву и мечтала увидеть знаменитые русские снега, метель, сугробы,— рассказывает в беседе Лиан Дайде.— А здесь зима оказалась такая же, как и у нас, в Париже.

Я бесконечно счастлива, что мне выпала честь танцевать в спектакле прославленного Большого театра. Балетная труппа русского театра превосходна.

Успех в «Жизели» в Москве — это наибольший успех из всех моих гастрольных поездок, и я думаю, что он, конечно, принадлежит всем участникам этого спектакля.

Где я гастролировала? В Англии, США, Италии, Испании, Португалии, Австрии, Дании, Аргентине, Бразилии, Уругвае, Японии.

Каков мой репертуар? Жизель в одноименном балете, Джульетта в балете С. Прокофьева «Ромео и Джульетта» и в спектакле того же названия, поставленном на музыку П. Чайковского. Эти партии мои любимые. Всегда с удовольствием танцую главные партии в балетах: «Спящая красавица» и Черного лебедя из «Лебединого озера» П. Чайковского; в «Белоснежке» М. Ивена, в «Рыцаре и девушке» Ф. Гобера, в балете «Между двух обходов» С. Руссо (последние три балета написаны одаренными современными французскими композиторами).

В Париже мои товарищи зовут меня Линушкой, что по-русски, наверное, значит Аленушка, и считают, что у меня русская манера исполнения. В этом есть доля справедливости: ведь моим учителем был русский — педагог А. Валинин.

Училась я в балетной школе при театре «Гранд Опера» и с 13 лет начала выступать на сцене.

Каковы мои планы? Из СССР я поеду в Италию, где буду участвовать в постановке балета «Сильфиды» в театре «Ла Скала»,— закончила Лиан Дайде.

Мишель Рено по праву считается одним из лучших танцовщиков «Гранд Опера». В его репертуаре все главные мужские партии в балетных спектаклях.

— Я выступал почти во всех странах мира,— говорит Мишель Рено,— но, получив приглашение приехать в Советский Союз, был горд и счастлив. Это большая честь для любого артиста.

На репетициях, на спектаклях мы постоянно ощущали большой контакт с артистами, оркестром, который превосходно вел дирижер Ю. Файер.

Я высоко ценю советский балет, а Галина Уланова — великая актриса наших дней. Поражают дисциплина, собранность и высокий профессионализм всей московской труппы.

Весной 1958 года балет Большого театра приедет в Париж. Я убежден, что там его ждет большой успех.

Д. СЕРГЕЕВА

Выставка американского художника

Огромная ледяная скала, необозримые снежные просторы, дикая и суровая красота... Около подножия ледяного массива, рядом с прорубью, крошечная фигурка человека. На нетронутой снежной целине следы его шагов — следы единственного человека, забредшего в это пустынное место...

А вот другая картина. На ней изображены люди, живущие в этих суровых краях, такие же строгие, могучие и мужественные, как и природа, которая их окружает.

Мы на выставке американского художника Рокуэлла Кента, открытой в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Читателям «Огонька» знакомо творчество этого художника. В «Огоньке» № 35 за 1957 год мы печатали репродукции его картин.

Удивительно своеобразие этого интереснейшего мастера, одного из крупнейших художников Америки.

Он живописец и график, писатель, философ-гуманист... Он любит людей и своим творчеством дает им радость.

В Москве на выставке картин Р. Кента.

Фото Г. Санько.

Рокуэлл Кент — наследник и преемник американских художников-реалистов. В своей превосходно написанной статье, адресованной к посетителям его выставки, он говорит: «Высшая цель, которой может служить искусство,— это способствовать тому, чтобы люди глубже понимали жизнь и больше ее любили». Он говорит далее об огромной общественной роли искусства: «Искусство — это средство, при помощи которого человеческий ум и сердце, человеческая душа получает возможность высказаться, обнаружить, даже более того — провозгласить братство людей».

И когда мы вспоминаем знаменитый рисунок Рокуэлла Кента, изображающий голубку, свившую гнездо в военном шлеме, когда мы любуемся его пейзажами, рисунками и гравюрами, близкими и понятными сердцу каждого простого человека, когда мы восхищаемся его иллюстрациями к «Кандиду» Вольтера, «Декамерону» Боккаччо или «Гавриилиаде» Пушкина, мы видим, что слова художника не расходятся с делом.

Недавно в связи с празднованием 200-летия Академии художеств СССР Рокуэлл Кент был приглашен в Советский Союз. Но американские власти вторично, так же как и в июне этого года, не разрешили художнику поездку в СССР.

А. АБРАМОВА

АНГЛИЙСКАЯ БАЛЕРИНА НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Марина СЕМЕНОВА,
народная артистка РСФСР

Берил Грей — первая английская балерина, выступившая на сцене Большого театра за 40 лет Советской власти. Зрители и актеры ждали с большим интересом спектакля с ее участием.

Как известно, «Лебединое озеро», в котором Грей исполняла партию Одетты-Одилии, имеет много музыкальных и балетмейстерских редакций. Постановка Большого театра английской балерине была незнакома, и мне поручили ввести ее в наш спектакль.

С первой же репетиции я почувствовала, что Берил Грей преодолеет все трудности. Залогом были ее большое дарование, ее школа, правда, несколько отличающаяся от нынешней советской школы русского классического танца.

Берил Грей владеет хорошей техникой классического танца. В этом все мы, артисты балета Большого театра, убедились, видя, как легко, с блеском она повторяла 32 фуэттэ из третьего акта.

И вот наступил день представления «Лебединого озера». В Большом театре была вся «балетная Москва», все многочисленные любители нашего балета.

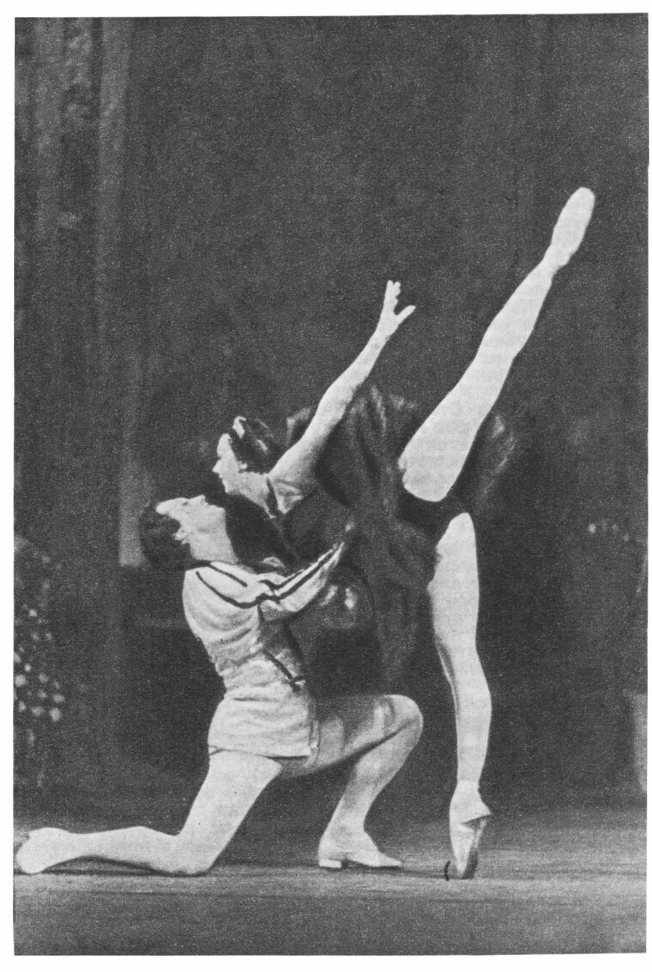
Москвичи встретили английскую балерину очень тепло, с присущим нашим зрителям дружелюбием и гостеприимством. Особенно хорошо прошел третий акт, в котором, как я уже видела на репетиции, Берил Грей блестяще исполняла свою вариацию в знаменитом па-де-де и традиционные фуэттэ.

Большим достижением балерины как в роли Одетты, так и Одиллии является то, что она ни на минуту не выходит из своего образа.

Московские зрители и артисты балета Большого театра сердечно приветствовали английскую гостью.

Берил Грей говорила нам, что считает высокой честью выступать на прославленной сцене Большого театра. Все эти годы английская балерина танцевала на сцене королевского театра «Ковент-Гарден» в Лондоне в труппе «Сэдлерс Уэллс». Семь месяцев тому назад она ушла оттуда и с большим успехом гастролировала в странах Центральной и Латинской Америки и Южно-Африканском Союзе.

Английская балерина мечтает, если позволит ей время, глубже ознакомиться с работой балетного коллектива Большого театра: с повседневными репетициями, занятиями в классе усовершенствования балерин, спектаклями.

«Лебединое озеро» на сцене ГАБТа. Одиллия — Берил Грей, принц — Ю. Кондратов.

Фото А. Батанова.

Новогодний гость

К. Д. Крючков с дочерьми Валентиной и Ольгой.
Фото Г. Санько.

Лифт дома 19 по Рождественскому бульвару остановился на площадке пятого этажа напротив двери с эмалевой бляшкой «17». Звоним. На пороге нас встречает средних лет женщина.

— Это квартира Крючковых?

— Да, да, входите, пожалуйста.

Объясняем цель своего прихода: нам надо выяснить, правда ли, что в этой квартире был Владимир Ильич Ленин.

— Да, правда,— отвечает хозяйка.— Это было еще тогда, когда меня называли не Ольгой Кузьминичной, а просто Олей. Как это было? А просто. Помню, раздался негромкий, но настойчивый стук в дверь. Мама пошла открывать, спросила: «Кто там?». Из-за двери ответили: «Свои». Потом слышу удивленный и радостный возглас: «Товарищ Ленин!»

Вместе с младшими сестрами, Валей и Сусанной, я выбежала в переднюю. Владимир Ильич, улыбаясь и потирая замерзшие руки, что-то говорил матери. Потом он подал каждой из нас руку и спросил, как нас зовут. Лучше всего об этом, конечно, расскажет отец...

Через несколько минут из соседней комнаты вышел Кузьма Дмитриевич Крючков. Он рассказал:

— 1 января 1921 года рано утром я возвратился со встречи Нового года. Только лег в постель, слышу, в передней громкий разговор и смех. Через минуту в комнату вошла жена, а за ней Владимир Ильич, которого облепили со всех сторон три моих маленьких дочки.

До этого я видел Ленина только один раз, летом 1906 года в Петербурге, когда работал в типографии при марксистском издательстве.

Что привело к нам Ильича в ранний час новогоднего утра?

В этой квартире вместе с нами жили тогда сестра моей жены с мужем, старым большевиком, рабочим Мошовичем. Помню, Ленин называл его «Володей» — по партийной кличке.

Володю и его жену в свое время разыскивала царская охранка, и они вынуждены были уехать в Швейцарию, где и поселились в Лозанне. Там во время первой мировой войны они познакомились с Лениным. Владимир Ильич, живший в Берне и Цюрихе, во время своих наездов в Лозанну часто столовался у них. После возвращения в Россию Ленин не встречался с ними. А в канун нового года он случайно узнал от кого-то из товарищей, что Володя в Москве и заболел тифом.

Несмотря на свою занятость, Ленин нашел время прийти в новогоднее утро навестить товарища по эмиграции.

Ленин не застал больного — его отправили в больницу. Дома находилась жена. Она приехала с фронта и сама тяжело заболела. Владимир Ильич подробно расспросил о самочувствии обоих больных, о том, как они лечатся, чем питаются. Потом Ильича окружили дети.

Мы интересуемся, где сейчас работают Крючковы. Кузьма Дмитриевич — персональный пенсионер. Он член партии с 1904 года. Старшая дочь, Ольга,— стенографистка, Валентина заведует кабинетом политического просвещения на станции Москва-Сортировочная, младшая, Сусанна,— инженер, работает в Ярославле.

Прощаясь, Кузьма Дмитриевич говорит:

— После ухода Ленина я оделся, вышел из дома, взял лопату и стал убирать на улице снег. Через полчаса ко мне подошел человек и спросил, где находится квартира 17.

Это был врач, которого прислал Ленин.

М. ДОЛИНСКИЙ,
С. ЧЕРТОК

По семи городам США

Шесть советских женщин-врачей по приглашению «Ассоциации американских женщин-медиков» посетили недавно США. Их поездка по Америке продолжалась ровно месяц.

— Мы успели за сравнительно короткий срок посетить семь крупнейших городов США, увидели много интересного в клиниках, побывали в институтах и лабораториях видных ученых, обменялись с ними научными трудами и опытом,— рассказывает профессор А. К. Шубладзе.

Антонина Константиновна показала нам многочисленные газеты США, пестревшие заголовками: «Первые женщины — делегаты советской науки», «Шесть ученых женщин из страны двух спутников», «78% советских врачей — женщины»...

— Кроме обычной для Америки сенсационности, наш приезд вызвал настоящий деловой интерес в среде людей науки,— говорит А. К. Шубладзе.— Нас тепло и дружелюбно принимали наши многочисленные коллеги, среди которых у каждой из нас нашлись друзья по прежним встречам на международных конгрессах и конференциях. Ученые, которых мы посетили не только на их лекциях в университетах, институтах, но и дома, принимали нас как желанных гостей.

— Мы читаем вас, мы знаем ваши работы, мы следим за вашими успехами,— дружески сказал мне лауреат Нобелевской премии доктор Робинс, в кабинете которого я с удовольствием увидела последний номер нашего московского журнала «Вопросы вирусологии».

Шесть советских ученых от имени огромной армии женщин-врачей Советского Союза пригласили своих гостеприимных американских коллег нанести ответный визит. Это приглашение было официально принято «Ассоциацией американских женщин-врачей».

А. ЕФИМОВ

На снимке: советские ученые Е. А. Васюкова, Н. А. Джавахишвили, М. К. Фатеева, А. М. Шишова, А. К. Шубладзе и Н. И. Переводчикова в Чикагском университете. Американские врачи демонстрируют терапевтическую радиологию.

Квартира из пластмассы

Пластическая масса — поистине универсальный материал. Ее можно встретить и в сумке школьника и в кармане взрослого, она присутствует на пароходе и в автомобиле. Без нее не поднимается в воздух ни один самолет, не опускается в воду ни одна подводная лодка. А теперь пластмасса еще больше расширила свое поле деятельности: она стала хорошим и прочным материалом для жилищного строительства.

В Москве, по Сторожевой улице, строится дом № 11/13. Сейчас завершается внутренняя отделка квартир, которая будет не совсем обычной. Она делается из нового строительного материала — пластмассы.

Оказывается, дорогостоящие дубовые бруски, из которых обычно делается пол, можно с успехом заменить бумажными и древесными отходами. Этот, по существу, бросовый материал пропитывается особыми смолами, затем полученная масса прессуется в прочные плиты, которые хорошо окрашиваются. Такой пол обладает большой прочностью, он не рассыхается и не коробится. Если на пластмассовые плиты наклеить тонкий слой шпона (материал, из которого делается фанера) и на нем вырезать различные кубики, то получится прекрасный паркет.

Новый гидроизоляционный материал, заменяющий толь и руберойд.

Комнатные двери в доме по Сторожевой улице делаются из спресованных плит, состоящих из бумажных и древесных отходов с добавлением смол. Каждая дверь состоит из двух таких плит, между которыми для большей звуко- и теплоизоляции вставлены соты. Внешне эти соты похожи на пчелиные, но сделаны они с помощью машин из бумажных отходов и смол.

В некоторых квартирах этого дома комнатные стены делаются также из пластмассовых плит, между которыми, как и в дверях, вставляется слой сот. Нарядно будут выглядеть кухня и ванная комната из облицовочных плит декоративного полистирольного пластика, который выпускает Ленинградский завод пластических масс. Эти плитки хорошо задерживают тепло и не бьются.

— Прекрасные строительные материалы, они прочны и красивы! — так отзывается о пластических массах строитель этого дома прораб Павел Андреевич Чемров.

В лабораториях Научно-исследовательского института пластических масс, где разрабатывались эти новые строительные материалы, созданы также полупрозрачные, самых различных цветов пластические массы из полиэфирных смол и стекловолокна. Они предназначены для кровли.

В цехах заводов пластмасс уже получены образцы пластмассовых канализационных труб, кранов, раковин, вентиляционных решеток. Изделия эти легки, прочны и не боятся ржавчины.

М. АНГАРСКАЯ

СУДЬБА ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

Сигнал получен. Команда встала по местам. Подводная лодка начала быстро погружаться. Но вот она вышла в заданный квадрат и застыла.

Что это? Начало боя? Учение военных моряков? Ничего подобного. У этой лодки новая судьба, новые задачи. Эта лодка перешла на службу рыбного хозяйства.

Правда, с заданием ученых лодка уйдет только через несколько месяцев. А пока в лабораториях Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии идет деятельная подготовка различных приборов к необычной экспедиции.

На снимке вы видите заведующего лабораторией технических средств подводных исследований В. Г. Ажажа и механика В. В. Гришкова. Они вместе производят окончательную регулировку дистанционного термосолемера с электронным индикатором. Это новый прибор, созданный работниками института.

В подводной лодке произойдет много изменений: тут будут сделаны иллюминаторы, установлены мощные прожекторы для подводного освещения, аппаратура для подводного фотографирования, киносъемок и телевидения.

Подводная лодка поможет изучению поведения рыб в зависимости от различных факторов: температуры воды, состояния кормовой базы, времени года,— облегчит определение пути движения рыб. Гидроакустические приборы, использующиеся на рыболовных судах, не всегда дают точные результаты. Маневренность лодки, возможность воочию наблюдать за рыбой, комплекс точных приборов позволяют вести широкое научное исследование.

Н. НИКОЛАЕВА
Фото Р. Константиновой.

Коккинаки ведет «Москву»

Владимир Константинович Коккинаки.
Фото А. Гостева.

Летная станция находится на краю аэродрома, и из окна видно его заснеженное поле, рассеченное серой лентой бетонной дорожки, ряды самолетов на стоянке. Против меня за столом сидит дважды Герой Советского Союза Владимир Константинович Коккинаки, имя которого хорошо знают советские люди.

— Минувший год был у меня юбилейный,— говорит Владимир Константинович,— исполнилось двадцать пять лет, как я работаю летчиком-испытателем.

Это действительно знаменательная дата. За четверть века В. Коккинаки проверил в воздухе более шестидесяти самолетов новой конструкции. Многие из них состояли и состоят на вооружении нашей авиации, курсируют на линиях Аэрофлота.

Сейчас летчику 53 года. Но он по-прежнему неутомимо летает на разных типах самолетов, в том числе и сверхзвуковых.

— Недавно мне пришлось проводить интересную работу,— рассказывает Коккинаки.— Я испытывал и реактивный самолет и грузовой планер. Это было как в романе Уэллса «Машина времени»: выполнишь полет почти со скоростью звука, а потом паришь на планере, делая едва девяносто километров в час, словно переносишься во времена Блерио и Уточкина.

— Какой самолет вы испытываете сейчас?

— Пассажирский. «ИЛ-18» — «Москва». Пойдемте покажу...

...Самолет «ИЛ-18», созданный большим конструкторским коллективом, руководимым генеральным конструктором дважды Героем Социалистического Труда С. В. Ильюшиным, готов к полету. Мы поднимаемся на борт и входим в большой пассажирский салон, вмещающий от семидесяти до ста человек. Здесь все предусмотрено для удобства во время дальних путешествий. Кресла мягкие, откидные, возле каждого — индивидуальная вентиляция и освещение. «ИЛ-18» летает на высотах в 8—10 тысяч метров, и все его помещения герметизированы. Пассажирам не надо надевать ни кислородных масок, ни теплой одежды. Здесь всегда поддерживается нормальное атмосферное давление и комнатная температура.

Особое внимание конструкторы уделили обеспечению безопасности полета. На самолете установлен полный комплект различного навигационного оборудования, предупреждающего летчика о грозовых фронтах, препятствиях на пути и встречных самолетах. «ИЛ-18» может совершать полеты в сложных условиях. Специальное приспособление исключает обледенение. Машина снабжена четырьмя турбовинтовыми двигателями, по четыре тысячи лошадиных сил каждый, конструкции Н. Д. Кузнецова.

— При испытаниях,— говорит Коккинаки,— я выключал два двигателя и мог свободно продолжать полет. «Москва» — отличная машина. И недаром ее с нетерпением ждут гражданские летчики. Приведу такой пример: «ИЛ-18», имея рейсовую скорость 650 километров в час, на перелет из Москвы во Владивосток затратит только на один час больше времени, чем «ТУ-104». Он выигрывает время за счет сокращения посадок, приземляясь всего один раз во время маршрута. А стоимость рейса «ИЛ-18» вдвое дешевле. К тому же — что тоже очень важно — для нашего самолета не надо увеличивать площадки. Он может взлетать с тех же полос, что и «ИЛ-14».

Владимир Константинович смотрит на часы:

— Пора в полет.

Самолет «ИЛ-18» плавно рулит на старт и оттуда после короткого разбега уходит в воздух.

Дважды Герой Советского Союза Владимир Коккинаки ведет «Москву» в очередной испытательный полет.

А. ГОЛИКОВ

«Это мой муж...»

Так выглядел неизвестный солдат на фотографии, помещенной в № 11 «Огонька» за 1957 год. Фотография сделана в феврале 1917 года.

В марте 1957 года в «Огоньке» (№ 11) были напечатаны фотографии, относящиеся к периоду Февральской революции. Среди других было и такое фото: очередь за продовольствием в Петрограде. На тротуаре толпятся бородатые солдаты, бедно одетые женщины, дети, а на переднем плане, прислонясь к фонарному столбу, молодой солдат слушает девушку, которая читает вслух газету.

После выхода журнала в Центральный архив кинофото-фонодокументов СССР, откуда были взяты фотографии, пришло письмо из Симферополя. П. Ф. Абрамова-Тимошек сообщала, что в молодом солдате она узнала своего мужа — Максима Нестеровича Тимошека. «Я полагаю, он не знал, что попадет на этот снимок, но вот прошло много лет, и мне пришлось встретиться с мужем на страницах журнала «Огонек»,— писала она.

Жизнь М. Н. Тимошека — это «обыкновенная биография в необыкновенное время», как говорил Гайдар. В 1917 году Тимошек — участник мировой войны — попадает в Петроград. Вскоре после Февральской революции он вступает в ряды большевистской партии, принимает активное участие в Октябрьской революции. Партия направляет его на командные курсы: молодой Красной Армии нужны свои командиры.

На выпуск пехотных курсов имени ВЦИК, где учился Тимошек, приехал Владимир Ильич Ленин. На всю жизнь запомнил Тимошек ленинские слова о том, каким должен быть командир Красной Армии. В годы гражданской войны Тимошек участвовал в разгроме Юденича, в борьбе с Махно, ликвидировал бандитские шайки.

В первые же дни Отечественной войны Тимошек добровольцем уходит на фронт. Полк, которым командовал М. Н. Тимошек, ведет бои на Украине, а затем участвует в обороне Сталинграда. О том, как стойко и мужественно боролся полк под командованием Тимошека, не раз писал во фронтовой газете писатель Ю. Чепурин. Впоследствии он изобразил некоторые черты характера Максима Нестеровича в образе генерала Климова в пьесе «Сталинградцы». 24 октября 1942 года Тимошек погиб смертью храбрых в Сталинграде во время жестокого боя в центре города.

Так фотоснимок, случайно сделанный на петроградской улице сорок лет назад, получил новое, глубокое содержание, обернулся страничкой жизни верного солдата революции.

Ю. ХОДЖАЕВ

М. Н. Тимошек (второй справа) в группе командиров полка, которым он командовал в годы Отечественной войны.

Орден вручен через 35 лет

Иван Степанович Ткачев.
Фото А. Альперта.

В 1922 году Революционный Военный Совет Республики приказом № 154 наградил красноармейца 304-го стрелкового полка Ивана Степановича Ткачева орденом Красного Знамени.

Однако после демобилизации из Красной Армии Ткачев с семьей переехал из села Медового, Воронежской области, где он раньше жил, на Херсонщину. Героя разыскивали в Медовом, чтобы вручить награду, но никто из односельчан не знал его адреса.

В октябре этого года сын Ткачева, инженер Семен Иванович Ткачев, написал письмо в Министерство обороны СССР. Вскоре из Москвы ответили, что документы о награждении найдены, и 6 ноября 1957 года, спустя 35 лет после награждения, Ивану Степановичу Ткачеву был вручен орден Красного Знамени № 497037.

ПОДВИГ ШКОЛЬНИКА

Валерий Малков со спасенными им детьми.
Фото И. Тюфякова.

На этой фотографии вы видите ученика девятого класса школы № 3 города Полевского, Свердловской области, Валерия Малкова и трех дошкольников: Вакиля и Фаила Якуповых и Тагира Муртазина. Они пришли в школу, чтобы поблагодарить Валерия, который спас им жизнь.

А дело обстояло так. Недавно поздним зимним вечером, когда Валерий готовил уроки, в квартиру вбежала встревоженная соседка.

— У Якуповых пожар. Дым так и валит, а на улице ни души! — крикнула она с порога.

Валерий накинул телогрейку и выскочил из дому. Несколько прохожих уже толпились у дома Якуповых, безуспешно пытаясь сбить тяжелый замок на дверях. Сквозь щели окон на улицу вырывались клубы черного дыма. Через стекла было видно, как пылали в комнате занавески, горела мебель, одежда...

— В доме кто-то есть, наверное, ребята! — послышался возглас.

Тогда Валерий кулаками разбил оконные стекла и, не обращая внимания на кровоточащие руки, вскочил в комнату. Едкий дым и нестерпимый жар ударили в лицо. Глаза сразу же заслезились. Пригнувшись, ощупью он продвигался вперед. Вдруг ноги натолкнулись на что-то мягкое, послышался стон: у самых дверей, укрывшись с головой старой одеждой, лежали двое ребят. Это были пятилетний Вакиль и трехлетний Фаил. Подхватив малышей, Валерий начал продвигаться к окну. Передав детей, он тут же свалился в снег.

— Там Тагир, Тагир остался! — закричали ребята.

Услышав это, Валерий вскочил на ноги и, набрав в легкие побольше воздуха, снова бросился в дом. Он медленно продвигался по комнате, ощупывал пол, стены, кровать... На нем уже начинала тлеть одежда, когда он натолкнулся на диван, под которым обнаружил забившегося туда мальчика. Тот был уже без сознания. Подхватив Тагира, Валерий, теряя последние силы, дотащил его до окна.

В это время подъехала пожарная команда и огонь потушили, Тагира в бессознательном состоянии увезли в больницу.

— Да, не подоспей вовремя решительный парнишка, ребята, возможно бы, задохлись,— говорили пожарники.

А вскоре выяснилась и причина пожара. Родители ушли в кино, заперев дома мальчиков, а те начали играть со спичками...

Исполком Полевского Совета в специальном постановлении отметил мужество школьника.

А. ГРИГОРЬЕВ

Под редакцией международного гроссмейстера
Сало **ФЛОРА**

Рисунки Н. Лисогорского
и Л. и Ю. Черепановых.

> Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе...
>
> А. ПУШКИН.
> Из письма к жене.

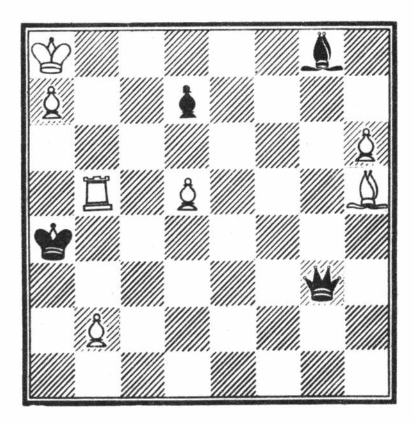
> Я люблю шахматы потому, что это хороший отдых: они заставляют работать головой, но как-то очень своеобразно.
>
> Л. ТОЛСТОЙ.
> По воспоминаниям А. Гольденвейзера.

ШАХМАТНЫЙ КОМПОЗИТОР

Замечательный советский шахматный композитор А. Троицкий говорил: «В шахматной игре самое увлекательное — это борьба. Этюд тем ценнее как художественное произведение, чем сложнее, богаче его идеи».

Новая плеяда советских шахматных композиторов создала великолепные произведения. Писатель А. П. Казанцев, автор популярных научно-фантастических романов «Пылающий остров», «Арктический мост», «Полярная мечта», является одним из талантливейших мастеров шахматной композиции.

Приводим один из этюдов Казанцева. Любопытно, что автор работал над этим этюдом 25 лет. Писатель в шутку говорит, что написать книгу бывает проще, чем создать сложный шахматный этюд.

Кра8, Лb5, Ch5, п: a7, b2, d5, h6 (7)
Кра4, Фg3, Cg8, п. d7 (4)
Белые начинают и выигрывают.

Найти решение этого этюда трудно даже квалифицированному шахматисту. Мы предлагаем попробовать читателям «Огонька». Но если не получится, тогда что же, прочтите решение. Вот оно:

1. Лb5—b7 Фg3—e5 2. Ch5—d1+ Кра4—a5 3. b2—b4 + Кра5—a6 4. Cd1—e2+! Фe5 : e2 5. Кра8—b8 Фe2—e5 + 6. Кpb8—c8 Фe5—e8+ 7. Кpc8—c7 Cg8:d5. Белым как будто пора сдаваться, но именно сейчас следует неожиданный финал. 8. a7—a8Ф+Фe8:a8 9. Лb7—b6+ Кра6—a7 10. b4—b5 Cd5—b7 11. Лb6—a6+ Cb7:a6 12. b5—b6 мат.

Красиво, ничего не скажешь! Кроме этого главного варианта, есть еще и второй, также великолепный. Черные защищаются по-иному: 7... d7—d6 8. a7—a8Ф+Фe8:a8 9. Лb7—b6+ Кра6—a7 10. b4—b5 Фa8—d8+ 11. Кpc7:d8 Кра7:b6 12. Кpd8—e7 Кpb6:b5 13. Кpe7 : d6 Кpb5—c4 14. Кpd6—e5 Кpc4—c5 15. d5—d6 Кpc5—c6 16. Кpe5—f6 Кpc6:d6 17. Кpf6—g7 — и черный слон пойман. Последняя пешка белых проходит в ферзи.

Во многих странах этот этюд показывали гроссмейстерам и мастерам. Блестящее, фантастическое произведение — таков был обычный отзыв. Думаем, что и наш читатель получит большое эстетическое наслаждение от этого этюда.

ОТ АЛЕХИНА ДО ТАЛЯ

Популярный турнир теннисистов в Уимблдоне (Англия) считается неофициальным первенством мира. То же самое можно сказать и про шахматный чемпионат СССР. Чемпион СССР — после чемпиона мира — это самое почетное звание для шахматиста. Вот кто удостаивался этой чести в 24 чемпионатах страны:

1920 год — А. Алехин (Всероссийская Олимпиада). 1923 год — П. Романовский. 1924 год — Е. Боголюбов. 1925 год — Е. Боголюбов. 1927 год — П. Романовский и Ф. Богатырчук. 1929 год — Б. Верлинский. 1931 год — М. Ботвинник. 1933 год — М. Ботвинник. 1934 год — Г. Левенфиш и И. Рабинович. 1937 год — Г. Левенфиш. 1939 год — М. Ботвинник. 1940 год — И. Бондаревский и А. Лилиенталь. 1944 год — М. Ботвинник. 1945 год — М. Ботвинник. 1947 год — П. Керес. 1948 год — Д. Бронштейн и А. Котов. 1949 год — Д. Бронштейн и В. Смыслов. 1950 год — П. Керес. 1951 год — П. Керес. 1952 год — М. Ботвинник (после матча с М. Таймановым). 1954 год — Ю. Авербах. 1955 год — Е. Геллер (после матча с В. Смысловым). 1956 год — М. Тайманов (после матч-турнира с Ю. Авербахом и Б. Спасским). 1957 год — М. Таль.

Первым вопросом «повестки дня» на 1958 шахматный год является определение чемпиона СССР в юбилейном XXV первенстве. Следует сказать, что на этот раз наши гроссмейстеры не сдали своих позиций молодежи. Из десяти гроссмейстеров, участвовавших в полуфиналах, девяти удалось выйти в финал. Молодежь на этот раз сумела «вытеснить» лишь гроссмейстера В. Рагозина.

В Риге начиная с 12 января одиннадцать гроссмейстеров и восемь мастеров будут сражаться за почетное звание чемпиона. Ожидается особенно напряженная спортивная борьба, потому что этот чемпионат явится одновременно отборочным для межзонального турнира в Дубровнике летом 1958 года. Дубровник—важный этап на пути к турниру претендентов для тех, кто стремится бороться в матче на звание чемпиона мира в 1960 году.

ПЯТЬДЕСЯТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

В XIX веке и в первые десятилетия XX века чувствовалось влияние так называемой немецкой шахматной школы. Шахматисты многих стран разговаривали между собой чаще всего на немецком языке. Ныне сильнейшее влияние на мировую шахматную мысль оказывает передовая советская школа. Иностранные шахматисты изучают русский язык, иначе им трудно следить за русской шахматной литературой.

Но до сих пор в нашем шахматном языке не исчезли термины на немецком языке, как, например, «эндшпиль» (конец игры), «миттельшпиль» (середина игры), «гроссмейстер» (большой мастер).

В прошлом титул гроссмейстера присваивали шахматисту, когда он занимал первое место в международном турнире. В наше время звание международного гроссмейстера присваивает ФИДЭ (международная шахматная федерация) за большие спортивные успехи.

Сейчас в шахматном мире насчитывается 50 международных гроссмейстеров, из них в СССР — 19, в Югославии — 7, в США — 5, в Аргентине — 4, в Швеции, Бельгии, Венгрии, Чехословакии, ФРГ и Франции — по 2, в Австрии, Дании и Голландии — по 1.

Самые старые гроссмейстеры — А. Рубинштейн (Брюссель), который уже 25 лет не участвует в турнирах, и О. Бернштейн (Париж), выступавший на олимпиаде в Москве. Каждому из этих гроссмейстеров недавно исполнилось 75 лет. Самыми молодыми гроссмейстерами являются Б. Спасский, М. Таль и Б. Ларсен. Этой тройке вместе значительно меньше лет, чем одному Рубинштейну!..

ПОД УГРОЗОЙ ФЛАЖКА

«Цейтнот» — также немецкое слово (недостаток времени). Когда-то для шахматистов был рай: не было шахматных часов. Думай, сколько хочешь, пока не лопнет терпение у... противника! В матче Ля-Бурдонне — Мак Доннелл в 1834 году Мак Доннелл продумал над одним ходом полтора часа. Сегодня за это время спутник Земли облетает весь земной шар!

Человек создал шахматные часы, и шахматистам стало некогда... Ты имеешь выигранную позицию, хочется чуть-чуть подумать, и вдруг падает еле заметный маленький флажок на часах. Все. Это означает: время истекло, партия проиграна (если не сделано положенных 40 ходов за два с половиной часа).

Сначала шахматисты не могли привыкнуть к такому строгому наказанию. На турнире в Нюрнберге в 1906 году завели правило: просрочивший время имел право заплатить штраф и... продолжать игру! Среди участников был польский мастер Д. Пшепюрка, богатый человек. Пшепюрка охотно платил штраф за штрафом и все же оказался на последнем месте.

Среди современных шахматистов многие не в ладах с часами. Есть «неизлечимые цейтнотчики», как, например, минский мастер Г. Вересов. Этим же «славится» американский гроссмейстер С. Решевский, который, как говорят, «всю жизнь в цейтноте». Но самый «классический» цейтнотчик — немецкий гроссмейстер Ф. Земиш. Он начинает долго думать уже с первого хода. В 1943 году в Праге в одной партии Земиш просрочил время на 16-м (!) и во второй — на 23-м ходу! В одном турнире в Гастингсе Земиш поставил своеобразный мировой рекорд: в пяти партиях гроссмейстер умудрился проиграть из-за просрочки времени!

ИНТЕРВЬЮ С РЕШЕВСКИМ

В конце 1938 года гроссмейстер С. Решевский впервые посетил СССР. Корреспондент газеты «64» пришел к нему побеседовать.

— Можно у вас получить интервью? — спросил он американского гостя.

— Интервью? Пожалуйста! Сколько вы платите?!

— А сколько платят в США за интервью? — спросил корреспондент.

— В Америке не принято платить за интервью, — сообщил Решевский.

— В таком случае мы будем придерживаться американских традиций, — со спокойной улыбкой ответил корреспондент «64».

ЗРЯ ОБРАДОВАЛСЯ

Во время сеанса одновременной игры А. Алехина в Аргентине один из темпераментных партнеров громко и с радостью объявил: «Маэстро, вам мат в три хода!» Чемпион мира улыбнулся: «Хорошо, хорошо, только не волнуйтесь зря, синьор! Пока я вам объявляю мат в два хода!»

НА ЭТОТ РАЗ ПОВЕЗЛО...

Не думайте, что гроссмейстеры все время играют в шахматы. М. Ботвинник, Е. Геллер, П. Керес, А. Котов, А. Лилиенталь, В. Смыслов, М. Тайманов увлекаются автомобильным спортом. В прошлом году А. Котов «зевнул» правила уличного движения в Москве.

— Ваши документы! — попросил у Котова орудовец. Пока проверялись документы, гроссмейстер приготовил деньги. Но платить штраф не пришлось.

— Пожалуйста, поезжайте! На этот раз вам повезло: моя фамилия — тоже Котов!

АМЕРИКАНЦЫ СНОВА ОТЛИЧИЛИСЬ...

Шахматисты — да и не только шахматисты — помнят, что в 1953 году в Нью-Йорке должен был состояться матч сборных команд СССР и США. Но поскольку американцы выдали визы с ограничениями, то наши шахматисты, поблагодарив за подобное «гостеприимство», вернулись из Парижа домой.

В конце 1957 года американцы превзошли самих себя. Они задумали организовать крупный турнир в городе Даллас и начали с того, что пригласили чемпиона мира В. Смыслова. Очень мило. Но поскольку В. Смыслов занят подготовкой к матч-реваншу с М. Ботвинником, он не мог принять приглашение. Тогда американская федерация пригласила Д. Бронштейна.

Наш гроссмейстер уже попрощался с друзьями, сложил чемодан, но в самый последний день получил извещение, что ему отказано в визе для поездки в США.

Это первый случай в истории древних шахмат, когда популярному во всем мире гроссмейстеру отказали выдать визу. Зачем же, спрашивается, надо было приглашать?

Американская шахматная федерация в телеграмме извинилась: она якобы имела согласие со стороны Госдепартамента, но в последний момент отказала другая инстанция — Министерство юстиции.

Американцы попали в смешное положение. Совсем смешным было сообщение, что Д. Бронштейна заменит Л. Эванс. Этот «заместитель» в турнире оказался на самом последнем месте. Ясно, что Л. Эванс не мог быть серьезным конкурентом для С. Решевского.

Несмотря на отсутствие Д. Бронштейна, Решевскому не удалось занять первого места. Он вынужден был поделить его с С. Глигоричем.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ.

Фото Е. ДУБОВСКОГО.
Павловский Посад, Московской области.

Памятники литературным героям

Приятно было прочитать в № 49 «Огонька» за 1957 год о памятниках популярным литературным героям Сервантеса, Марка Твена, Андерсена. Убежден, что хороший обычай следовало бы вспомнить и сейчас. Мне думается, что заслуживает увековечения образ матери М. Горького на родине писателя. Мать Горького больше, нежели обычный литературный герой. Вряд ли кто может спорить, что русская мать, и в частности рабочая мать, такого памятника стоит.

Мы выразим этим сыновнее и дочернее уважение и любовь к нашим матерям, к родине, к писателю.

Контр-адмирал В. БОГОЛЕПОВ

Москва.

Письменный прибор

После опубликования в «Огоньке» моей модели для выпиливания шкафчика-этажерки (№ 46 за 1954 год) я получил около тысячи писем. Многие читатели просят опубликовать новые работы.

Такой письменный прибор можно изготовить путем выпиливания и выжигания.

В. ЗИНОВЬЕВ

Киев.

Пожелание художника Мительберга (Париж): «Я хочу, чтобы в новом году француз и алжирец, встретившись в зоопарке, вместе посмеялись над новым жильцом — колониализмом».

ЕЛКА-МАЛЮТКА

В Научно-исследовательский институт художественной промышленности несколько лет назад была доставлена новогодняя елочка высотой в 16 сантиметров. На ее веточках уместилось более 50 игрушек: кукол, зверей, шаров. Автор елки-малютки — художница Л. Школьникова, которая изготовила елку из прорезиненной ткани, а игрушки — из ваты, фольги, целлофана, целлулоида, бисера. Эта работа привела к мысли выпускать елки-малютки массовым производством.

Правда, «малютки», которые теперь выпускает Московская фабрика стеклянных и елочных украшений, несколько видоизменились. Рост их 30 сантиметров. Ветки сделаны из бумаги. Ныне среди игрушек засверкал маленький спутник. Авторы модели художники Бертрам и Юркевич.

Л. РОЗОВА, главный художник Росхудожпромсоюза

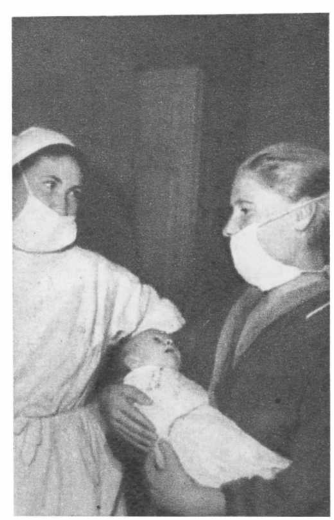
Пациенту... 14 часов

В жизни семьи, пожалуй, нет большей радости, чем рождение первенца. Такое событие произошло в семье Подгорных. Но ни молодой отец — шахтер из города Сталино Г. Подгорный, ни мать — В. Подгорная не подозревали, что вокруг новорожденной, которая прожила всего 14 часов, собрались врачи: акушеры, педиатры, рентгенологи. У девочки определилось тяжелое заболевание.

Началась сложная и необычная операция. Ее провели три выпускника Сталинского медицинского института В. Карпенко, Л. Байдалин и А. Тарнопольский.

По окончании операции девочка порозовела, начала свободно дышать. Вскоре она выздоровела. По просьбе студентов-медиков родители назвали дочь Витой, что по латыни означает жизнь.

Студент Сталинского медицинского института Ф. ВУЛЬ

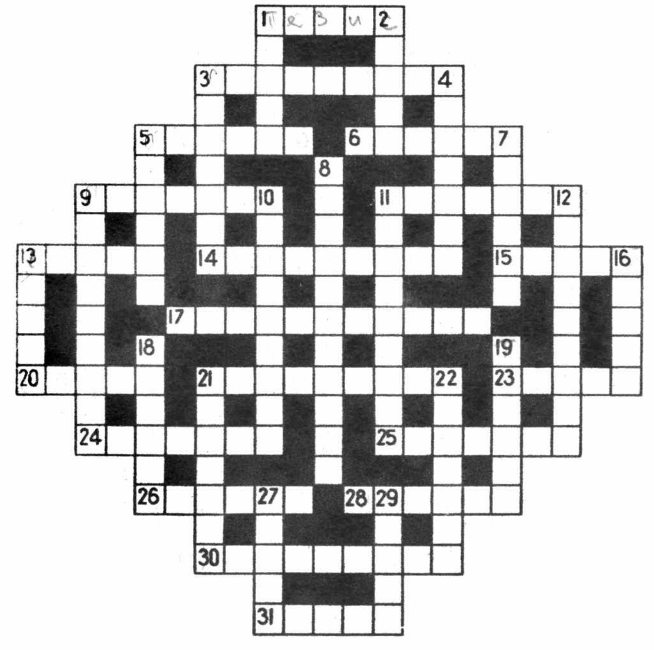
В. Подгорная с дочерью в клинике. Фото автора.

Спутник школьника

На обложке этой книжки стоит слово, которое недавно вошло во многие языки мира,— «Спутник». Красочный спутник — календарь школьника, выпущенный Государственным издательством политической литературы, рассказывает ребятам о многих явлениях жизни, о новинках техники, о животном и растительном мире, знакомит с биографиями выдающихся политических деятелей, писателей, ученых. Школьник может поучиться у заслуженного мастера спорта, как делать зарядку, у профессора, как разводить голубей, получит много полезных советов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Одно из основных положений труда, доклада. 3. Стилистический прием. 5. Персонаж оперы Россини «Севильский цирюльник». 6. Английский ученый XIX века. 9. Небесное тело. 11. Садовые ножницы. 13. Название газеты. 14. Средства передвижения. 15. Слой светлой глины, покрывающий керамическое изделие. 17. Строительный материал. 20. Ткань. 21. Служебное сообщение. 23. Лицевая сторона монеты, медали. 24. Персонаж произведения Жюля Верна. 25. Слушатель военного учебного заведения. 26. Вожак движения крепостных крестьян в Западной Украине. 28. Ученый спор, прения. 30. Герой гражданской войны. 31. Приток Сены.

По вертикали:

1. Высокий голос. 2. Птица семейства ястребиных. 3. Часть круга, ограниченная дугой и ее хордой. 4. Поверенный по судебным делам. 5. Многолетнее травянистое растение. 7. Соль азотной кислоты. 8. Русский композитор и театральный деятель XIX века. 9. Роман Ф. М. Достоевского. 10. Один из героев «Илиады». 11. Растение из рода алоэ. 12. Законодательный акт Петра I. 13. Единица магнитной индукции. 16. Шотландский народный поэт. 18. Вид боеприпаса. 19. Высокая степень одаренности. 21. Съедобный гриб. 22. Редкоземельный элемент. 27. Опора моста. 29. Русский сатирический журнал XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

3. Коляска. 6. Антраша. 12. Рафия. 13. Скетч. 14. Шеридан. 15. Сайка. 17. Фокус. 18. Воображение. 21. Долг. 23. Киви. 25. Идеал. 26. Тартарен. 27. Асенкова. 28. Конец. 30. Бордо. 31. Рогатка.

По вертикали:

1. Дядя. 2. Ярус. 4. Орфей. 5. Кисель. 7. Нокаут. 8. Швейк. 9. Дрессировка. 10. Примета. 11. Счастливцев. 16. Апломб. 17. Фимиам. 19. Бузина. 20. «Ералаш». 22. Гастроль. 23. Крокодил. 24. Чехарда. 29. «Цирк». 30. Брак.

На вкладках этого номера: репродукции картин В. И. Сурикова, А. Намаджира и три страницы цветных фотографий.

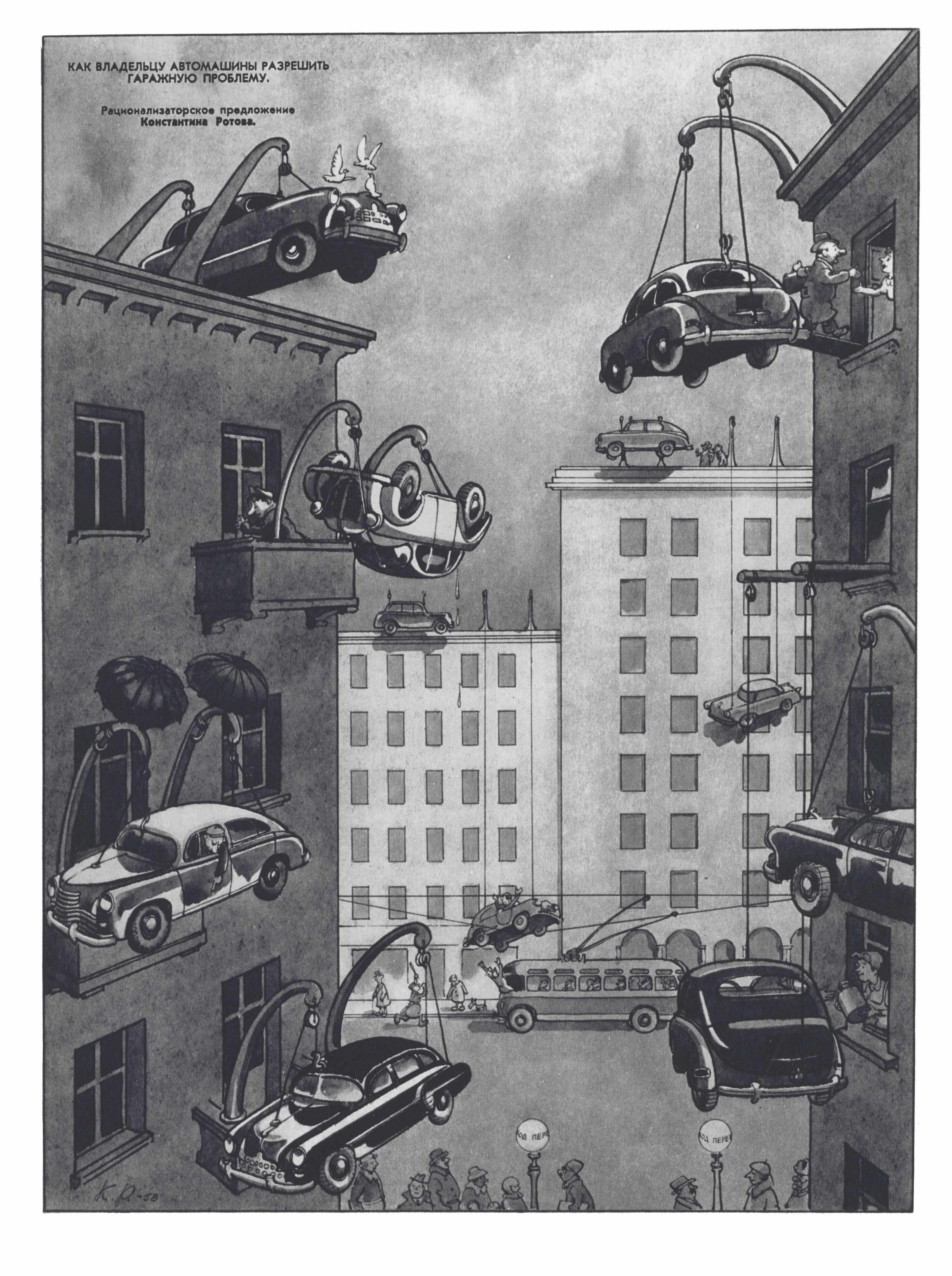
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10086. Подписано к печати 31/XII 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 300 000. Изд. № 3. Заказ № 3262.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

КАК ВЛАДЕЛЬЦУ АВТОМАШИНЫ РАЗРЕШИТЬ
ГАРАЖНУЮ ПРОБЛЕМУ.
Рационализаторское предложение
Константина Ротова.

Цена номера 3 руб.